

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»

Н.Г. ДЯДЫК

**ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ АФОРИЗМА КАК СЕМИОТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ**

Монография

Челябинск

2021

0

УДК 1 Ф (021)

ББК 87

Д 99

Дядык, Н.Г. Философский анализ афоризма как семиотической системы: монографии / Н.Г. Дядык. – Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2021. – 207 с. – Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-907409-42-2

В работе рассматривается афоризм как особая форма языка философии, представляющая собой своеобразную философскую формулу, выражающую квинтэссенцию мысли философа. Анализируется механизм визуализации и материализации метафизического объекта философствования и функционирования афоризма как оператора философской мысли.

Монография предназначена для специалистов в областях философии языка, лингвистики, филологии, а также для широкого круга читателей.

Рецензенты: С.В. Борисов, д-р филос. наук, профессор

В.И. Гладышев, д-р филос. наук, профессор

ISBN 978-5-907409-42-2

© Н.Г. Дядык, 2021

© Издательство Южно-Уральского
государственного гуманитарно-
педагогического университета, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Логико-семантический анализ афоризма.....	17
1.1. Афоризм как объект гносеологического анализа. Специфика афоризма как семиотической системы.....	17
1.2. Семантика языка и логико-смысловая структура афоризмов.....	38
1.3. Типология афоризмов как семиотических моделей.....	61
Выводы по первой главе.....	86
Глава 2. Онто-прагматический анализ афоризма.....	91
2.1. Прагматика языка и специфика практического мышления.....	91
2.2. Основные функции афоризмов в речевом мышлении.....	111
2.3. Афоризм как форма обыденного сознания.....	124
2.4. Язык и идеология: афоризм как идеологема.....	132
2.5. Афоризм как способ философствования.....	143
Выводы по второй главе.....	171
Заключение.....	175
Библиографический список.....	186

ВВЕДЕНИЕ

Все огромное здание Вселенной, преисполненной жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры.

Ортега-и-Гассет

В философии XX века происходит лингвистический поворот, в следствие чего язык становится одним из главных объектов философского анализа. Лингвистическая философия Л. Витгенштейна, феноменология Э. Гуссерля, онтология М. Хайдеггера, неопозитивизм рассматривают язык как предельное онтологическое основание мышления и деятельности. В связи с исследованиями языка позднего Л. Витгенштейна, Дж. Остина и Дж. Серля актуальным становится интерес философов к языку в его «неочищенном» виде, к прагматике языка и обыденному употреблению языковых выражений. При этом особенно интересными для лингвофилософского анализа представляются такие языковые выражения, в которых коммуникативное намерение («иллокутивная сила»¹ по Остину и Серлю) не выражено напрямую в вербальной форме высказывания, яркой разновидностью таких высказываний и являются афоризмы.

Афоризм изучен в основном в лингвистическом аспекте как речевая форма и в литературоведческом – как особый литературный жанр, но практически не изучен как форма знания. По нашему мнению, необходимо осмысление афоризма средствами философского анализа как специфической семиотической системы, которая сжимает информацию и знание до ядерного

¹Смотри Searle J.R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. Вопрос об иллокутивной силе высказывания будет рассмотрен подробно в параграфе 2.1. «Прагматика языка и специфика практического мышления» второй главы нашего исследования.

состояния и употребляется в различных типах дискурса: в религии, в морали, в искусстве, в праве, в науке и философии. Междисциплинарный статус афоризма инициирует поиски ответа на вопрос, зачем собственно мы употребляем афоризмы вместо того, чтобы ясно выразить свою мысль. По сути, речь идет о тех функциях, которые выполняют афоризмы в языковом мышлении. Смысловая компрессия, осуществляемая афоризмом, заставляет задуматься о нем как феномене смысла, что позволяет рассматривать афоризм в семиотическом, герменевтическом, аналитическом, феноменологическом контекстах. Также представляет интерес афористичная нагруженность философского дискурса как такового, философы разных эпох начиная с Гераклита для выражения своих идей часто использовали афоризмы, а философию постмодерна вовсе можно назвать «литературной» за афористично-метафорический язык. В XX веке особенно остро обнаруживается противостояние позитивной, строго рациональной, философской традиции и так называемой «литературной» философии, к которой относят мыслителей, излагающих результаты философской рефлексии в художественно-афористичной форме. По сути, речь идет о языке философии, который может быть как рационально строгим, так и художественно-экспрессивным в зависимости от того, как мыслитель понимает сущность философствования.

Афористичная манера философствования возникла на заре философии, когда категориальный аппарат философии еще не был разработан и не ослабла связь с мифологическим сознанием. Генезис философии демонстрирует, что мыслители продолжают использовать афоризмы на любом этапе развития философии в качестве философских формул, для выражения квинтэссенции своей мысли лаконичным и образным способом, однако наибольший интерес к данному жанру характерен для неклассической философии. Философские произведения Ф.Ницше, А.Шопенгауэра, С.Кьеркегора, М.Хайдеггера демонстрируют, что афоризм – это не только форма языкового мышления в ее коммуникативной направленности, но также способ философствования,

конструктивный элемент философского произведения, специфический жанр философского дискурса.

Однако, несмотря на распространенное использование афоризма в различных дискурсах, он недостаточно изучен как объект гносеологического анализа. При этом ощущается явная недостаточность научной информации о гносеологических механизмах афоризма как специфической семиотической системы, объективирующей различные уровни познания объективной реальности от обыденного до философско-художественного. Изучению афоризма как специфической семиотической системы, как логико-смысловой формы знания, как формы языкового мышления и как способа философствования посвящено наше исследование.

Изучение афоризма в гносеологическом аспекте позволяет уточнить целый ряд традиционных философских проблем: соотношение субъективного и объективного, чувственного и рационального в процессе познания; проблемы соотношения языка и мышления, языка и объективной реальности, смысла, понимания и интерпретации, коммуникативного намерения и его функции. Предмет нашего исследования также отражает связь и взаимопроникновение специально-научного филологического и философского знания. Мы разделяем позицию Н.С. Автономовой², считающей, что современным философии и филологии необходимо междисциплинарное взаимодействие: «...философия и филология испытывают дефицит взаимодействия, серьезного и систематического. Философии неведом филологический объект (кроме

²Современные филология и философия, как верно отмечает современный российский философ Н.С. Автономова, «делят территории» и «меряются силой», иллюстрацией чего может служить, например, дискуссия между современными российскими филологами и философами, организованная журналом «Новое литературное обозрение» в 1996 году, в которой приняли участие авторитетные российские ученые С. Зенкин, М. Гаспаров, В. Подорога, В. Бибахин и др. Объектом дискуссии стали литературные тексты так называемой «другой литературы»: Кафка, Пруст, Гоголь, Достоевский, Платонов, Белый, Хармс, Джойс, – которые представляют собой языково-экспериментальные тексты, противоречащие обыденным представлениям о смысле. Философы и филологи отстаивали свое право на интерпретацию данных авторов. По мнению философов, литература может и должна быть объектом философского анализа, поскольку она является антропологическим феноменом. «Техника антропологического анализа, – подчеркивает В. Подорога, – позволяет рассматривать литературу с предельно объективных позиций» [126, с. 375].

отдельных цитат), а филологам не хватает средств рефлексивного плана, чтобы построить собственное обоснование... Требуется, стало быть, осмысленное междисциплинарное взаимодействие..., в этой сфере междисциплинарности очень важен содержательно-коммуникативный процесс с попыткой задействовать механизмы перевода языков и структур друг в друга или хотя бы начать процесс взаимоперевода» [1, с. 352].

Философский анализ афоризма, таким образом, находится в области пересечения интересов теории познания, языка философии, философии риторики, философии языка, соотношения специально-научного и философского знания.

Первые попытки философствования афоризмами обнаруживаются в античной философии. Интерес к внутреннему миру человека, ознаменовавшийся сократовским поворотом в философии, способствовал развитию нравственной философской проблематики и способам ее экспликации, одним из которых является афоризм. Как известно, многие древние мыслители изрекали свои мысли в форме афоризмов, или гном, о чем свидетельствует наиболее известный текст этого времени – книга Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Первая же попытка философской рефлексии по поводу афоризма принадлежит Аристотелю, который в «Риторике» определяет афоризм как изречение, которое имеет общее значение, приложимо к делам житейским и предписывает, что можно делать, а чего следует избегать в своей деятельности [58, с. 227–228]. Аристотель, таким образом, впервые обратил внимание на деонтологический характер афоризмов. Будучи создателем первой теории метафоры, Аристотель считал необходимым отграничивать метафору как феномен от афоризмов, поэтому он называет афоризмами только обобщающие утверждения с прямым смыслом. Изречения, которые же содержат в себе перенос имени, он интерпретирует как метафоры. Вопрос о том, являются ли афоризмами высказывания с прямым или переносным смыслом, является дискуссионным и подробно будет рассмотрен в параграфе 1.1. нашего исследования. По нашему

мнению, метафоричность является одним из главных свойств афоризма, так как именно она является тем механизмом, посредством которого достигается смысловая компрессия в данной семиотической системе. Учитывая метафорическую природу афоризма, мы уделяем в нашем исследовании особое внимание рассмотрению философских концепций метафоры.

Теория познания, философия риторики и философия языка рассматривают метафору как инструмент познания, состоящий в сопоставлении достаточно далеко отстоящих друг от друга объектов. Исследования Э. Кассирера, А.А. Ричардса, Э. МакКормака показали, что метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы, они функционируют в качестве посредников между человеческим разумом и культурой. Метафоры изменяют повседневный язык, которым мы пользуемся, и одновременно меняют способы нашего восприятия и постижения мира. Методологической концепцией для объяснения когнитивного механизма формирования нового смысла в афоризме для нас является интеракционистская концепция метафоры американского философа Макса Блэка, в основе которой лежит психологическая идея интеракции, бинарного взаимодействия объектов познания. Согласно интеракционистской концепции метафоры (interactionview) Блэка, метафорическое суждение(а афоризм, как мы постулировали выше, это метафорическое суждение) имеет два различных субъекта: главный (тема афоризма) и вспомогательный (дескриптор афоризма). Когнитивный механизм метафоры, по Блэку, заключается в том, что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом, в результате чего возникает новое знание о познаваемом объекте объективной реальности [20, с. 167].

Философский аспект изучения афоризма как самостоятельного феномена мышления после Аристотеля нашел дальнейшее развитие в исследованиях немецких афористоведов, которые отрицали художественную сущность афоризма в качестве основы и утверждали философскую направленность и

предназначение афоризма. Так, Х. Крюгер в книге «Об афоризме как философской норме» (1956), опираясь на суждения Ницше, доказывает, что афоризм – философская норма, и его основные свойства – результат не художественной, а мыслительной деятельности [163, с. 170]. Для Г. Ноймана на первом месте также находится гносеологическая сущность афоризма, заключающаяся в том, что данный литературный жанр отражает органически присущий человеку конфликтный способ познания мира: «Индивидуальный опыт и логическая система, чувство и рассудок, свойство детализации и абстрагирования воплощены в афоризме в их непротиворечивой нерасторжимости» [163, с. 170]. Афоризм, таким образом, является продуктом синтеза разных форм мыслительного процесса: результаты абстрактно-теоретического и практического мышления объективируются в нем в художественную форму.

Немецкие афористоведы вслед за Аристотелем продолжили изучение морально-этического аспекта афоризма. Так, религиозная функция афоризма обосновывается в исследовании Л. Фусхоллера (1953), афоризм как форма этического мышления рассматривается в трудах Х. Марголиуса (1963, 1971) [Там же]. Морально-этическая составляющая, на наш взгляд, представляет собой важную часть афористики как семиотической системы. Афоризмы изначально создавались так же как модели поведения. Именно в силу этих причин вся народная афористика носит деонтологический характер. В истории мировой культуры ярким примером функционирования афоризма в религиозно-этической функции является, например, книга изречений Будды «Дхаммапада», которая в афористичной форме содержит в себе доктрину раннего буддизма[59].

Резюмируя вклад немецких афористоведов в изучение афоризма можно заключить, что они исследовали в основном два аспекта данного феномена: гносеологический и морально-этический. Следует отметить также, что их труды, к сожалению, не переведены на русский язык, и об их вкладе в изучение

афоризма мы знаем лишь по работе литературоведа Федоренко Н.Т. «Афористика» [163, с. 170] .

В современной российской философии изучение афоризма в рамках морально-этической проблематики продолжает В.М. Гонгало. Предметом исследования в его диссертации «Природа и ценностная интенциональность философской афористики» (2007) является аксиологический аспект афоризма. Исследователь обосновал, что афоризм является способом решения онтологически-гносеологических проблем. Максимы, афоризмы, пословичные изречения, по Гонгало, аккумулируют в себе сплав религиозных догм, моральных постулатов, права, научных истин, художественных образов, что позволяет утверждать, что философская афористика пронизывает все сферы научной, культурной и повседневной жизни, то есть свидетельствует об универсализме бытия афоризма [40, с. 7]. Ценностная интенциональность философской афористики, по Гонгало, проявляется в связи с морально-этическим представлениями, заключенными в ней, а также в ее педагогическом воздействии на личность. Гонгало описал социальное функционирование философской афористики, которая выполняет познавательную (информативную), коммуникативную, социально-культурную, регулятивную и оценочную функции. Также исследователь доказал, что специфической функцией афористического знания выступает креативно-мировоззренческая функция, которая выражается в способности афоризма выступать побуждающим фактором для самостоятельного философствования [Там же].

Гносеологическому аспекту афоризма посвящено исследование Т.В. Сазбандян, предметом изучения которого являются функции афоризмов в структуре и динамике познавательной деятельности человека. По мнению Сазбандян, афоризмы являются образно-условным отражением действительности. Отражая сложные и запутанные проблемы реальной действительности, афоризмы, считает Сазбандян, стимулируют у человека способность к формированию собственного личного образа реальности [142, с. 7]. В познавательной деятельности человека афоризмы используются для

раскрытия незримой, рефлексивно-неявляемой сущности для получения конкретного результата от рассуждения. В процессе познания мысли, заключенной в афоризме, субъекты отталкиваются от явлений, лежащих на поверхности, к сущности, скрытой за этими явлениями. Афоризмы, по мнению Сазбандян, создают проблемную ситуацию, которая стимулирует человеческое сознание к новой мыслительной деятельности. Через афоризмы происходит сближение научного мышления с реальным миром, поскольку они устанавливают связь между теоретическим знанием и тем реальным миром, который является объектом их исследования.

Гносеологическую природу афоризма изучала также отечественный исследователь Т.Э. Тийттанен, которая выделила три аспекта афоризма: предметно-познавательный, оценочный, регулятивно-воспитательный[187, с. 23]. Предметно-познавательный аспект афоризма – это та когнитивная информация об объективной реальности, которая закодирована в нем. Оценочный аспект афоризма соответствует информации о свойствах кодирующей системы – оценочному и эмоциональному отношению субъекта коммуникации, или говорящего, к познаваемому объекту реальности. Регулятивно-воспитательный аспект афоризма – это те коммуникативные намерения, которые преследует говорящий, произнося афоризм, то ментальное или практическое воздействие, которое оказывается на адресата посредством произнесения афоризма.

К вопросу о роли афоризма в теоретическом языке философии обращается отечественный философ Валерий Подорога в работе «Выражение и смысл». В центре внимания исследователя оказываются произведения Ф. Ницше, М. Хайдеггера, С. Кьеркегора. Тексты этих философов «сопротивляются» общепринятым нормам историко-философского анализа, так как обладают индивидуальными коммуникативными измерениями и ценностями, которые обычно не принимаются во внимание классическими и «школьными» типами философской рефлексии. Особенностью этих текстов является то, что их необходимо читать прежде, чем «мыслить», более того, их

«мыслят» всегда *post festum*. Движения линий чтения указывают на экстерриториальность подобных произведений; читая, мы покидаем категориальные, жанровые, дисциплинарные границы, как бы дрейфуем от одного смыслового содержания к другому, не встречая препятствий. Произведения Ницше, Хайдеггера, Кьеркегора анализируются Подорогой посредством феноменологической процедуры вслушивания в «тело текста». Интерпретируя их тексты, исследователь представляет философскую манеру каждого мыслителя в виде концептуальной метафоры. Так, например, метафорами, передающими ландшафт мысли Ницше, с точки зрения Подороги, являются лабиринт и танец. «Танцующее письмо» Ницше возникает благодаря использованию афоризмов в качестве способа философствования, создающих тот самый экстерриториальный ландшафт мысли, препятствующий линейному чтению и пониманию. Ницше, как отмечает Подорога, не видит качественного различия между метафорой и понятием: ведь понятие — это мысль, абстрактно выраженное содержание метафорического отношения к реальности, причем замещающее ее саму, сближающее не сближаемое двух образов, событий или переживаний реальности, всего того, что нам кажется «образом», «событием», «переживанием». Само же бытие в качестве объективной реальности, по мнению Подороги, остается нам недоступным, его всегда уже покрывает в виде «реактивного манти» (Ж. Делёз) первоначальный метафорический контур, расплывающийся по своим границам. «Другими словами, бытие, или то, что мы признаем в качестве "бытия", — это всегда метафорически интерпретированное бытие» [126, с. 174].

На основании рассмотренных выше исследований можно сделать вывод, что афоризм изучается философами в нескольких аспектах: аксиологическом, гносеологическом и прагматическом. При этом наиболее изученным аспектом афоризма, очевидно, является аксиологический, или морально-этический. Гносеологическая сущность афоризма, по нашему мнению, изучена недостаточно. Требуется более глубокое проникновение в логико-смысловую структуру афоризма, изучение афоризма как особой формы знания, изучение

объективации в нем различных типов мыслительных процессов. Данное исследование может быть осуществлено только средствами философского анализа. Лингвистика, культурология, афористика, литературоведение, безусловно, сделали много ценных эмпирических описаний механизмов функционирования афоризма. Однако, по нашему мнению, необходимо более глубокое теоретическое изучение данного феномена, которое может быть проведено только философами и благодаря которому философия реализует свою интегрирующую функцию, обобщив знания частных наук об афоризме. Гносеологический подход к афоризму наиболее удачно, по нашему мнению, может быть реализован в сочетании с семиотическим подходом, который позволит нам рассмотреть афоризм как особую знаковую систему. Семиотика, восходя к идеям Г. Фреге и Ч. Пирса, традиционно включает в себя три раздела³: семантику, синтактику и прагматику. Рассмотрение любого знака в этих аспектах позволяет наиболее полно изучить его как феномен бытия.

Таким образом, объектом нашего исследования является афоризм как форма языкового мышления и специфическая семиотическая система, объективирующая рефлексивный и практический опыт, накопленный человечеством в различных сферах познания объективной реальности от обыденного сознания до философско-теоретического. Проблематика данного исследования заключается в недостаточной изученности гносеологического аспекта афоризма как семиотической системы. Данная проблематика будет нами изучаться в следующих направлениях: какова сущность афоризма как объекта гносеологического анализа; каковы гносеологические механизмы смыслообразования в нем; какова связь афоризма с практическим мышлением и в чем специфика афоризма как речевого акта; какие функции выполняет афоризм в речевом мышлении и в чем их гносеологический смысл; каковы роль и статус афоризма в языке философии?

Предметом исследования является логико-семантический и онто-прагматический аспекты афоризма как специфической семиотической системы.

³ Подробнее три раздела семиотики будут рассмотрены в параграфе 1.1. первой главы.

Цель исследования заключается в изучении логико-семантического и онто-прагматического аспектов афоризма как специфической семиотической системы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) определить и обосновать гносеологический статус афоризма как формы языкового мышления и специфической семиотической системы и уточнить его роль в познании;

2) выделить критерии афористичности, отличающие данную языковую единицу от других форм языкового мышления; сформулировать философскую дефиницию термина «афоризм»;

3) изучить логико-смысловую структуру афоризма и объяснить гносеологические механизмы смыслообразования в нем;

4) разработать философскую типологию афоризмов как семиотических моделей;

5) изучить объективацию в афоризме практического и теоретического мышления и проанализировать афоризм как речевой акт;

6) выявить основные функции афоризма в речевом мышлении и изучить их гносеологический аспект;

7) раскрыть специфику афоризма как способа философствования, его статус и функционирование в философском дискурсе как форме теоретического мышления.

Эмпирическим материалом исследования послужили афористично нагруженные философские тексты: «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского; «Диалоги» Платона; «Мысли» Б. Паскаля, «Опыты» М. Монтеня, «Афоризмы житейской мудрости» А. Шопенгауэра, «Человеческое, слишком человеческое», «Злая мудрость» Ф. Ницше, эссе М. Хайдеггера («Время и бытие», «Путь к языку», «Слово»), тексты постмодернистских философов (М. Фуко «Археология гуманитарных наук», А. Бадью «Манифест философии», Ж. Делез «Логика смысла» и др.). Мы

также рассматривали пословицы разных народов (народные афоризмы) как специфические мировоззренческие и философские правила, содержащие философский смысл и предшествующие философским категориям, и афоризмы писателей, политиков, общественных деятелей.

Одной из главных методологических позиций нашего исследования является семиотический подход, с точки зрения которого мы рассматриваем афоризм как универсальный знаковый феномен. Семиотический подход позволяет нам провести гносеологический анализ афоризма не только с точки зрения семантики, но и с точки зрения синтактики и прагматики языка.

Важнейшей методологической позицией нашего исследования является использование интегративного подхода, который позволяет нам рассматривать афоризм как сложное междисциплинарное явление языкового мышления, концентрирующее в себе семантические, когнитивные, художественные, эмоционально-оценочные, императивные и интенциональные компоненты.

Методы и подходы аналитической философии используются нами для анализа логико-семантического и онто-прагматического аспектов афоризма. В частности репрезентационизм (Г. Фреге, ранний Л. Витгенштейн) как философско-семантический подход, отстаивающий абсолютный статус значения, смысла языкового выражения, языковой конвенции, позволяет нам проанализировать логико-смысловую организацию афоризма в первой главе нашего исследования, изучить конвенциональный аспект значения афоризма. Методологическим подходом для онто-прагматического анализа афоризма во второй главе нашего исследования для нас является интенционализм как философско-семантическое направление, считающее, что базовым понятием адекватной теории семантики должно быть понятие коммуникативного намерения говорящего (Дж. Остин, П. Грайс, Дж. Серль). Следуя данному подходу, мы анализируем интенциональный аспект значения афоризма, то есть функции, которые выполняет афоризм в речевом мышлении, рассматриваем специфику афоризма как речевого акта. Сочетание репрезентационизма и

интенционализма позволяет нам изучить семантический и прагматический аспекты значения в их единстве.

Важным для нашего исследования является также метод структурного анализа, позволяющий рассматривать значение афоризма как структуру. Для логико-семантического анализа афоризма используется концепция значения И.С. Нарского, позволяющая рассматривать значение афоризма как систему инвариантов информации, закодированной в нем. Герменевтический метод позволяет изучать афоризм как знак, смысл которого раскрывается в процессе интерпретации. Также в ходе исследования мы обращаемся к опыту когнитивного направления в изучении метафоры (Э. Кассирер, М. Блэк, А. Ричардс), позволяющему объяснить морфологию смысла в афоризме и роль афоризмов в процессе познания.

Общетеоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных философов по проблеме соотношения языка и мышления (В. Гумбольдт, А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский); философской семантике и логическому анализу естественного языка (Л. Витгенштейн, Ч. Пирс, И.С. Нарский); философскому анализу метафоры и философии риторики (М. Блэк, А. Ричардс, В. Подорога); понимания и интерпретации (П. Рикер); философские исследования коммуникации и прагматики языка (теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля); исследования по семиотике и структурно-семиотическому анализу знаков (Р. Барт, Ч. Пирс, Ю.М. Лотман, У. Эко).

ГЛАВА 1. ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АФОРИЗМА

1.1. АФОРИЗМ КАК ОБЪЕКТ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА. СПЕЦИФИКА АФОРИЗМА КАК СЕМИОТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

Мышление – это поворот глаз души.

Платон

Первостепенной задачей для нашего исследования является ответ на вопрос, правомерно ли считать афоризм объектом гносеологического анализа, ведь традиционно область исследования афористики лежит на пересечении лингвистики, литературоведения и культурологии. Правомерно ли перенесение афоризма в область философского анализа? По нашему мнению, афоризм является объектом гносеологического анализа. Тому есть несколько причин.

Во-первых, афоризм является универсальной формой знания. С семиотической точки зрения афоризм представляет собой вербальный знак, объективирующий рефлексивный и практический опыт, накопленный человечеством и зафиксированный в вербальной форме для трансляции. Содержание, заключенное в афоризме, представляет собой объективацию различных форм и уровней познания действительности: обыденного сознания, науки, религии, права, философии, искусства. Афоризм является максимально удобной, мобильной и экономичной формой для передачи знания, что обуславливает универсализм его бытия и присутствие афоризмов на всех уровнях познания от обыденного сознания – в форме народных афоризмов, или пословиц – до научно-теоретического познания. Афоризм также является способом философствования. Среди всех форм знания, которые могут передаваться через афоризм, важную роль играет морально-этическое знание, составляющее его аксиологический аспект. Афоризмы, присутствующие в каждом национальном языке, являются, прежде всего, формой закрепления и трансляции национальных и межнациональных отношений, отражающих уровень социальной организации общества, характер общения людей и народов, национальную психологию и быт. Афоризмы, используемые народом, поддерживают определенные общественные устои: формы общения, ценностные установки и социальные нормы поведения.

Центральной проблемой афористики является отношение «человек – мир». В этом заключается ее философская сущность, которая включает в себя онтологический, гносеологический, аксиологический и антропологический аспекты. Онтологический аспект афоризма заключается в том, что в афоризмах объективируются концепты времени, пространства, различных объектов и явлений, моделируются способы организации мира. С другой стороны, афоризм является объективацией различных форм и уровней познания объективной реальности, и в этом его гносеологическое значение. Афоризм как семиотическая система особого рода демонстрирует диалектику чувственного и рационального в процессе познания. Аксиологический же аспект афоризма

заключается в том, что в афоризмах содержатся представления о нормах сосуществования и взаимодействия людей, репрезентируются их ценности и аксиологические концепты. Наконец, антропологический аспект афоризма заключается в том, что афоризмы отражают все уровни бытия человека от бытового до экзистенциального.

Во-вторых, афоризм представляет собой форму языкового отражения объективной реальности, специфическую форму мысли, присутствующую в любом естественном языке. Афоризм является одним из путей краткого и ясного мышления, выражения информации в концентрированном знаковом виде. Диалектико-материалистическая теория познания, на которую мы опираемся в своем исследовании, признает существование внешнего мира и его отражение в человеческом сознании. Человеческие знания закрепляются в знаках естественного языка, одним из которых является афоризм. Следовательно, язык подлежит анализу средствами философского знания как форма отражения живого сознания говорящих на нем людей и как форма отражения объективной реальности. Афоризм, поскольку является специфической семиотической моделью действительности, как форма языкового бытия человека нуждается в философском осмыслении. Афоризмы как форма отражения объективной реальности имеют как интерсубъективное значение, заключающееся, например, в отражении стиля мышления определенной эпохи⁴, так и личностные, субъективные смыслы, состоящие в том, что афоризмы определенного автора выражают его мировоззрение и ценностное отношение к объективной реальности.

В-третьих, афоризм является также формой языка философии, специфическим жанром философского дискурса, заключающим в себе

⁴Например, французская моралистика XVII века, а именно афоризмы Ф. Ларушфуко, Б. Паскаля, Ж. Лабрюйера, отражают антропоцентрический стиль мышления данной эпохи с ее установкой на познание человека. Афоризмы данных мыслителей раскрывают проблему человека во всех ее аспектах: тайну его судьбы, загадку его природы, его место в обществе и мироздании, его добродетели и пороки, нравственные поиски и падения, вопросы психологические и социальные.

квинтэссенцию мысли философа, являющимся способом сказать истину небанальным образом.

Обобщая все вышесказанное, можно констатировать, что афоризм обладает философским статусом и должен быть изучен средствами гносеологического анализа. Потребность общества в знании по данной проблеме мотивирована не только недостаточностью научной информации о философском аспекте афоризма, но также «афористическим бумом», наблюдающимся в современном мыслительном пространстве. Огромной популярностью в современной культуре пользуются антологии афоризмов как классических авторов, так и «новых» авторов; афоризмы сегодня активно используются политиками, артистами эстрады, специалистами по рекламе, и, конечно, профессиональными философами.

Нашей следующей задачей является определение предмета исследования, то есть того, какие именно вербальные знаки мы будем называть афоризмами. Среди наук, изучающих афоризмы, к числу которых относятся культурология, лингвистика, фразеология, паремиология, афористика, литературоведение, фольклористика, нет четкой и однозначной позиции, что же следует включать в объем понятия «афоризм». Это обусловлено тем, по нашему мнению, что афоризм как семиотическая система особого рода функционирует в языковом континууме, постоянно соприкасаясь и пересекаясь с другими лаконичными формами мудрых мыслей: максимами, сентенциями, пословицами, цитатами, парадоксами, трюизмами ⁵— поэтому важно выделить критерии

⁵ Если обратиться к сборникам афоризмов, то можно заметить, что их часто именуют «афоризмы и мысли», «афоризмы и высказывания», «афоризмы и цитаты». Вопрос об отсутствии идентичности в афористических терминах обсуждался на 4 Международном литературном конгрессе (Париж, 1966), где был заслушан доклад немецкого афористоведа Ф. Маутнера о необходимости уточнения афористических терминов. Докладчик констатировал, что такие термины, как «афоризм», «максима», «сентенция», «фрагмент» приобрели различные смысловые оттенки и подчас не различаются даже в пределах одного национального языка. Например, в английском языке наравне со словом «афоризм» используется слово «максима». Во Франции максимы, сентенции, пословицы и поговорки считаются синонимами. В Германии, Италии, Испании термин «афоризм», как и в нашей стране, главенствует над такими афористическими терминами, как «апофегма», «максима», «сентенция» [163].

афористичности, отделяющие афоризм от других форм мудрых мыслей. Все указанные лаконичные формы мысли объединяет одна общая функция: все они способны обобщать в своем лаконичном формате явления и факты объективной реальности и давать определенные рекомендации к поведению в практическом бытии индивида. В связи с этим нельзя сформулировать дефиницию афоризма с точки зрения его функциональной природы, поскольку другие формы мудрых мыслей способны выполнять схожие с ним функции.

Первая попытка философской рефлексии об афоризме принадлежит Аристотелю, который в «Риторике» определяет афоризм, или изречение, как утверждение, имеющее общее значение для «житейских дел». Афоризмами, с точки зрения Аристотеля, являются не просто обобщающие утверждения, как, например, «прямое противоположно кривому», но обобщающие утверждения, содержащие в себе нравственный смысл [5, с. 227–228]. Для Аристотеля, таким образом, первостепенное значение имеет аксиологический аспект афоризма, при этом он ничего не говорит о когнитивной природе афоризма. Следует также отметить, что в качестве примеров афоризмов Аристотель приводит только высказывания, употребленные в прямом смысле, как-то «нет мужа, который был бы счастлив во всем», «не любит тот, кто не любит всегда», «познай самого себя», «ничего сверх меры». Аристотель называет также афоризмами утверждения обобщающего характера и практической направленности, которые лишены аргументации. Если к афоризму добавить объяснение, то он, с точки зрения Аристотеля, превращается в энтимему. Так, например, в высказывании «не питай бессмертного гнева, сам будучи смертным» афоризмом является только часть «не питай бессмертного гнева», часть же «сам будучи смертным» является доказательством данного изречения.

Аристотель первым указал на три определяющих признака афоризма: обобщающий характер, нравоучительность или сентенциозность и отсутствие аргументации. Большинство современных исследователей афоризмов в частных науках вслед за Аристотелем выделяют именно эти критерии афористичности. Однако вопрос о том, следует ли относить к афоризмам высказывания с

прямым или переносным смыслом носит дискуссионный характер. Существует три точки зрения на эту проблему. Первая: афоризмами являются только высказывания с прямым смыслом. Данную точку зрения разделяет, например, авторитетный паремиолог Г. Пермяков. Согласно второй точке зрения афоризмами являются только высказывания с метафорическим смыслом. Так, например, Т.В. Сазбандян определяет афоризмы как краткие метафорические изречения, содержащие обобщающие умозаключения: «Афоризмы – это изречения, которые обладают *образной самовоспроизводимостью в сознании*; относительной стабильностью состава и структуры; образной и прямой мотивировкой общего, целостного значения, не вытекающего непосредственно и однозначно из значения составляющих их лексем; носят специфически *символически-синтезирующий характер*» (курсив мой – Н.Д.) [142, с. 4] Под афоризмами Сазбандян понимает только народную форму мудрых мыслей.

Третья точка зрения компромиссная: афоризмом является обобщающее высказывание с прямым или переносным значением. Так, выразителем компромиссной позиции является исследователь В.М. Гонгало, который в философской диссертации «Природа и ценностная интенциональность философской афористики» (2007) определяет афоризм как «краткое (в пределах одного предложения) высказывание конкретного автора, которое претендует на общезначимость, и отличается оригинальностью формы и содержания» [40, с. 13]. В качестве афоризмов исследователь рассматривает только авторские формы мудрых мыслей.

Наиболее убедительной нам кажется вторая точка зрения, согласно которой афоризмами являются краткие метафорические изречения, содержащие обобщающие умозаключения. Мы считаем, что именно метафора является тем механизмом, благодаря которому афоризм сжимает информацию до ядерного состояния. Метафора, будучи базисным механизмом познания, наделяет афоризм способностью отражать суть явлений. Кроме того, афоризм известен нам как литературно-философский жанр, неотъемлемым свойством которого является художественность, которая также достигается благодаря механизму

метафоризации. Что касается позиции Аристотеля, то, по нашему мнению, она обусловлена тем, что он является также создателем первой теории метафоры. Ему как исследователю, на наш взгляд, было важно отделить обобщающие умозаключения с прямым смыслом от высказываний, употребленных в переносном значении. Как исследователю метафоры ему было важно разделить конкретную ее типологическую форму, обладающую своей спецификой, коей является афоризм, и сам феномен метафоры.

Как следует из представленных дефиниций термина «афоризм», дискуссионным является также вопрос, является ли афоризм авторским или народным изречением. По нашему мнению, под термином «афоризм» следует объединить авторские изречения и народную формы мудрых мыслей, так как и авторский, и народный афоризм, представленный пословицей, имеют единую гносеологическую сущность. Афоризмы вне зависимости от того, кто является субъектом его оценки – коллективный субъект (социум) или личностный – объективируют коллективный рефлексивный и практический опыт. Как верно указал исследователь В.М. Гонгало, афоризм «аккумулирует в себе сплав религиозных догм, моральных постулатов, права, научных истин, художественных образов» [40, с. 7]. Однако народная и авторская формы афоризма имеют свою специфику.

Народный афоризм является результатом коллективного сознания, объективная реальность предстает в нем сквозь призму оценки социума, а, значит, и суждение, заключенное в народном афоризме всегда имеет общезначимый характер. Народные афоризмы, чаще всего, касаются бытовой сферы, по своему синтаксическому строю близки народной речи, они универсальны в плане применения – могут соотноситься с большим числом жизненных ситуаций. Эту особенность народных афоризмов комментирует литературовед Н.Т. Федоренко: «Важным свойством пословиц является многозначность их применения. Если взять, например, пословицы: *Цыплят по осени считают; лес рубят – щепки летят; от рябины яблок не получишь*, то они интересны для нас не сами по себе, а тем, что каждый может найти

множество жизненных ситуаций, к которым отлично подходят эти пословицы. Эта многозначность обеспечивает пословицам большое распространение, массовую воспроизводимость. Авторские афоризмы не обладают способностью к многозначному употреблению в речи по принципу аналогии, и для них не характерна массовая воспроизводимость; происхождение придает им сугубо личностный, индивидуальный характер» [163, с. 31]. При том, что разделение афористических суждений на авторские и народные проводится на основании четкого принципа, в ряде случаев мы имеем дело с переходом авторских афоризмов в разряд народных, при сохранении изначального варианта в разряде авторских. Афористическое суждение, в таком случае, существует в двух формах – народной и авторской с небольшой разницей в плане формы. Например, полностью перешло в разряд народных афористическое суждение *одна ласточка весны не делает*, принадлежащее Эзопу. Народный афоризм *у учености горькие корни* имеет в основе афоризм Платона «*Ученость – сладкий плод горького корня*». Авторский афоризм в отличие от народного является результатом личностного сознания, объективная реальность отражается в нем сквозь призму оценки конкретной личности. Следовательно, авторский афоризм в большей степени субъективен, чем народный. Помимо интерсубъективного смысла, являющегося константой любого афоризма, авторский афоризм отражает не только информацию об определенной объекте объективной реальности, но и несет в себе информацию о кодирующей системе, в роли которой выступает человек с его мировоззрением и личностно-ценностным отношением к объективной реальности. Таким образом, различие между авторским и народным афоризмом заключается в том, что народный афоризм является результатом коллективного синкретичного сознания и потому всегда более объективен, в народных афоризмах отражаются этические и аксиологические системы определенного этноса; авторский афоризм является результатом личностного сознания, объективная реальность предстает в нем сквозь призму личностного сознания и мировоззрения конкретной личности,

поэтому авторский афоризм имеет не только объективный смысл, но и смыслы субъективные.

Для прояснения философской сущности афоризма обратимся к этимологии данного слова: слово *aphorismos* в переводе с древнегреческого обозначает одновременно предел, границу, черту (*horismos*), а также дальнее, отрытое пространство (*аро*). Афоризм, таким образом, дословно это то, что показывает пространство, лежащее за пределом чего-то. Иными словами, с гносеологической точки зрения афоризм можно определить как *высказывание, которое демонстрирует пространство смысла, лежащее за пределами обыденного понимания, вербальный знак, в котором за пониманием очевидного кроется понимание истинного, то есть того, что соответствует объективной реальности*. Афоризмы тем и ценны, что в них за яркой метафорической оболочкой скрывается зерно истины, носящее вневременной характер, что и обуславливает интерес к данной форме мысли на протяжении всей истории развития человечества. Афоризмы всегда говорят о главном, общечеловеческом, вневременном: о добре и зле, смысле человеческого существования, о том, что есть счастье, любовь, дружба. В целом проблематику афоризмов можно охарактеризовать как антропоцентрическую, все вопросы, на которые дают ответы афоризмы, вращаются вокруг человека и его бытия. Генезис афоризма восходит к пословице, или народному афоризму, из которого оформляется афоризм авторский, в том числе и собственно философский.

Афоризм есть форма выражения философской рефлексии, существующая наряду с такими философскими жанрами, как трактат, диалог, эссе и др. Афоризм является одной из наиболее древних форм выражения философского знания. В частности, из народных афоризмах сформировались *гномы* – изречения, в форме которых выражали свою мудрость так называемые «лаконствующие философы»: Солон, Биант, Питтак, Фалес. В древнегреческой философии слово «лаконствовать» означало способность выразить мудрость в

кратком изречении⁶. По субъекту гномы близки философско-теоретическому сознанию как результату личностного сознания. Со временем изначально философский жанр афоризма претерпевает свои модификации, появляются литературные параллели афоризма в виде «крылатых слов» из произведений разных авторов, и в XVII века благодаря книге афоризмов «Карманный оракул» испанского писателя Бальтасара Грасиана происходит окончательное закрепление афоризма как литературоведческого жанра. Несмотря на это, афоризм как философский жанр по-прежнему функционирует в философском дискурсе, подтверждением чего служит востребованность афористической манеры письма М. Монтенем («Опыты»), Б. Паскалем («Мысли»), А. Шопенгауэром («Афоризмы житейской мудрости»), Ф. Ницше («Веселая наука», «Злая мудрость», «Человеческое, слишком человеческое»), М. Хайдеггером («Бытие и время»). Повышенный интерес неклассической философии к литературным формам философствования позволяет характеризовать ее во многом как философию «филологическую», или «литературную».

Гносеологический анализ афоризма, на наш взгляд, наиболее продуктивно может быть проведен, используя семиотический подход к афоризму как к знаковой системе особого рода. С этих позиций афоризм является вербальным знаком, предназначенным для передачи сложной когнитивной информации при помощи сравнительно краткой последовательности знаков. Афоризм как знаковая структура особого рода функционирует в знаковом континууме, который представляет собой совокупность вербальных знаков, объективирующих определенным образом познанную действительность. Потребность – вначале физическая, а позднее и духовная, ориентации в мире – вынуждает человека «выбрать» из множества знаков, с которыми он сталкивается и которые он способен осмыслить в своей

⁶ Этимологически к глаголу «лаконствовать», то есть выражать мудрость в кратком изречении, восходят такие современные слова, как «лаконичный», «лаконизм». Одним из главных свойств афоризма является его лаконичность, афоризм – это мудрая мысль, выраженная лаконичным образом.

концептуальной системе, такие, которые он полагает истинными, принимает, и которые поэтому являются значимым и входят в его «жизненную» идеологию. Речь идет о выделении таких идеологических структур, которые репрезентируют его мнения о мире, к каким бы аспектам мира они ни относились. Множество таких «отмеченных», связанных друг с другом и со всей концептуальной системой структур, и образует систему мнений носителя языка, или его жизненную идеологию, как подсистему идеологической сферы общества. Важное место в жизненной идеологии каждой личности занимает феномен афоризма, который становится нормой, регулирующей наше воспитание, привычки, социальное поведение и объем культурной памяти. Поскольку мы выбираем семиотический подход к афоризму и наш исходный тезис состоит в том, что афоризм – это специфическая семиотическая система, необходимо оговорить, что именно мы понимаем под терминами «семиотика», «значение», «смысл», «знак» в нашем исследовании.

Заявленная Ч. Пирсом в последние десятилетия прошлого века, постулированная Соссюром в начале двадцатого, а еще до того предугаданная Локком, семиотика сегодня предстает не только как развивающаяся дисциплина, а как дисциплина самоопределяющаяся, все еще ищущая собственный предмет и выясняющая самостоятельность собственных методов. Само название является предметом дискуссий: семиотика или семиология. О семиологии говорят, имея в виду определение, данное Соссюром: «Язык – это система знаков, выражающих идеи, и потому сравнимая с письмом, азбукой глухонемых, символическими ритуалами ... и т.д. и т.п. Просто это самая важная из всех систем. Следовательно, можно вообразить *науку, изучающую функционирование знаков в общественной жизни*,... назовем ее семиологией (от греч. «знак»). Эта наука могла бы рассказать нам, что такое знаки и какие законы ими управляют. ...Лингвистика только часть этой общей науки, законы, открытые семиологией, будут приложимы к лингвистике и, таким образом, лингвистика обретет свое вполне определенное место в ряду человеческих деяний» [160, с. 392]. О семиологии, следовательно, можно говорить в тех

случаях, когда речь идет о дисциплине общего порядка, которая изучает знаки вообще, включая лингвистические. Однако французский философ-семиолог Р. Барт перевернул соссюрское определение, трактуя семиологию как некую транслингвистику, утверждая, что все существующие знаковые системы сводимы к законам языка. Следовательно, тот, кто стремится изучать знаковые системы независимо от лингвистики должен называться семиотиком. Термин «семиотика» восходит к трудам Пирса и Морриса и его предпочитают американские и отечественные исследователи. Следуя традиции Тартуской семиотической школы, мы будем называть общую теорию исследования феноменов коммуникации, рассматриваемых как построение сообщений на основе конвенциональных кодов, или знаковых систем «семиотикой».

Классическая семиотика со времен Соссюра и Пирса выделяет три основных аспекта изучения знака и знаковой системы⁷: семантика, синтактика и прагматика. Семантика рассматривает отношение знаков к обозначаемому. Синтактика изучает внутренние свойства систем знаков безотносительно к интерпретации. Прагматика исследует связь знаков с «адресатом», то есть проблемы интерпретации знаков теми, кто их использует, их полезности и

⁷В последнее время приятно также выделять такое направление в семиотике, как «глубокая семиотика». «Глубокая» семиотика дополняет семантическое, синтаксическое и прагматическое рассмотрение знаков еще одним измерением – персонологическим, включающим сознание личности как источник, процесс и результат смыслообразования». Представителями «глубокой» семиотики являются В. Гумбольдт, Г. Шпет, В. Вундт, К. Фосслер, А. Марти, М. Бахтин, В. Налимов. В структуре означаемого с точки зрения глубинной семиотики можно выделить два компонента: социальное значение и личностный смысл, значение этого социального значения для конкретной личности. «Глубокая» семиотика, по нашему мнению, близка основным идеям феноменологического анализа. Рассмотрение афоризма с точки зрения персонологического аспекта может быть самостоятельной и интересной темой для изучения. Подробнее о «глубокой» семиотике в работе Г.Л. Тульчинского «Густав Шпет и новые перспективы гуманитарной парадигмы (Текст как интонированное бытие, или Инорациональность семиотики)» // «Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма»: коллективная монография. – Москва: РОССПЭН, 2010. – С.181–191.

ценности для интерпретатора. Семиотика изучает знаки на основе синтеза лингво-логико-психологических представлений о них, поэтому является наукой интегрирующей, которая синтезирует знания частных гуманитарных наук, и в этом она подобна философии. Семантика языка изучает значения языковых знаков как константы, установленные языковой конвенцией и независимые от контекста и ментального состояния субъектов коммуникации. Такой подход к значению следует рассматривать как некоторую идеализацию, поскольку в реальных условиях значение языковых знаков определяется не только конвенцией, но также контекстом и коммуникативными намерениями говорящего. Семантику дополняют прагматика и синтактика языка, ориентированные на изучение функционирования языка в его первоначальном «неочищенном виде» в процессах коммуникации. В соответствии с тремя разделами семиотики, выделенными ее основателем Ч. Пирсом, мы считаем целесообразным в первой главе нашего исследования изучить афоризм с точки зрения семантики языка. Вторая глава нашей диссертации посвящена изучению афоризма с точки зрения прагматики и синтактики языка, то есть механизмам реализации и функционирования афоризма. Совмещение трех основных семиотических подходов к афоризму позволит нам изучить данный феномен во всей его полноте и целостности. Вся семиотика базируется на фундаментальных для нее понятиях «смысл», «значение» и «информация».

Выбрав в качестве методологического семиотический подход к языку, мы неизбежно обращаемся к общей теории информации, которая была создана для того, чтобы объяснить процесс передачи сигнала на уровне машины на основе общих положений физико-математических дисциплин. Согласно теории информации, в любой семиотической системе можно выделить источник информации, приемник информации и общий для них код. Применяя к афоризму, как, впрочем, и ко всему естественному языку в целом, основные понятия теории информации, можно констатировать, что в качестве источника и приемника информации выступает человек, а именно говорящий и слушающий соответственно. Их можно также назвать субъектами

коммуникации: S1 и S2. Источник информации, или говорящего обозначим S1 и будем называть его субъектом коммуникации. Приемник информации, или адресат афоризма обозначим S2 и будем называть его, чтобы избежать путаницы с отправителем информации, реципиентом. Ставя перед собой цель раскрыть специфику афоризма как семиотической системы с философской точки зрения, нам необходимо описать специфику сообщения, зафиксированного в вербальной форме афоризма и специфику кода, в соответствии с которым это сообщение становится понятным реципиенту.

Как известно, центральным понятием семиотики как науки о знаках и знаковых системах является понятие «знак». В семиотике традиционно выделяют два подхода к знаку. Согласно первому классическому подходу, развитому американскими философами Ч.С. Пирсом и Ч.У. Моррисом, под знаком понимается любой объект или явление, способный устанавливать на основе опыта определенную связь с чем-то отсутствующим, недоступным восприятию в данный момент или вообще. Согласно второму подходу, который берет свое начало в работах Аристотеля, Августина Блаженного, а затем и Соссюра, знаком считается лишь искусственная материальная сущность, намеренно созданная для целей коммуникации. Принято считать, что наиболее ярким представителем такого знака является знак языковой. Поскольку объект нашего исследования принадлежит языковому континууму, целесообразно, что мы разделяем второй подход к знаку, то есть под знаком в данном исследовании мы будем понимать искусственно созданную материальную сущность, указывающую на отличную от нее новую сущность (смысл) и созданную в целях коммуникации. Таким образом, афоризм, как всякий семиотический знак, состоит из носителя значения и самого значения.

Специфика афоризма как семиотического знака состоит в его смысловой «многослойности». Афоризм в семиотическом отношении представляет собой *многоярусный смысловой феномен*: кроме поверхностной структуры, назовем ее изобразительной оболочкой, обладающей эксплицитным смыслом, афоризм также обладает глубинной структурой, которую мы будем называть

концептуальной сущностью афоризма, его «подтекстом», составляющим его имплицитный онтологический смысл. Афоризм устроен так, что его изобразительная оболочка отсылает к его концептуальной сущности. Таким образом, в структурно-смысловой организации афоризма можно выделить несколько уровней: *поверхностную вербально-смысловую структуру и глубокий когнитивно-семантический слой.*

Семиотическая сложность афоризма свидетельствует о том, что он представляет собой сообщение особого рода. С семиотической точки зрения афоризм представляет собой *неоднозначное эстетическое сообщение, имеющее философский смысл*, так глубина обобщений, содержащихся в нем, носит универсальный характер. Афоризм становится эстетическим сообщением, поскольку его поверхностная вербально-смысловая структура обладает свойством художественности. Из этого следует, что афоризм является результатом не только рационального мышления, но и мышления поэтического. Принадлежность афоризма области мышления поэтического обуславливает метафоричность и художественность его поверхностной вербально-смысловой структуры.

Общепризнанно, что ключевой характеристикой мышления поэтического и поэтического языка является употребление его в эмотивной функции. Эмотивность речи достигается посредством использования тропов, ключевым из которых является метафора. Метафора, играя роль семантического оператора, который, перенося одно в другое, подчеркивает их неснимаемое различие и тем самым заставляет смысл вибрировать между двумя, чуждыми друг другу, сторонами того же самого явления, создает в результате некоторое эмоциональное напряжение и приписывает речи свойство эмотивности. В связи с этим метафоричность является ключевым свойством поэтического языка. Афоризм как малая форма художественного текста также обладает метафоричностью. Исходя из этого, *в качестве афоризмов мы будем понимать такие лаконичные формы мысли, которые по природе своей метафоричны.* На этом основании афоризмами не являются лаконичные высказывания с прямым

смыслом, несмотря на то, что они так же, как и афоризмы, способны обобщать объективную реальность. Такие высказывания, по нашему мнению, следует интерпретировать как максимы, сентенции, цитаты. Обобщающие метафорические высказывания, которые не укладываются в лаконичный формат афоризма, мы будем классифицировать как афористические высказывания. Так, например, афористическим высказыванием является следующая мудрая мысль: *Мы знаем, что смерть неизбежна, и все равно ставим перед собой какие-то цели, стараясь выдуть мыльный пузырь как можно больше, хотя отлично знаем, что он лопнет (А. Шопенгауэр).*

Итак, мы констатировали, что изобразительная оболочка афоризма всегда метафорична по своей форме. Афоризм как феномен языкового мышления является одним из механизмов функционирования метафоры, одной из типологических форм вербального проявления метафор. Однако концептуальная сущность афоризма носит рациональный характер. *В основе афоризма, следовательно, находится антиномия рационального и иррационального.* Суммируя все указанные нами признаки афоризма, в качестве основополагающей мы можем сформулировать следующую философскую дефиницию термина «афоризм»: *афоризм – это лаконичная форма мысли и универсальная форма знания, отражающая в метафорической форме объективную реальность, имеющая рациональное и эмоциональное содержание, и имплицитно включающая в себя более объемное содержание, нежели то, что выражено в ней эксплицитно.* Приведем примеры афоризмов: *Лучше умереть стоя, чем жить на коленях (Долорес Ибаррури); Россия – это одна шестая часть света и пять шестых тьмы (В. Колечинский); не боги горшки обжигают.*

Мы констатировали, что афоризм по своей вербальной объективации всегда метафоричен. В связи с этим встает вопрос о соотношении метафоры и афоризма, о степени самостоятельности афоризма по отношению к метафоре. Когнитивный процесс, лежащий в основе афоризма, действительно, метафоричен по своей сути: афоризм, как и метафора, сопоставляет

семантические концепты в значительной степени несопоставимые, в результате чего возникают новые смыслы, но недопустимо полностью отождествлять афоризм и метафору. Отношения между афоризмом и метафорой, на наш взгляд, следует понимать как отношение вида к роду. Афоризм, несмотря на то, что он является одной из вербальных форм объективации метафоры, обладает рядом самостоятельных черт, отделяющих его от метафоры. Во-первых, различие между метафорой и афоризмом прослеживается уже на формальном уровне. Метафора может представлять собой как незамкнутое единство, легко включаемое в контекст высказывания, так и замкнутое; афоризм же всегда представляет собой лаконичную замкнутую структуру, чаще всего выраженную одним предложением. Во-вторых, афоризм в отличие от метафоры, которая чаще всего является продуктом чистого искусства, то есть воплощает красоту ради красоты, обладает практической направленностью и сориентирован на конкретное практическое бытие человека, в его основе лежит система деонтологических норм. В-третьих, афоризм является самостоятельным литературно-философским жанром, отличительными чертами которого являются лаконичность, художественность, дидактичность. В-четвертых, афоризм также является универсальным идеологическим знаком, объективирующим различные формы отношения человека к объективной реальности: философию, науку, религию, мораль, юмор. Приведенные нами аргументы свидетельствуют о самостоятельности афоризма. Афоризм следует рассматривать как самостоятельный феномен, а не как придаток метафоры. В то же время, учитывая метафорическую природу афоризма, в качестве методологии при его гносеологическом анализе необходимо учитывать философские теории метафоры, которые могут быть частично спроецированы на афоризм.

Специфическим свойством афоризма является наличие в нем двойного уровня кодировки. Афоризм как знак закодирован дважды: с точки зрения естественного языка и с точки зрения метаязыка грамматического описания данного естественного языка. Иными словами, афоризм представляет собой

форму художественного языка, отличительным свойством которого является употребление слов в переносном, метафорическом смысле, поэтому афоризм как знак приобретает двойной уровень кодировки, выражающийся в наличии в нем смысла очевидного, данного изначально, эксплицитного, и смысла, выявляющегося в процессе интерпретации, или имплицитного. Тезис о двойном уровне кодировки афоризма как эстетического сообщения выводится из семиотики художественного текста выдающегося русского ученого Ю.М. Лотмана. «Текст закодирован дважды с точки зрения семиотики культуры: на естественном языке и на метаязыке грамматического описания данного естественного языка» [74, с. 88], – пишет Лотман. Действительно, если сравнить художественный текст со знаками естественного или искусственного языков, то можно заметить, что значение художественного текста требует дальнейшего процесса перевода или истолкования. Это свойство художественного языка немецкий философ У. Вейнрейх называет «гиперсементизацией»: «Если при «стандартном» использовании языка получатель сообщения должен лишь декодировать его, но не дешифровать (то есть ему не приходится разгадывать код), то в «гиперсемантизированном» языке общий код может изменяться, и получатель сообщения должен сначала догадаться об изменениях кода, чтобы правильно декодировать сообщение» [184, с. 26]. Следовательно, интерпретация художественного текста – это сначала понимание его языкового значения и только потом постижение его текстового значения. На неоднозначность эстетического сообщения, разновидностью которого является афоризм, указывает также итальянский философ У. Эко, являющийся авторитетным европейским экспертом в области семиотики. По Эко, эстетическое сообщение неоднозначно, поскольку оно предельно информативно и побуждает реципиента ко всевозможным толкованиям. Неоднозначное сообщение, считает У. Эко, вводит в игру различные уровни реальности: физический, вещественный уровень, уровень той материи, из которой состоят означающие; уровень различий, дифференциальных признаков означающих; уровень означаемых, уровень

различных коннотаций, уровень психологических, логических, научных ожиданий. На всех этих уровнях устанавливается некое соответствие так, словно все они структурированы на основе одного и того же кода [184, с. 102].

Итак, для афоризма как эстетического сообщения характерно необычное использование кода, в результате чего возникает *информационное напряжение и избыточность на уровне означаемого, проявляющаяся в двойном уровне кодировки*. Двойная кодировка в афоризме реализуется следующим образом: постижение эксплицитного смысла афоризма, или его изобразительной оболочки, – это первый уровень дешифровки, второй уровень дешифровки – понимание имплицитного смысла афоризма, его концептуальной сущности, которая может варьироваться от реципиента к реципиенту. Таким образом, *афоризм с семиотической точки зрения является эстетическим сообщением и обладает двумя уровнями кодировки: своим языковым значением, или эксплицитным смыслом, который без труда становится понятным реципиенту, и своим текстовым значением, то есть эксплицитным смыслом, который требует процесса интерпретации*. Афоризм, следовательно, является *гиперсемантизированной формой текста, которая малопонятна реципиенту, обладает двусмысленностью и многозначностью и требует процесса интерпретации*.

Афоризм является вербальной объективацией результатов мыслительных процессов, формой речевого мышления, универсальной для каждого естественного языка, поэтому его гносеологический анализ вскрывает универсальные механизмы мышления, выраженные в языке, и базируется на проблеме соотношения мышления и языка.

Соотношение мысли и слова всегда волновало философов в любой момент развития философской мысли: так уже в античной философии, а именно в диалогах Платона, можно обнаружить рассуждения по данной теме, однако, на общенаучный уровень данную проблему вывел выдающийся лингвист и философ XIX века В. Гумбольдт. Идеи, высказанные Гумбольдтом в трактате «О различии строя человеческих языков и его влиянии на духовное

развитие человечества», дали импульс к развитию философии языка и научного языкознания в XX–XXI веке. В частности, дальнейшая эволюция философии языка и научного языкознания, как правило, происходит в границах конструктивного преодоления полюсов идеи Гумбольдта о языке как органе и орудии мысли; языке, образующем мысль; языке как той духовной силе, которая в своем существе не позволяет полностью проникнуть в себя. Тезис Гумбольдта о взаимосвязи, существующей между мышлением и языком, нашел развитие в проблеме языкового мышления, которая была подробно изучена отечественными психологами (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн) и представителями диалектико-материалистической философии (В.З. Панфилов, Г.П. Щедровицкий, Б.А. Серебренников). Всех исследователей, занимавшихся и занимающихся ныне проблемой соотношения языка и мышления, условно можно разделить на два лагеря: вербалистов и тех, кто признает полиморфный характер мышления, которое, по их мнению, существует только в форме языка, даже, если мы думаем «про себя», в этом случае имеет место быть внутренняя речь. Согласно противоположной точке зрения, мышление носит полиморфный характер. Оно представляет собой целый комплекс различных видов мышления: наглядно-действенного, образного, предметного, практического, художественного типов мышления. Все многообразие типов мышления, как справедливо заметил русский философ Б.А. Серебренников, можно условно объединить в две группы: вербальное, осуществляемое при помощи языка, когда язык выступает в качестве субстанции мысли, и авербальное, неязыковое мышление [148, с. 192–194]. Вербальное, или языковое, мышление является более поздним типом мышления, которому предшествовали авербальные типы мышления (образное, практическое, наглядно-действенное мышление), сохранившиеся в настоящее время. Импульсом к возникновению вербального мышления послужила необходимость в общении, поскольку общение людей невозможно без знаков. Чтобы мысль одного человека стала достоянием другого человека, она должна быть при помощи звуковых знаков облечена в чувственно воспринимаемую

форму, которой и становится язык. Языковое мышление неразрывно связано с другими сторонами психической деятельности человека: с чувственными, волевыми, эмоциональными, коммуникативными процессами. Отделить языковое мышление от других сторон психической деятельности человека можно только в абстракции.

Афоризм как феномен несомненно относится к области языкового мышления человека, но, учитывая его художественную природу и ориентированность на практическую деятельность человека, можно констатировать, что афоризм является результатом не только языкового, то есть вербального мышления, но также мышления практического и художественного.⁸ По нашему мнению, уникальность афоризма как семиотической системы состоит также в том, что эта система опосредована разными формами мыслительного процесса и является наглядным доказательством полиморфного характера мышления человека. Результаты абстрактно-теоретического и практического мышления в афоризме объективируются в художественной форме, что свидетельствует о том, что при образовании афоризмов участвуют как абстрактно-теоретическое и практическое мышление, так и мышление творческое, художественное. Таким образом, для прояснения гносеологической сущности афоризма основополагающими являются три вида мыслительных процессов: художественный, абстрактно-теоретический и практический. Художественный тип мышления всегда опосредует афоризм, поскольку неотъемлемыми свойствами афоризма являются метафоричность и художественность, на основании которых мы можем заключить, что афоризм является эстетическим сообщением. Афоризм всегда опосредован художественным мышлением, так как построен на художественном образе, а образное восприятие объективной реальности характерно для художественного типа мышления. Итак,

⁸Следует заметить, что художественное мышление необязательно протекает вербально, так художник мыслит художественными образами, музыкант – музыкальными фразами.

художественность, образность, метафоричность – это константы афоризма как семиотической системы. Однако за художественной вербальной оболочкой афоризма могут скрываться разные типы содержания. Если глубинное содержание афоризма состоит в правиле, норме, которой должен руководствоваться человек в своей повседневной жизни, то перед нами один тип афоризмов, являющихся объективацией практического мышления человека, то есть мышления, непосредственно направленного на практическую деятельность, назовем эти афоризмы *афоризмами практического мышления*. Если же глубинное содержание афоризма представляет собой научно-теоретическую форму мысли, такой афоризм, следовательно, опосредован абстрактно-теоретической формой мышления, назовем данный тип афоризмов *афоризмами абстрактно-теоретического мышления*.

Из всего вышесказанного следует, что в основе афоризма лежит антиномия рационального и иррационального. Под «иррациональным» в афоризме мы понимаем все то, что противоположно рациональной идее, вербализованной в нем: его художественность, благодаря которой он способен возбуждать в реципиенте определенные сенсорные образы. Под «иррациональным» в афоризме мы понимаем также то, что в процессе его продуцирования задействуются интуитивные и художественные когнитивные процессы.

Рациональное содержание афоризма соответствует его концептуальной сущности, то есть значению, но оно, как мы констатировали выше, многозначно: в нем есть прямой (или очевидный) смысл и скрытый, на который только намекается. Значение истинности приписывается концептуальной сущности афоризма в целом. Рациональное смысловое ядро *афоризмов практического мышления* образует мудрая мысль, непосредственно связанная с практической деятельностью человека, что делает данные афоризмы кладом житейской мудрости, своеобразным пособием по практической философии индивида. Истина, схваченная в афоризме, всегда антропоцентрична и касается непосредственно бытия человека, она опирается на здравый смысл и принимает

форму практического совета, рекомендации, что делает возможным рассмотрение афоризма в антропологическом аспекте. Вторым типом рационального смыслового содержания афоризма является мысль абстрактно-теоретическая (в случае с афоризмами абстрактно-теоретического мышления). Афористичная истина репрезентируется в вербальной форме, построенной на принципиальной недосказанности и метафоричности. Художественность – категория поэтического мышления, являющегося альтернативой рационализму. *Афоризм как гносеологический феномен, таким образом, представляет собой продукт синтеза художественного мышления и здравого, практического смысла, художественно-интуитивного и абстрактно-теоретического типов мышления.*

Учитывая рассмотренные выше черты афоризма как специфической семиотической системы, наиболее эффективно наше исследование может быть проведено с использованием интегративного подхода, согласно которому афоризм – сложное междисциплинарное явление языкового мышления, концентрирующее в себе семантические, когнитивные, художественные, эмоционально-оценочные, императивные и интенциональные компоненты. Интегративная функция философии в исследовании афоризма наиболее продуктивно может реализоваться через призму речевой деятельности, что требует изучения афоризма в контексте связи мышления и языка, языка и сознания, языка и деятельности, что и будет проведено во второй главе нашего исследования.

1.2. СЕМАНТИКА ЯЗЫКА И ЛОГИКО-СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА АФОРИЗМА

*Язык есть дом бытия, в котором человек эк-зистировать, поскольку
оберегая истину языка, принадлежит ей.*

М.Хайдеггер

Целью данного параграфа является изучение афоризма с точки зрения семиотической семантики, под которой традиционно принято понимать раздел семиотики, изучающий значение знака на основе синтеза логико-психологических представлений о нем⁹. В центре нашего внимания в данном параграфе находится логико-смысловой аспект значения афоризма. Прежде чем говорить о значении афоризма, необходимо рассмотреть, что представляет собой значение семиотического знака в целом. С точки зрения структурного подхода, значение любого языкового знака представляет собой сложную иерархически организованную структуру, в которой можно выделить два основных компонента: 1) семантический – это интерсубъективное значение, закрепленного за знаком в результате языковой практики или конвенции; и 2) прагматический – интенциональное, контекстное значение, обусловленное разными факторами, среди которых ведущую роль играет интенционально-коммуникативное намерение говорящего, то есть та цель, которую он преследует при произнесении данной речевой единицы. Целью данного параграфа является изучение семантического аспекта значения афоризма, что невозможно без понимания структурно-логических особенностей афоризма, поскольку не может быть осознания смысла без понимания структуры. Изучение логической структуры афоризма, структуры его смысла поможет нам вскрыть гносеологические механизмы, объясняющие семантическую сложность

⁹ Семиотическую семантику необходимо отличать от семантики лингвистической, которая занимается изучением структуры значения только лингвистических знаков, то есть слов. Изучить слово с точки зрения лингвистической семантики значит установить его лексическое значение (смысл), которое с точки зрения структурной лингвистики представляет собой иерархически организованную структуру сем, – минимальных носителей значения – актуализирующихся в определенном контексте. Например, денотативный компонент значения слова «вода» включает в себя семы «жидкость», «пригодность для питья», «бесцветная», «безвкусная», «химическое вещество, молекула которого состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода». В ситуации, когда человек просит воды, актуальный смысл данного слова включает в себя только семы «жидкость», «пригодность для питья», остальная часть значения слова остается нереализованной. Семиотическая семантика в отличие от семантики лингвистической является разделом семиотики, изучающим отношение знаков к тому, что ими обозначается. При этом знак трактуется широко как любой материальный, чувственно воспринимаемый предмет (событие, действие или явление), выступающий в познании в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования.

данного феномена. Категории «смысл» и «значение» являются методологическими для нашего исследования, кроме того, данные понятия носят междисциплинарный характер и являются объектами изучения семиотики, лингвистики, психологии, психолингвистики и философии, поэтому необходимо оговорить, что именно мы понимаем под данными категориями.

Смысл и значение – понятия, задающие разные формы осуществления основной языковой связи «знак – означаемое» в системе языка, процессах коммуникации и понимания. Обыденное употребление слов «понимает» и «смысл» наталкивает на то, чтобы определить «смысл» как то, что понимается нами при прочтении текста: смысл – это вербализуемая в единицах языка мысль. Следовательно, смысл выступает одновременно как предмет и продукт понимания. Под значением, следуя идеям И.С. Нарского, мы понимаем устойчивое, инвариантное, нормативное смысловое наполнение знака, которое задает форму существования знаков в процессах трансляции, в системах культуры и языка [101].

Категории «смысл» и «значение» являются не только общесемиотическими, но это и психологические категории, опосредующие нашу мыслительную деятельность. Наиболее верно, на наш взгляд, различие между смыслом и значением с психологической точки зрения описал выдающийся психолог А.Н. Леонтьев, который понимал под «смыслом» эквивалент значения в конкретной деятельности конкретного индивида; форму существования значения в индивидуальной психике, всегда опосредованную системой отношений индивида к действительности. Смысл высказывания, по Леонтьеву, это некоторая организованная совокупность индивидуально-деятельностных, личностных в том числе ситуативно определенных эквивалентов значений, формирующаяся в языковом сознании коммуниканта в связи с высказыванием как материально-знаковой системой [82, с. 188]. Как следует из данного определения, конкретный смысл в отличие от значения связан с конкретной речевой ситуацией, с феноменальным процессом понимания, он обусловлен самоопределением человека, его ценностями и

коммуникативными установками. В связи с этим следует говорить о полиморфизме смыслов и выделять intersубъективный и личностные смыслы. Данная дифференциация важна для интерпретации афоризма, поскольку в нем можно выделить intersубъективный смысл, общезначимый для любого интерпретатора, и личностные смыслы, которые вкладывают в афоризм разные интерпретаторы. Одна и та же фраза может раскрываться различными смысловыми оттенками для разных интерпретаторов, исходя из их мировоззрения и жизненного опыта. В нашем исследовании при интерпретации афоризмов мы будем раскрывать intersубъективные смыслы, поскольку личностных смыслов может быть бесконечное множество, а для науки имеет значение только то, что общезначимо.

В западной и отечественной философии сформировались четыре подхода к понятию «смысл». В традиции аналитической философии и структурализма смысл трактуется как соответствие имени денотату, то есть предмету, который обозначается этим выражением (Р. Карнап, Л. Витгенштейн, Ю.М. Лотман). В феноменологии смысл рассматривается как нечто априорное и трансцендентное (Э. Гуссерль, Г. Юнг, Г. Шпет). Таким образом, в аналитической философии, структурализме и феноменологии акцентируется внимание на проблеме соотношения семиотических систем и объектов, которые они замещают, поэтому смысл анализируется как результат активности индивидуального сознания. В традициях неокантианства, экзистенциализма и герменевтики смысл рассматривается как божественное и общезначимое (Н. Бердяев, С.Л. Франк, А.Ф. Лосев, Г. Гадамер). В постструктурализме он анализируется как многослойный духовный феномен (М. Хайдеггер, П. Рикер, В.С. Библер, В.В. Бибихин, М.К. Мамардашвили). В этих направлениях смысл предстает как феномен культуры, возникающий в процессе диалога с «другим». Из философских подходов к понятию «смысл» наиболее убедительным нам кажется его феноменологическая трактовка, предполагающая понимание смысла как результата активности индивидуального сознания, поскольку она

подтверждается психологическими исследованиями А.Н. Леонтьева, точка зрения которого была рассмотрена нами выше.

Развитие феноменологической теории знака, предполагающей анализ смысловой картины предмета, описание и формулирование всех возможных видов и степеней смысла, заключенных в слове, происходит в философско-лингвистических трудах А.Ф. Лосева, написанных им в 20-е годы: «Философия имени», «Вещь и имя». В трактовке Лосева слово (знак, символ, образ) есть некий смысл или понимаемая сущность – эйдос: «...Предметом слова может явиться только эйдос какой-нибудь сущности, что эйдос и сущее неразъединимы» [85, с. 159]. Помимо эйдоса («лик и картина смысла») слово состоит также из логоса – фонетической и графической составляющих. Но логос слова – это лишь внешний знак, некоторый абстрактный момент в вещи, это только лишь принцип и метод, закон объединения и осмысления. На концепцию Лосева оказало значительное влияние феноменологическое учение Эдмунда Гуссерля. Анализируя слово как интенциональный акт (направленный сознанием субъекта на предмет), Лосев находит в нем поэтическое и ноэматическое содержание, знакомое по феноменологии Гуссерля. Все внимание Лосева привлекает ноэма как указание на противостояние в слове предметной сущности и воспринимающего эту сущность субъекта.

Как следует из феноменологической концепции значения и смысла А.Ф. Лосева, что также подтверждается психологическими взглядами на феномен «смысла» А.Н. Леонтьева, онтологически смысл формируется в сознании, в живой коммуникативной деятельности отправителя и адресата сообщения, но не в самом высказывании как материальном образовании. Следовательно, отождествление значения высказывания и смысла неправомерно. Смысл высказывания и само высказывание находятся в разных онтологических сферах: первое – в сфере психического, ментального, в сфере живой коммуникативно-познавательной деятельности, а второе – в сфере исключительно материальных знаков. Обобщая вышесказанное, под «смыслом» афоризма мы будем понимать формирующийся в сознании коммуниканта

эквивалент значения афоризма как знака, который обусловлен контекстом коммуникации, если понимать «контекст» широко, как совокупность ситуативных, психологических, индивидуально-личностных особенностей коммуникации. Очевидно, что объективно описать «личностные» смыслы афоризма, возникающие в сознании разных коммуникантов, затруднительно, поэтому в нашем исследовании, говоря о смысле афоризма, мы будем иметь в виду прежде всего intersубъективный смысл – то устойчивое инвариантное смысловое наполнение афоризма как знака, которое является общезначимым для большинства коммуникантов, то есть инвариант информации, заключенной в нем.

Специфика афоризма как семиотического знака, как было выявлено в первом параграфе нашего исследования, состоит в его смысловой «многослойности». Афоризм в семиотическом отношении представляет собой *многоярусный смысловой феномен*: кроме поверхностной смысловой структуры – его изобразительной оболочки – обладающей эксплицитным смыслом, афоризм также обладает глубинной структурой – концептуальной сущностью, составляющей его имплицитный смысл. Афоризм устроен так, что за смыслом очевидным, буквальным в нем открывается пространство глубинного экзистенциально-онтологического смысла. Таким образом, в структурно-смысловой организации афоризма можно выделить несколько уровней: *поверхностную вербально-смысловую структуру, глубинную когнитивно-семантическую структуру и экзистенциально-онтологическую структуру*. Продемонстрируем сказанное на примере. Рассмотрим для этого афоризм О. Хаксли: *Человек – это канатоходец, который идет по проволоке, на одном конце которой его ум, сознание, душа, а на другом – тело, инстинкт, все земное, подсознательное, таинственное*. Эксплицитный смысл данного афоризма заключается в образе человека как канатоходца – это тот смысл, который находится на поверхности понимания, дан изначально. Имплицитный смысл данного афоризма извлекается из эксплицитного в процессе интерпретации и самостоятельной рефлексии. Он заключается в утверждении,

что в человеке совмещено два начала: начало духовное, рациональное, возвышенное и начало плотское, телесное, бессознательное. Оба эти начала в равной степени присутствуют в человеке, и он вынужден постоянно балансировать между ними. Экзистенциально-онтологический смысл данного афоризма состоит в указании на то, что человек существует как телесно-духовное существо.

Методологическим для логико-семантического анализа афоризма является также категория «значение». К феномену значения существуют разные подходы, но наиболее авторитетным является системный подход, заложенный одним из родоначальников семиотики Ч. Моррисом, согласно которому значение знака в отличие от его смысла представляет собой целую систему, что обусловлено разными аспектами семиотической ситуации. Вслед за Ч. Моррисом в структуре значения принято выделять семантический, синтаксический и прагматический компоненты. Семантическим компонентом значения знака принято называть ту часть значения знака, которая фиксирует в обобщенной форме результат отражения внелингвистической действительности. Семантический компонент значения знака также сложен по своей структуре. Он состоит из совокупности сем, которые реализуются в определенных контекстах, образуя актуальные смыслы знака. Актуализация смысла относительно контекста составляет синтаксический компонент значения. Любой знак возникает в связи с определенной целевой установкой, посредством него выполняется определенная деятельность, что и составляет прагматический компонент значения знака.

Идею Морриса о качественно различных подсистемах значения в отечественной философии развивал И.С. Нарский, предложивший концепцию значения знака как инварианта информации, несомой знаком. Под информацией в этой концепции понимаются не только знания, транслируемые в данной языковой системе, но и передача этих знаний от источника к приемнику. Сам процесс обозначения представляет собой частный случай кодирования информации, когда знаку ставится в соответствие одновременно

образ объекта и объект. Значение знака, с точки зрения Нарского, неоднородно по своему составу. Оно складывается из знания о предмете (отражения) и знания о свойствах и особенностях отражающей системы (умения пользоваться знаковой системой). Значение знака инвариантно, то есть его элементы устойчивы при перемещении информации как знания в рамках определенной знаковой ситуации. Компоненты знаковой ситуации могут меняться – информация как знание в значении будет сохраняться. Инвариантность содержания информации обеспечивает intersubъективное (общезначимое) значение знака [101, с. 156]. В концепции И.С. Нарского, таким образом, системный подход к значению знака сочетается с информационным, вследствие чего значение предстает как система семантического, синтаксического и прагматического компонентов. Под семантическим компонентом значения подразумевается сохраняющееся, устойчивое знание о предмете и его образе, выступающее как инвариант. Наряду с семантической информацией в значение знака включается и знание об отражающей (кодирующей) системе, используемой в человеческом обществе, а также знания о субъекте, а именно об отношении субъекта к отображаемому и обозначаемому объекту, об особенностях психологии восприятия субъекта, его эмоциональном настрое. Данный вид информации как знания содержит эмоциональные, волевые и побудительные компоненты (ее определяют обычно как экспрессивную информацию). Помимо семантического в значении знака входит и синтаксический компонент. Он возникает благодаря включению «атомарного знака» в знаковую систему и образованию его связей с другими знаками. Понятие синтаксического аспекта значения позволяет описывать дополнительные, «вторичные» значения, образующиеся в результате взаимодействия знаков внутри знаковой системы. В значение знака входит также прагматический компонент, обусловленный необходимостью кодировать и интерпретировать знаки, а также конкретными практическими целями. С точки зрения прагматики значение знака – это способ его употребления и реакция на него. При этом необходимо учитывать, что прагматическое значение различных видов знаков различно. Максимальной величины оно

достигает у бытовых, общественно-политических, религиозных, художественных знаков и почти отсутствует или отсутствует полностью у научных. Достоинством концепции И.С. Нарского, по нашему мнению, является то, что значение знака как семиотического явления рассматривается в ней с гносеологической точки зрения с учетом трех основных аспектов знака: семантики, синтаксиса и прагматики. Однако в данном параграфе нас интересует в первую очередь семантика языка.

Если посмотреть на афоризм с точки зрения семантики языка, то афоризм представляет собой вербальный знак, где роль означающего играет вербальная структура афоризма, то есть его материальная составляющая. Означающее афоризма – это его концептуальная сущность, система закодированной в нем информации как знания и сведения. Означающее афоризма реализует себя в сознании субъектов коммуникации как его смысл, в котором можно выделить два компонента: 1) интерсубъективный, то есть общезначимый, социальный компонент и 2) личностный смысл. Личностный смысл – это значение социальной информации, закодированной в афоризме, для конкретной личности. В личностном смысле также можно вычленить два аспекта: оценочное отношение личности к данной информации и переживание этого отношения, непосредственный опыт ощущений и восприятий. Процесс усвоения социального опыта посредством афоризмов, таким образом, состоит из его субъективации, распрямления, понимания и объективации, то есть опредмечивания, воплощение опыта в парафразе, передающей значение афоризма.

Поскольку афоризм – это знаковая структура, которая максимально самостоятельна по отношению к другим структурам естественного языка и может функционировать вне контекста (если понимать контекст в узком смысле как вербальный текст, в который включается афоризм), то синтаксический аспекта афоризма пока мы можем не рассматривать. Семантический компонент афоризма – это та когнитивная информация об объекте объективной реальности, которая закодирована в нем. Семантический

компонент афоризма, по нашему мнению, тождественен предметно-познавательному аспекту афоризма, который выделила в структуре афоризма отечественный исследователь Т.Э. Тийтанен. По мнению Т.Э. Тийтанен, в афоризме можно выделить три аспекта: предметно-познавательный, оценочный, регулятивно-воспитательный [187, с. 17]. Предметно-познавательный аспект афоризма – это, на наш взгляд, и есть основной семантический компонент значения афоризма.

Следующий компонент афоризма как знака – информация о кодирующей системе, соответствующая в типологии Тийтанен эмоционально-оценочному аспекту афоризма. Оценочная деятельность, пронизывая весь процесс отражения человеком окружающего мира, включается в мировоззрение и присутствует как непосредственно в оценках, так и в нормах, идеалах, целях и во всей деятельности человека. В афоризмах отражены самые разнообразные оценки: правовые (*закон, что дышло: куда повернешь, туда и вышло; лошадь с волком тягалась – хвост да грива осталась*); религиозные (*избу ставят, бога славят*); нравственные (*голосиста птишка, да черна рубашка; в людях Илья, а дома свинья*). Однако наиболее выражены в афоризмах нравственные оценки, поскольку мораль раньше всех форм общественного сознания регулировала отношение человека с миром и поэтому начала ранее осознаваться. Афоризмы, как правило, содержат в себе нравственный смысл, особенно, если мы говорим об их народной форме. В народных афоризмах социальные отношения отражаются с точки зрения справедливости, общего блага, стремления к совершенству, что позволяет рассматривать их в качестве нравственного идеала – тех неписаных правил, которыми должен руководствоваться каждый в своей повседневной жизни. Однако если обратиться к авторской форме афоризма, то можно обнаружить, что данный тип афоризма не всегда содержит в себе нравственный смысл, или нравственная позиция автора афоризма отличается от общепринятых моральных норм. Афоризмы, не содержащие нравственного смысла, – это, как правило, изречения научно-теоретического характера, которые были созданы, чтобы выразить концептуальную для автора идею. Так,

например, концептуален известный афоризм выдающегося швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра о том, что *«письменность – это одежда языка, которая может оказаться карнавальным костюмом, искажающим его сущность и реальное содержание»*. Как мы видим, автор данного афоризма не ставит цели научить кого-либо правильно жить. Афоризм может также содержать морально-этический смысл, однако этот смысл может отличаться от общепринятых моральных ценностей. Так, например, обстоит дело с большинством афоризмов Ф. Ницше, считающего, что социальная мораль закрепощает человека и признающего право человека на личную мораль. Имморализм Ницше отражен, на наш взгляд, наиболее емко в следующем афоризме: *«Должно быть, некий дьявол изобрел мораль, чтобы защитить людей гордостью: а другой дьявол лишит их однажды ее, чтобы замучить их презрением»*. Обобщая вышесказанное, можно заключить, что правильнее было бы говорить не о морально-этическом характере афористического мышления, а о характере аксиологическом. Афоризм может выражать в себе нравственный идеал, может быть этически нейтральным, а может также отрицать общепризнанные моральные ценности.

Прагматический компонент афоризма как семиотического знака реализуется в функционировании афоризма в языковом мышлении и процессах коммуникации. Афоризм с точки зрения своего функционирования в коммуникативном дискурсе, по нашему мнению, имеет две ключевые формы: афоризм – утверждение и побудительный афоризм. Афоризм-утверждение выражен в изъявительном наклонении и предназначен для передачи когнитивной информации, констатации фактов объективной реальности. Побудительный афоризм соответственно выражен в побудительном наклонении, и его главная цель состоит в побуждении адресата к определенному ментальному или практическому действию. Такие афоризмы содержат в себе императивность, соответствующую регулятивно-воспитательному аспекту афоризма по Т.Э. Тийтанен. Под императивностью мы понимаем когнитивное воздействие, в содержании которого описывается

более или менее подробно схема поведения, реализацию которой сообщающий императив намерен ждать от принимающего сообщение-императив. Благодаря императивности афоризмы направлены непосредственно на практическую деятельность человека. Императивность афоризма обусловлена коммуникативным намерением говорящего, то есть его интенцией определенным образом воздействовать на слушающего. Афоризм как императив, таким образом, является когнитивным действием, направленным на волеизъявление говорящего и каузацию деятельности адресата. Императивность афоризма является тем механизмом, посредством которого афоризм становится универсальной формой объективации практических суждений, которая присутствует в любом естественном языке и является формой закрепления и трансляции национальных и межнациональных отношений, отражающих уровень социальной организации общества, характер общения людей и народов, национальной психологии, быта. Афоризмы, используемые народом, поддерживают и санкционируют определенные общественные устои, формы общения, ценностные установки. Они включают в себе стереотипы мышления и поведения и участвуют в регулировании всех сфер жизни человека: труда и быта, политики и науки, семейных и личных отношений.

Таким образом, *структура значения афоризма как гносеологического образования и семиотической системы состоит из трех основных аспектов: 1) рационального предметно-познавательного аспекта афоризма, соответствующего мысли, или с точки зрения формальной логики суждению, заключенному в нем; 2) эмоционально-оценочного аспекта значения афоризма; 3) императивного аспекта афоризма. Афоризм, таким образом, воздействует на разум, эмоции, волю пользующихся языком субъектов.*

Следующая задача, которая стоит перед нами – это описать, как сложная структура значения афоризма реализует себя в его логической структуре, поскольку не может быть объективного осознания значения знака и его смысла без хотя бы минимального осознания его структуры. Только взгляд на объект в

целом, вычленение его логической основы может, посредством анализа его структуры, привести исследователя к истинному смыслу и роли этого объекта. По мнению американского философа Дэвидсона, «скелетом того, что мы называем языком, является шаблон умозаключений и структур, образуемый логическими константами. Если мы вообще можем применять к говорящему общий метод интерпретации – то есть если возможно хотя бы начальное понимание говорящего на основании подобия его и нашего языков, – это может происходить благодаря тому, что мы можем подходить к его структурообразующим механизмам как к своим собственным. Это позволяет фиксировать логическую форму его предложений и определять части речи» [61, с. 231].

Итак, нам необходимо вычленить логическую основу афоризма, в которой объективируется его значение в широком смысле. Логическая основа афоризма соответствует предметно-познавательному аспекту афоризма, то есть суждению, которое представляет собой афоризм с точки зрения формальной логики. Суждение, заключенное в афоризме, есть его логический смысл. Соответственно, значение, афоризма с логической точки зрения есть понимание соответствия афоризма ситуации истина/ложь. Поскольку проблема истины является одной из ключевых проблем гносеологии, а наша цель – провести гносеологический анализ афоризма, то, следовательно, мы должны в нашем анализе рассмотреть также проблему истинности афоризмов, что будет сделано в параграфе 1.3.

Специфика логико-смысловой организации афоризма, по нашему мнению, заключается в том, что *афоризмы являются результатом воздействия творческого когнитивного процесса на формальные семантические структуры*. Конечно, полное алгоритмическое описание данного процесса невозможно в силу его творческой природы, носящей не только рациональный, но и интуитивный характер. Однако будет полезным описание формальной структуры афоризма для объяснения рационального аспекта данного когнитивного процесса. Описание формальной структуры афоризма

осложняется тем, что афоризмы могут быть выражены как в изъявительном наклонении, назовем их *афоризмами-индикативами*, так и в побудительном, которые мы будем называть *афоризмами-императивами*. Приведем примеры афоризмов-индикативов: *Один раз в жизни фортуна стучит в дверь каждого человека, но во многих случаях человек в это время сидит в соседнем кабаке и не слышит ее стука (М. Твен); Самый большой банкрот в этом мире – человек, утративший свой жизненный энтузиазм (М. Арнольд)*. В качестве афоризмов-императивов можно привести следующие примеры: *Музыка должна высекать огонь из людских сердец (Бетховен); Если кто-то лижет тебе подошвы, прижми его ногой, прежде чем он начнет кусаться (П. Валери); Если можешь, иди впереди века, если не можешь, иди с веком, но никогда не будь позади века (Брюсов); Садись за жизненный пир, но не облакачивайся на него (Пифагор)*. Трудность заключается в том, что афоризмы-индикативы и афоризмы-императивы имеют разную логическую структуру. Если афоризм-индикатив соответствует двусоставному предложению и имеет с логической точки зрения и субъект и предикат (S есть P), то афоризм-императив соответствует односоставному глагольному побудительному предложению, которое имеет только выраженный предикат. Субъект такого афористического предложения присутствует имплицитно и соответствует местоимениям «ты», «вы», «они», «все». Например, афоризмы-императивы *дареному коню в зубы не смотрят; цыплят по осени считают; без труда не выловишь и рыбки из пруда* адресованы каждому. Их адресатом, или реципиентом является коллективно-обобщенный субъект.

Обратимся к логическому анализу афоризма-индикатива. Если посмотреть на афоризм-индикатив с точки зрения формальной логики, то можно заключить, что он представляет собой суждение, которое может быть как простым, так и сложным. Простейшей моделью афоризма является простое суждение, лежащее в его основе, состоящее из главного субъекта высказывания (S), будем называть его также познаваемым объектом, поскольку он является темой высказывания; и вспомогательного субъекта, или дескриптора, который

мы будем называть также истолковывающей частью (Р). Таким образом, *простейшая структурная схема афоризма-индикатива представляет собой модель «тема-дескриптор»*. Среди афоризмов-индикативов соответственно можно выделить атрибутивные и реляционные суждения. Атрибутивные афоризмы построены по формуле S (не) есть Р, они указывают на наличие или отсутствие свойства субъекта высказывания, например: *Оптимизм – вот роскошь великих людей (Л. Арагон); Дружба – это любовь без крыльев (Байрон); Из всех тропинок, ведущих к сердцу женщины, жалость – самая короткая (Байрон)*. Разновидностью атрибутивных афоризмов являются экзистенциальные афоризмы, или афоризмы существования, например: *У ума, как у проселочной дороги, есть своя проторенная колея (Бальзак)*. Реляционные афоризмы построены по формуле R(a,b), где R-предикат, смысл которого равен отношению; а символами a,b – субъекты высказывания, которых может быть несколько, например: *Сильные жизненные потрясения исцеляют от мелких страхов (Бальзак); Глупо для переезда через лужу на челноке раскладывать перед собою морскую карту (Белинский)*.

Для того чтобы описать гносеологическую специфику афоризма как суждения, необходимо рассмотреть, что представляет собой любое утвердительное суждение как продукт мысли с точки зрения теории познания. Классический ответ на этот вопрос мы находим в гносеологии И. Канта. По И. Канту, значительная часть деятельности нашего разума состоит в расчленении понятий, которые у нас уже имеются о предметах. Благодаря этому мы получаем множество знаний, которые, суть нечто иное, как разъяснение или истолкование того, что уже мыслилось в наших понятиях, которые по содержанию объясняют, а не расширяют уже имеющиеся у нас понятия [70, с. 47]. Во всех суждениях, в которых мыслится отношение субъекта к предикату (имеются в виду только утвердительные суждения), это отношение может быть двояким. Или предикат В принадлежит субъекту А как нечто содержащееся (в скрытом виде) в этом понятии А, или же В целиком находится вне понятия А, хотя и связано с ним. В первом случае Кант называет суждение аналитическим,

во втором – синтетическим. Аналитические суждения, по Канту, это те утвердительные суждения, в которых связь предиката с субъектом мыслится чрез тождество, а те суждения, в которых эта связь мыслится без тождества, Кант называет синтетическим [там же, с. 48]. Первые суждения, как указывает Кант, можно было бы назвать поясняющими, а вторые – расширяющими суждениями, так как первые через свой предикат ничего не добавляют к понятию субъекта, а только делят его путем расчленения на подчиненные ему понятия, которые уже мыслились в нем. Синтетические же суждения присоединяют к понятию субъекта предикат, который вовсе не мыслился в нем и не мог бы быть извлеченным из него таким расчленением.

Проецируя идею Канта об аналитических и синтетических суждениях на афоризм, можно заключить, что *афоризмы в целом представляют собой синтетические суждения*. Это объясняется тем, что субъект афоризма-индикатива всегда дан в своем прямом значении. Предикат же афоризма дается в значении переносном, то есть он не мыслится имплицитно в понятии субъекта и не может быть извлечен из него при помощи расчленения. Афоризм, как мы видим, как всякая метафора, построен на соединении казалось бы несоединимого, в результате чего возникает новое объяснение субъекта афористического суждения. Иными словами, в афоризме-индикативе разъясняется понятие, которое присутствует в нашей концептуальной системе через аналогию с другим понятием из этой системы. Следует отметить, что интерпретируемое понятие чаще всего имеет абстрактный характер, например, это понятия типа «жизнь», «судьба», «любовь», «бог», «интуиция». Такому субъекту приписывается предикат, который носит конкретный, вещественный характер, но употребляется в переносном смысле. В афоризме, таким образом, конкретное соединяется с абстрактным, в результате чего мы получаем новое истолкование абстрактного. Рассмотрим это на примере: *Интуиция – это копье, швыряемое в тьму* (Э. Бергман). Субъект афористического суждения – интуиция – представляет собой абстрактное понятие. Оно отождествляется с предикатом «*копье, швыряемое в тьму*»; понятие «копье» носит конкретный

вещественный характер. В результате приложения его к абстрактному понятию «интуиция» возникает метафора, означающая, используя метаязык, что интуиция подобна оружию, применяемому в темноте, которое может подействовать, а может нет, следовательно, имплицитный смысл данного афоризма соответствует суждению о том, что автор афоризма сомневается в познавательной силе интуиции и ставит ее позади интеллекта.

Синтетический характер афористического суждения, по нашему мнению, обусловлен эмпирической сущностью поэтического языка, продуктом которого является афоризм. На эмпирическую сущность поэтического языка указал впервые английский философ М. Хестер. По мнению Хестера, специфика поэтического языка, единицей которого является афоризм, состоит в его сенсорном, данным нам в ощущениях, чувственном аспекте: поэтический язык создает своего рода слияние смысла с ощущениями, чувственным восприятием, что отличает его от языка непоэтического, где смысл в силу своей произвольности и конвенциональности значительно очищен от сенсорного компонента [135, с. 446] В афоризме как форме языка поэтического, как следует из концепции Херстера, устанавливается связь между абстрактным, теоретическим понятием и чувственным образом, носящим эмпирический характер, в предыдущем примере это был образ *копья, брошенного в тьму*, в результате данной контаминации возникает новый смысл, носящий теоретико-эмпирический характер. Поскольку метафизика, по Канту, состоит исключительно из априорных синтетических суждений [70, с. 53], то афоризм как вербальный знак может нести также философское содержание и быть способом философствования, то есть способом, при помощи которого философ выражает свои мысли.

Когнитивный механизм смыслообразования в афоризме, по нашему мнению, можно объяснить также посредством идеи интеракции, предложенной американским философом и логиком Максом Блэком для объяснения когнитивного механизма метафоры. Согласно интеракционистской концепции метафоры (interactionview) Блэка, метафорическое суждение, а афоризм, как мы

доказали выше, это метафорическое суждение, имеет два различных субъекта: главный (тема афоризма) и вспомогательный (дескриптор афоризма). Когнитивный механизм метафоры, по Блэку, заключается в том, что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом [20, с. 167]. Проецируя идеи Блэка на афоризм, главный субъект (тема) в афоризме-индикативе сопоставляется со вспомогательным (дескриптор), посредством чего мы получаем новое знание, новое видение главного субъекта. Используя терминологию Блэка, назовем вспомогательный субъект афоризма «фильтром», сквозь который мы как бы смотрим на главный субъект. Говоря иными словами, главный субъект «проецируется» на область вспомогательного субъекта, вследствие чего возникает новый смысл, новый взгляд на главный субъект. Рассмотрим для примера следующий афоризм: *Нет микроскопа, который бы так увеличивал, как глаза человека, любующегося собой (А. Пон)*. Субъект этого высказывания – глаза человека, любующегося собой. О них сказано, что они увеличивают как микроскоп. Следовательно, микроскоп – это вспомогательный субъект данного афоризма. При слове «микроскоп» в сознании каждого образованного человека возникает ментальная картинка прибора, предназначенного для увеличения. Слово «микроскоп» употреблено в данном выражении в метафорическом смысле, оно является тем фильтром (фокусом фразы), сквозь который мы смотрим на главный субъект. В результате семантического взаимодействия концептов «человек», «глаза» и «микроскоп» мы получаем новый смысл о том, что человек тщеславный смотрит на себя как через микроскоп, то есть значительно преувеличивает свои заслуги. Важно отметить, что главный субъект афоризма – человек – употреблен в прямом смысле, в то время как второстепенный – в переносном. Итак, используя терминологию Блэка, будем называть элемент афоризма, с помощью которого вводится метафорическое содержание, *фокусом*, а его окружение, употребленное в прямом смысле – *рамкой*. В анализируемом нами примере фокусом является слово «микроскоп», рамкой – остальная часть высказывания, употребленная в прямом смысле.

Схожие термины для описания структуры значения пословицы, или согласно нашей терминологии народного афоризма, использует паремиолог М.А. Черкасский, который, на наш взгляд, верно описал свойство афоризма имплицитно содержать в себе более широкую информацию, нежели та, которая эксплицитно выражена в нем: «...семиотическая структура паремии складывается из двух компонентов, в определенном смысле противостоящих друг другу: семиотического ф о к у с а, воплощающего ту информацию, которая эксплицитно выражена в тексте паремии, и семантического ф о н а, содержащего информацию, которая лишь имплицитно присутствует в паремии. Однако «фокусная» и «фоновая» информация – это не механически соположенные составляющие общего информационного объема паремии. «Фокусная» информация в конденсированном виде представляет всю информацию, содержащуюся в паремии. Если мы найдем соотношение информационного объема фона (IF) к информационному объему фокуса (If), то тем самым определим величину компрессии или, что то же самое, степень афористичности (A) паремии...» [176, с. 39]. По М.А. Черкасскому, информация, непосредственно выраженная в словесном тексте паремии и образующая ее семиотический фокус, имплицитно содержит в «свернутом» виде некоторую более обобщенную информацию, составляющую семиотический фон паремии [176, с. 47]. Следовательно, два смысловых уровня афористического высказывания не равны по объему и имеют различную структуру, коль скоро речь идет о «фоне» и «фокусе». Действительно, сложно отождествить по степени понимания субъектом (человеком) два этих смысловых уровня. Имплицитный смысл «разлит» по всему афоризму, он не формулируется четко, и глубина его понимания может варьироваться от субъекта к субъекту. Эксплицитный смысл, напротив, более доступен для восприятия, но в нем имеет место частичная семантическая незавершенность, которая стимулирует к поиску имплицитного смысла. Эксплицитный смысл соответствует первому уровню кодировки афоризма с помощью знаков естественного языка, имплицитный смысл афоризма получается за счет

кодировки информации, заключенной в афоризме, при помощи метафорического элемента, который непременно присутствует в афоризме.

Метафоричность афоризма, таким образом, – это механизм, посредством которого осуществляется явление многозначности в данном смысловом феномене. Именно благодаря своей метафоричности афоризм способен обозначать смысл через другой смысл: очевидный прямой смысл указывает в афоризме на смысл глубинный, выявляемый в процессе интерпретации. Метафора, следовательно, наделяет афоризм свойством говорить утаивая. В связи с этим процесс интерпретации афористического суждения можно условно разделить на три этапа: восприятие прямого значения (до смыслового слома), начало поиска скрытого смысла (после смыслового слома) и извлечение имплицитного смысла из суждения. Метафоричность афоризма также обуславливает его способность выступать в качестве наиболее емкой и экономичной формы передачи объемного и зачастую трудно вербализуемого сообщения. Следуя закону экономии речевых усилий, отправитель сообщения заинтересован в том, чтобы облечь свои мысли в максимально сжатую емкую и доступную для восприятия форму, которой и становится афоризм благодаря своей метафоричности. Рациональное содержание, которое несет в себе афоризм, благодаря метафорической форме, в которую оно заключено, оказывает влияние не только на разум, но и на эмоции и волю познающего субъекта.

Остановимся на вопросе о специфике предиката афоризма-индикатива. Вспомогательный субъект афоризма-индикатива, по нашему мнению, может выбираться на основе прямого сходства с главным субъектом, либо на основе общего отношения, испытываемого субъектом коммуникации к познаваемому объекту. Так, в анализируемых нами примерах микроскоп интуитивно выбирается на основе схожей с глазами функцией, сквозь микроскоп мы видим что-либо в увеличенном виде, ключевое слово здесь – видеть. Важно отметить, что в качестве вспомогательного субъекта выступают понятия из общепринятой системы ассоциаций, то есть те объекты объективной

реальности, которые знакомы каждому человеку. Мы воспринимаем, познаем только такие объекты, которые мы способны «схватить» посредством содержащихся в нашей концептуальной системе смыслов, и это представляет собой способ интерпретации этих знаков-объектов, способ их осмысления нами. Под концептуальной системой человека в нашем исследовании мы понимаем систему взаимосвязанной информации, отражающую познавательный опыт индивида на самых разных уровнях (включая довербальный и невербальный) и в самых разных аспектах познания, осмысления мира. Наиболее абстрактные концепты в такой системе континуально связаны с концептами, отражающими наш обыденный опыт как часть одной концептуальной системы. Та часть смысла афоризма, которая фиксируется в актуализирующем ее пропозициональном выражении, следовательно, зависит от другой, скрытой части смысла, которая связана с ассоциациями, вызываемыми знаками языка в нашей концептуальной системе.

Афоризмы помимо простейших суждений могут представлять собой также сложные суждения, которые содержат более одного утверждения или отрицания. С точки зрения формальной логики сложные суждения, заключенные в афоризмах, можно передать с помощью логических союзов: \wedge соединительный союз, или конъюнкция; \vee разделительный союз, или дизъюнкция; \rightarrow условный союз, или импликация; \equiv равносильность, или эквивалентность; \neg отрицание. Так, например, логическая структура афоризма *«Капля долбит камень, изнашивается от употребления кольцо» (Овидий)* передается через логические отношения конъюнкции: $X \wedge Y$, где X соответствует суждению «капля долбит камень», а Y соответствует суждению «изнашивается от употребления кольцо». Логическая структура афоризма *«Кто сам в себе носит солнце и жизнь, не станет искать света где-то на стороне» (Р. Роллан)* передается при помощи логических отношений эквивалентности и отрицания: $D \equiv \bar{E}$, где D соответствует суждению «кто сам в себе носит солнце и жизнь», \bar{E} – соответственно «не станет искать света где-то на стороне». Логическая структура афоризма *«Кубок жизни был бы сладок до приторности, если бы не*

падало в него горьких слез» (Пифагор) передается при помощи логических отношений импликации и отрицания: $\bar{E} \rightarrow D$, где \bar{E} соответствует суждению «если бы не падало в него горьких слез», D соответствует суждению «кубок жизни был бы сладок до приторности». Аналогичным образом можно записать все афоризмы, выраженные сложными суждениями.

Иногда для описания логической структуры афоризма недостаточно общеупотребительных логических операторов, и тогда возникает необходимость во введении дополнительных символов, передающих логические отношения внутри афоризма. Для описания некоторых логических отношений внутри сложных афористических высказываний нам потребуются дополнительные символы, и мы используем опыт паремиолога Черкасского, который вводит следующие символы для передачи сентенциозного характера народных афоризмов, и которые, по нашему мнению, подходят для описания авторских афоризмов сентенциозного характера. Черкасский верно заметил, что в ряде народных афоризмов приводятся модели предпочтительного поведения [176, с. 40]. Положительный образец поведения, по Черкасскому, есть «оптимум», обозначим его буквой O . Отрицательный образец поведения соответственно есть пессимум, обозначим его буквой P . Оптимум противопоставляется пессимуму, что, следуя идеям Черкасского, можно выразить при помощи логического отношения предпочтения, передающегося символом $>$ (читается «лучше, чем»). Логическая схема афоризма с отношением предпочтения будет выглядеть следующим образом: $O > P$ предпочтения; читается « O предпочтительнее, чем P ». Присутствие в афоризме оптимума и пессимума создает структурную симметрию и завершенность афоризма. Оптимум и пессимум, как показал анализ, проведенный нами, можно выделять не только в народных афоризмах. Логическая структура с отношением предпочтения является, по нашему мнению, самостоятельной структурной моделью сентенциозных афоризмов, встречающихся в том числе и среди авторских высказываний, например, данная логическая схема характерна для следующих высказываний: *Слезы страданья осушить с любовью славнее, чем весь мир*

забрызгать кровью (Байрон); Полезнее камень наобум бросить, чем слово пустое (Пифагор); Лучше не бояться, лежа на соломе, чем быть в тревоге на золотом ложе (Эпикур). Оптимумами данных высказываний являются первая часть афоризма, пессимумами – вторая.

Резюмируя все вышесказанное относительно формальной структуры афоризма в утвердительном наклонении, можно заключить следующее: *простейшая логическая модель такого афоризма соответствует схеме «тема–дескриптор», или S–P. Афоризмы-индикативы могут быть также выраженными сложными суждениями, образуемыми при помощи соединения простых суждений при помощи логических союзов. Механизмы смыслообразования в афоризме-индикативе можно объяснить исходя из идеи интеракции: к субъекту, выраженному в прямом смысле, прилагается система ассоциируемых импликаций предиката, который выражен в переносном смысле, в результате чего возникает семантический сдвиг, обнаруживающий новое когнитивное знание, расширение предиката афористического суждения.*

Обратимся теперь к рассмотрению логической структуры и семантики афоризмов-императивов. Афоризмы-императивы, как правило, выражены односоставными глагольными побудительными предложениями, которые могут быть как простыми, так и сложными. В побудительном афоризме вся вербальная структура является метафорой и дана в переносном смысле. Она является знаком определенной ситуации объективной реальности. Эксплицитный смысл такого афоризма настолько очевиден, что возникает некая семантическая недоказанность, побуждающая к извлечению скрытого смысла. Применяя к афоризмам идею И. Канта о разделении разума на теоретический и практический, можно заключить, что афоризмы в побудительном наклонении являются результатом практического разума, поскольку представляют собой нормы морали. Все практическое, по Канту, поскольку оно содержит мотивы (удовольствие и неудовольствие, влечения, склонности), связанные с чувствами, принадлежит к эмпирическим источникам познания [58, с. 59], следовательно, мы можем заключить, что *побудительные*

афоризмы являются результатом эмпирического познания. Действительно, в побудительных афоризмах зафиксированы результаты эмпирии, наглядным доказательством чего являются народные афоризмы: *цыплят по осени считают; лес рубят – щепки летят и т.п.* Развивая идеи Канта о практическом разуме применительно к побудительному афоризму, можно выделить два типа таких афоризмов: афоризм-максима и собственно афоризм-императив. «Разум, из которого только и могут возникать все правила, которые должны содержать в себе необходимость, – пишет Кант – но эта необходимость обусловлена лишь субъективно и ее нельзя предполагать во всех субъектах в равной степени» [69, с. 380]. Субъективные правила поведения, диктуемые волей субъекта, Кант определяет как максимы. Проецируя идею Канта о максимах как субъективных правилах поведения на афоризм, среди побудительных афоризмов можно выделить афоризмы-максимы, которые не обладают общезначимым смыслом и демонстрируют только мировоззрение и ценностное отношение к объективной реальности автора афоризма. Например, это афоризмы Ф. Ницше и О. Уальда, в которых подвергаются сомнению общепризнанные нормы морали: *Интерес к вопросам этики – свидетельство запоздалого умственного развития (О. Уальд); Мораль – это важничанье человека перед природой (Ф. Ницше).*

Императив, по Канту, это правило, которое, характеризуется долженствованием, выражающим объективное принуждение к поступку, и которое означает, что, если бы разум полностью определял волю, поступок должен был бы неизбежно быть совершен по этому правилу [69, с. 393]. Основным законом истого практического разума, сформулированный Кантом, гласит: *поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства* [69, с. 409]. Применяя к побудительному афоризму идею Канта о категорическом императиве, можно выделить афоризмы-императивы, которые в отличие от афоризмов-максим являются объективными и общезначимыми, это афоризмы, фиксирующие в себе нормы морали, по преимуществу это народные афоризмы.

Таким образом, резюмируя вышесказанное относительно логико-смысловой структуры афоризма, можно заключить, что в основе афоризма находится многозначная конструкция смысла, состоящая из смысла эксплицитного, очевидного, и имплицитного, выявляемого в процессе понимания и коммуникации. В логико-смысловую структуру афоризма входит интерсубъективная составляющая и личностные надсмыслы субъектов коммуникации. Смысл афоризма онтологически формируется в сознании коммуникантов. Метафоричность афоризма – механизм, посредством которого осуществляется явление многозначности в данном смысловом феномене. Значение афоризма с точки зрения гносеологии – это система инвариантов информации, закодированной в нем, состоящая из семантического, синтаксического и прагматического компонентов. Семантический аспект значения афоризма – это та предметно-познавательная, когнитивная информация, которая закодирована в нем. Синтаксический аспект афоризмов – это те смысловые значения, которые принимает афоризм при взаимодействии с другими знаками. Прагматический аспект значения афоризма, то есть употребление афоризма в речи, соответствует коммуникативным намерениям говорящего и часто имеет императивную направленность, обязывающую реципиента применять в практической деятельности совет, заключенный в афоризме.

1.3. ТИПОЛОГИЯ АФОРИЗМОВ КАК СЕМИОТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

*Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он
тростник мыслящий.*

Б. Паскаль

В данном параграфе мы решаем задачу разработки философской типологии афоризмов частности в гносеологическом аспекте. Вопрос о

типологии афоризмов является актуальным и дискуссионным для всех специалистов, занимающихся изучением данной семиотической системы. Трудности в классификации афоризмов связаны с тем, что разные исследователи имеют разные подходы к тому, что же следует включать в объем понятия «афоризм»: являются ли афоризмами высказывания с прямым или переносным смыслом, является ли пословица афоризмом, как соотносятся афоризмы и максимы, афоризмы и сентенции, афоризмы и парадоксы и следует ли включать их в дефиницию «афоризм». Однако, несмотря на существующие трудности в классификации данной языковой единицы, на сегодняшний день существует много опытов создания типологий афоризмов по различным критериям¹⁰. Но среди них отсутствует философский критерий, что вполне объяснимо тем, что афоризм мало изучен в своем философском аспекте.

Так как афоризм интересует нас в гносеологическом аспекте как специфическая семиотическая система, то нам, прежде всего, необходимо абстрагироваться от филологических типологий афоризмов и предложить их философскую типологию на основе гносеологического критерия. Специфика философской типологии афоризмов, по нашему мнению, состоит в том, что она классифицирует афоризмы не только с точки зрения формальных логико-семантических структур, но, прежде всего, отражает глубинные когнитивно-семантические и онтологические уровни смысла афоризма. Прежде чем мы перейдем к описанию своей гносеологической типологии афоризмов, рассмотрим наиболее удачные, на наш взгляд, попытки классифицировать

¹⁰ В качестве примера типологий афоризмов мы хотим выделить типологию, предложенную российским синологом, специалистом по китайской культуре В.В. Малявиным, который выделил три типа афоризмов в европейской литературе: афоризм-максиму, афоризм-фрагмент и модернистский тип афоризма [92]. В основе типологии Малявина лежит культурно-исторический критерий, поэтому ее можно характеризовать как культурологическую. Удачным в данной типологии, на наш взгляд, является то, что автор подходит к афоризму с более общих позиций, интерпретирует его как культурное явление. Такой подход во многом близок семиотическому подходу к афоризму. Однако, по нашему мнению, автор слишком широко трактует понятие «афоризм», включая в него такие развернутые формы мудрых мыслей, как «максиму» и «фрагмент». Впрочем, позиция автора обусловлена тем, что его интересует, прежде всего, восточная мудрость, а для китайской афористичной традиции характерны развернутые рассуждения, а не лапидарность.

афоризмы, которые послужили для нас отправной точкой для собственных рассуждений по этому поводу. Таких типологий мы выделили две: это типология афоризмов по структурно-логическому критерию американского паремиолога Алана Дандиса, а также типология мудрых мыслей отечественного исследователя П.С. Таранова.

Типология Дандиса интересует нас, поскольку она основана на рассмотрении логической структуры афоризма и подтверждает выводы о его логико-смысловой структуре, к которым мы пришли в параграфе 1.2. Константой логической структуры народного афоризма, по Дандису, является конструкция «тема-дескриптор» [52, с. 15]. В афоризме может быть более одной таких минимальных структур, и тогда афоризмы можно разделить на оппозитивные и неопозитивные (рис. 1). Оппозитивные афоризмы построены по схеме А не равно В. В изречениях данного структурного типа, отмечает Дандис, можно встретить самые различные формы противоречий. Простейшая из них – отрицание. Примером этого может служить народный афоризм *одна ласточка весны не делает*, в которой имеется в виду, что, если бы ласточек было много, это свидетельствовало бы о наступлении весны. Так что здесь имплицитно присутствует противопоставление «один – много». Среди оппозиций, встречающихся в афоризмах, Дандис выделяет также антитетические, привативные и каузальные отношения [52, с. 26]. Антитетические противопоставления можно сравнить с дополнительным распределением в лингвистике. Если у вас есть А, то не может быть В, а если есть В, то не может быть А. Подобные отношения дополнительного распределения демонстрирует, например, следующий шумеровский текст: *кто строит как господин, живет как раб; // кто строит как раб, живет, как господин*. Очевидно, строить по-господски и в то же время жить по-господски нельзя – эти действия находятся в отношении дополнительного распределения. Среди оппозитивных афоризмов существуют также такие, которые содержат привативные противопоставления. Речь идет об изречениях, в которых отрицается логическая часть или определение объекта, например: *у толпы*

много голов, но нет мозгов. Среди оппозитивных афоризмов есть такие, которые содержат казуальные противопоставления. К ним относятся афоризмы, в которых нормальный вывод или следствие отрицается, например: *навык мастера ставит; поспешишь – людей насмешишь; что посеешь, то и пожнешь.* Наиболее распространенным способом построения оппозиций в афоризмах, отмечает Дандис, является использование традиционных семантических пар антонимов: один–два; мало–много; молодой–старый; хорошо–плохо, жизнь–смерть.

ТИПОЛОГИЯ АФОРИЗМОВ А. ДАНДИСА

Рис. 1

Неоппозитивные афоризмы, по мнению Дандиса, построены по схеме А есть В. Неоппозитивные афоризмы состоят из одного или двух дескриптивных элементов, в смысловом содержании которых нет оппозиции. Примером неоппозитивных афоризмов, состоящих из одного дескриптивного элемента, могут служить высказывания типа *деньги говорят (деньги не пахнут).* Неоппозитивные афоризмы построены по формуле «А есть В», поэтому их можно еще назвать определяющими или уравнительными. К ним относятся афоризмы типа: *честность – лучшая политика; была бы шея – ярмо найдется.*

Итак, типология А. Дандиса вписывается в парадигму применения структурных методов в фольклористике¹¹. Она касается только народных афоризмов, или паремий, но, по нашему мнению, отражает структурно-смысловые особенности афоризма в утвердительном наклонении в целом, в том числе и авторского. Однако недостатком типологии Дандиса является то, что она рассматривает только афоризмы-индикативы и не рассматривает побудительных афоризмов, логическая структура которых состоит только из предикативного элемента. Типология Дандиса, несмотря на то, что в основе ее лежит структурно-логический критерий, исследует только поверхностную вербальную структуру афоризма и не отражает глубинные когнитивно-семантические и онтологические уровни смысла афоризма, поэтому ее следует оценивать как филологическую, но не философскую.

С философской точки зрения интерес представляет типология мудрых мыслей, в том числе афоризмов как «формул смысла» российского философа П.С. Таранова. Объект исследователя гораздо шире, чем афоризм, Таранов называет «формулами смысла» не только афоризмы, но и яркие цитаты, притчи, рассуждения [159, с. 15]. Типология Таранова, по нашему мнению, не является строго научной, поскольку является структурообразующим стержнем сборника мудрых мыслей «Формулы смысла», составленного автором. Данную типологию нельзя назвать также строго научной потому, что она не представляет собой строгой системы, критерии, положенные в основу ее неупорядочены, ее скорее можно характеризовать как эмпирическую попытку классифицировать лаконичные формы мудрых мыслей. Всего исследователь выделяет 73 «формулы смысла». Исследователь объединяет мудрые мысли в «формулы смысла» по разным критериям, преимущественно это смысловой критерий, то есть мудрые мысли объединяются в группы с точки зрения схожести смысла, например, Таранов с точки зрения смысла выделяет

¹¹Примером применения структурных методов в фольклористике является также книга В.Я. Проппа «Морфология «волшебной» сказки», в которой исследователь выделяет инвариантную структуру волшебной сказки.

«формулы»: «суровой правды», «исповедальные», «переполненного смысла» и т.д. [159, с. 300]. Также в основе типологии Таранова можно выделить структурно-смысловой критерий, на основе которого исследователь выделяет следующие:

1) формулы, построенные по схеме «причина–следствие» (*если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе; кто сеет ветер, пожнет бурю; если бы на кладбище иллюзий останавливаться у каждого креста, то жизни не хватило бы, чтобы прочесть все эпитафии (К. Обрие)*);

2) формулы «резких контрастов» (*лучше умереть стоя, чем жить на коленях (Долорес Ибаррури); Россия – это одна шестая часть света и пять шестых тьмы (В. Колечинский)*);

3) формулы «утверждения отрицания», или «бумеранг нигилизма» (*чтобы свободой можно было обладать, ее тоже надо ограничить (Э. Берк); высшее милосердие – это милосердие к немилосердным (М. Баксбаум)*);

4) «дихотомические» формулы (*к высокому положению ведут два пути: проторенная прямая дорога и окольная тропа в обход, которая гораздо короче (Ж. Лабрюйер); В России две философии: выпоротого и ищущего, кого бы ему еще выпороть (В.В. Розанов)*).

Исследователь также выделяет группы мудрых мыслей с точки зрения коммуникативного намерения отправителя сообщения и оказываемого им воздействия на реципиента:

а) формулы-констатации, цель которых в сообщении информации об определенном объекте объективной реальности (*человек человеку волк (Т. Гоббс); всегда найдутся эскимосы, которые выработают для жителей Конго инструкцию, как вести себя во время жары*);

б) формулы «погружения в раздумье» (*добрые умирают раньше, а те сердца, которые сухи, как летняя пыль, сгорают медленно, до самого основания (П. Шелли)*);

с) формулы «бодрящего оптимизма» (*люди – хозяева своей судьбы (В. Шекспир); не боги горшки обжигают*);

d) формулы «рефлексии» (*если мы сами холопы, то для нас не может быть героев (Т. Карлейль); мы почитаем всех нулями, а единицами – себя (А. Пушкин)*).

Обобщая все вышесказанное относительно типологии мудрых мыслей Таранова, можно заключить, что в основе его типологии лежит три главных критерия: семантический, структурно-логический и коммуникативный. Данные критерии, безусловно, могут служить основой для типологии афоризмов, но это скорее будет типология лингвистическая, нежели философская, поскольку она будет рассматривать афоризмы с точки зрения их семантического значения, логической структуры и функций в процессах коммуникации, но не коснется гносеологических механизмов образования афоризмов.

Гносеологическая типология афоризмов, по нашему мнению, должна быть системной и включать в себя несколько уровней классификации, причем все эти уровни должны быть связаны с природой процесса познания и отражать его специфику (см. кластер 1). В нашем исследовании мы уже коснулись нескольких критериев, на основе которых может быть построена философская типология афоризмов. Таким критерием является формально-логический, который, по нашему мнению, должен составлять первый уровень гносеологической типологии афоризмов, поскольку афоризм как форма мысли имеет определенную логическую структуру. В параграфе 1.2. нами было констатировано, что афоризмы с точки зрения формальной логики можно классифицировать на афоризмы-индикативы и афоризмы-императивы. Афоризмы-индикативы – это суждения, выраженные в изъявительном наклонении. Афоризмы-императивы с точки зрения коммуникативной направленности выражены в побудительном наклонении.

Кластер 1.

Следующий уровень гносеологической типологии афоризмов заключается в том, по нашему мнению, чтобы определить, кто является субъектом познания. Познание мира отражено в афоризме с точки зрения коллективного или личностного субъекта. В первом случае мы имеем дело с народным афоризмом, во втором – с авторским. Специфика народного и авторского афоризмов рассматривалась в предыдущих параграфах нашего исследования.

Третий уровень классификации состоит в том, чтобы ответить на вопрос, с какой точки зрения в афоризме отражено познание мира. В параграфе 1.1. нашего исследования мы констатировали, что афоризм философичен, поскольку в основе его находится универсальное философское отношение «человек-мир», афоризм является универсальной формой знания, используемой на всех уровнях познания от обыденного до научно-теоретического. Исходя из этого тезиса, гносеологическая типология афоризмов, по нашему мнению, должна отражать, какой именно уровень социального познания отражен в афоризме, то есть мы должны классифицировать афоризмы по сферам

общественного сознания. Классики диалектического материализма доказали, что общественное сознание есть ничто иное как «осознанное бытие», то есть отражение в духовной жизни людей их общественного бытия [96, с. 20]. Поскольку афоризмы являются продуктами мышления, то они на основе диалектико-материалистического принципа отражения содержат в себе различные способы освоения действительности: обыденное сознание, мораль, право и политику, религию, искусство, науку, философию. Соответственно по сферам общественного сознания афоризмы можно классифицировать на афоризмы обыденного сознания; эстетические (художественные); общественно-политические; религиозные, этические, научные, философские. Рассмотрим подробно каждый из выделенных нами типов афоризмов.

Специфика афоризма как формы обыденного сознания определяется философской сущностью последнего. Под обыденным сознанием в философии принято понимать наивное, вненаучное отражение и понимание мира человеком, непосредственно вырастающее на основе эмпирического познания объективной реальности, фиксирование которого осуществляется через пласт бессознательного и через языковые структуры¹². Обыденное сознание опирается на здравый смысл и на его основе формируется наивная картина мира, отличающаяся прагматичностью. Наиболее лаконичной и оригинальной языковой формой объективации обыденного сознания, на наш взгляд, является афоризм.

¹²Вопрос о соотношении обыденного и научного сознания является предметом обсуждения с незапамятных времен. Но особую остроту эта проблема приобрела в последнее десятилетие. Монополия науки на истину впервые была подвергнута сомнению представителем феноменологического направления в философии и социологии, прежде всего, его основателем Эдмундом Гуссерлем. Он утверждал, что наука не дает возможность проникнуть в «жизненный мир» [49, с. 549]. Наоборот, она подменяет живой человеческий мир миром объективных абстракций. Проблема, которую ставил Гуссерль в своей концепции «жизненного мира», есть проблема знания о мире как продукте и инструменте практической человеческой деятельности. При этом он подчеркивал необходимость изучения структуры обыденного сознания, обуславливающего любое и каждое знание. По Гуссерлю, понимание научного познания возможно лишь на основе понимания «жизненного мира», поэтому он видел задачу феноменологического исследования в том, чтобы связать истины науки с истинами человеческой субъективности, реформировать науку, придав ей гуманистический смысл [49, с. 549].

Тезис об афоризме как форме обыденного сознания можно аргументировать исходя из диалектического единства мышления и языка. Также он подтверждается концепциями языка выдающегося лингвиста и философа В. Гумбольдта и представителей неогумбольдтианства в XX веке – Э. Сепира и Б. Уорфа, суть которых заключается в положении о способности языка влиять и во многом определять мышление, а значит и отражать в себе менталитет и обыденное сознание того или иного этноса. Так, в частности В. Гумбольдт считал, что язык является внешним проявлением духа народа, отражением мировоззрения личности и каждой нации в целом [39]. Его последователи американские антропологи Э. Сепир и Б. Уорф в ходе своих исследований пришли к выводу, что язык определяет характер, тип мышления, сам его логический строй. «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком, – пишет Уорф, – <...> мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании»¹³ [114, с. 23]. Вопрос о том, в какой степени язык влияет на мыслительные процессы, является дискуссионным. Нам близка позиция отечественного исследователя В.З. Панфилова, согласно которой язык придает некоторые специфические национальные черты явлениям духовной культуры общества, выражающимся посредством него, но не влияет на логический строй мышления в целом. «Язык не может рассматриваться в качестве фактора, определяющего характер и развитие человеческого мышления, хотя он и оказывает на них известное воздействие», – констатирует он [114, с. 44]. Положение об intersubъективном характере мышления

¹³Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа отрицает общечеловеческий характер мышления, наличие общего для всех людей логического строя мышления. Так, в частности, авторы гипотезы лингвистической относительности утверждают, что характер познания действительности зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты; человеческое познание не имеет объективного, общезначимого характера [114, с. 22-23].

подтверждается в том числе и сравнительным изучением афоризмов разных народов.

Наивная картина мира, содержащая в афоризмах интерсубъективна, несмотря на национальную специфику афоризмов разных народов, поскольку она репрезентирует конвенционально принятое знание о мире человечества в целом. Тезис об интерсубъективности афоризмов разных этносов подтверждается также филологическими исследованиями афоризмов. В частности крупный российский паремиолог Г.Л. Пермяков, исследуя пословицы разных народов, несмотря на разный набор образов, отражающих реалии данных этносов, обнаружил, что они часто совпадают по логической форме их содержания [116, с. 17]. Например, логическое содержание следующих народных афоризмов соответствует утверждению, что при отсутствии лучшей вещи худшая может ее заменить: *на безрыбье и рак – рыба* (по-русски); *где нет фруктов, там и свекла за апельсин сойдет* (по-персидски); *если нет мяса, и грибы идут в суп* (по-китайски) и т.д. Имплицитный смысл афоризмов разных народов, таким образом, всегда представляет собой вывод, знание о жизни определенной нации, которые в силу общности человеческой природы, несмотря на присущую им национальную специфику, интерсубъективны по своей сути. Афоризмы, следовательно, служат формой закрепления вечных истин, непреходящих ценностей, нравственных идеалов и рецептов решения жизненных проблем в вербальной памяти того или иного этноса.

Народные афоризмы также составляют национальный пласт языка каждой нации. Развивая идею В. Гумбольдта о взаимосвязи языка и духа народа, можно заключить, что афоризмы являются формой отражения ментальности нации, составляют пласт национальной лексики и по ним можно судить о чертах национального характера определенного этноса. Самосознание и самопознание, выраженное в народных афоризмах, является коллективным, этническим, и представляет собой переход от антропоморфизма, наделяющего природные явления человеческими свойствами, к изучению человека как

самостоятельного субъекта бытия. В них отражен переход от родового, первобытного, синкретичного сознания, где личность еще не выделялась, к индивидуальному самосознанию. Имплицитный смысл народного афоризма, таким образом, воплощает в себе особенности национального менталитета, наиболее общие черты мировоззрения того или иного этноса, его аксиологическую и этическую системы.

Афоризмы обыденного сознания возникают в результате философствования в его наивной форме, которая представляет собой, по мнению С.В. Борисова, спонтанный процесс интеллектуальной деятельности, не выходящий за границы обыденно-практического знания и опирающийся на мифологическое сознание [21, с. 31]. Наивное отражение мира в данном типе афоризмов означает, что знание, зафиксированное в них, не всегда отвечает критериям истинности, не всегда объективно, чаще оно обусловлено системой мнений автора афоризма, его жизненным опытом и субъективной картиной мира, или же особенностями мировосприятия определенного этноса, в вербальной памяти которого хранятся народные афоризмы. Так, например, вызывает сомнение в своей истинности афоризм Томаса Манна о сущности человеческой природы: *Человек слаб: при рукоплескании что-то в нем растет и ширится, а при холодном молчании сжимается*. Имплицитный смысл данного афоризма состоит в утверждении, что человек зависим от чужого мнения: если человека одобряют, его возможности увеличиваются, если же к человеку относятся равнодушно, он опускает руки, следовательно, человек слаб. В данном утверждении выражено субъективное мнение конкретного человека – автора афоризма. Конечно, отчасти автор прав, но данное утверждение нельзя распространять на всех людей, да и не всем людям это состояние характерно. Истории известны сильные личности, которые делали свое дело, несмотря на мнение толпы. Таким человеком, например, был А.С. Пушкин, о котором в поздний период его творчества, время создания «Повестей Белкина», общественное мнение гласило, что он исписался, критики не принимали его прозы, однако, писатель был верен себе и продолжал творить.

Данный пример демонстрирует, что истинность афоризмов обыденного сознания относительна, ситуативна, фрагментарна. Это обусловлено тем, что знания, составляющие наивную картину мира, которую репрезентируют афоризмы, могут сколько угодно отходить от того, что посчитала бы объективной истиной традиционная наука. Их критерием выступает не формально-логическая непротиворечивость, а сама по себе целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей матрицей для структурирования опыта. Афоризмы обыденного сознания в своей совокупности амбивалентны и многогранны: один и тот же объект объективной реальности может быть «увиден» в них с разных точек зрения, благодаря чему создается целостное видение мира. Так, например, о величии и значимости каждой отдельной человеческой личности говорится в афоризме французского историка и писателя Жюль Мишле: *Всякий человек – это человечество, его всемирная история*. Следовательно, можно заключить, что истинность афоризмов обыденного сознания носит релятивный характер.

Афоризмы обыденного сознания, на наш взгляд, по своему смысловому содержанию можно условно разделить на два типа: *бытовые* и *экзистенциальные*. В бытовых афоризмах даются практические рекомендации и советы, как действовать в той или иной жизненной ситуации, они отражают практическое бытие человека. Это афоризмы о женщинах и мужчинах, о мире и войне, о делах и деньгах, о здоровье, о политике, о культуре и т.п. Экзистенциальные афоризмы дают ответы на философские вопросы, которыми рано или поздно задается каждый человек: в чем смысл жизни, как жить, что такое счастье, помнить ли и думать ли о смерти. Особенностью афоризмов обыденного сознания является то, что они обращены к каждому, готовы поделиться с каждым человеком своей мудростью вне зависимости от уровня образования и интеллектуального развития. Это «житейская» философия, доступная всем.

Афоризмы могут отражать познание мира с религиозной точки зрения, такой тип афоризмов по сферам общественного сознания можно

классифицировать как *религиозные афоризмы*. Главным источником религиозных афоризмов являются священные тексты: Библия, Коран, Талмуд, индийский трактат «Дхаммапада», учения отцов церкви и др. Имплицитный смысл религиозных афоризмов в целом отражает основополагающие положения той или иной конфессии. Религиозное мышление, по нашему мнению, во многом афористично. Афоризм становится формой религиозного знания, на наш взгляд, по двум причинам. Во-первых, религиозное положение должно быть лаконично выражено и легко запоминаться, соответствовать мненоническим ресурсам человеческой памяти. Для этого религия обращается к образному слову, к слову метафорическому. Это приводит к тому, что все священные тексты необычайно метафоричны¹⁴, и в них как следствие встречается много афоризмов. Так, например, мы знаем много библейских афоризмов: *«Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»*; *«не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»* и др. Вторая причина, по которой религия оперирует афоризмом, заключается в том, что религиозные положения по своей форме должны быть универсальны, они должны быть понятны человеку с любым уровнем образования. Наилучшей вербальной формой для этого опять же является лаконичное образное изречение, то есть афоризм. В качестве примеров религиозных афоризмов можно также привести изречения из индийского трактата «Дхаммапада», который содержит в себе изречения Будды: *«К тому, кто обижает чистого и безупречного человека, именно к такому глупцу возвращается зло как тончайшая пыль, брошенная против ветра»*; *«Слеп этот мир. Немногие в нем видят ясно. Подобно птице, освобожденной из сети, лишь немногие попадают на небеса»* [59, с. 210]. Религиозное мышление афористично также потому, что афористика наилучшим образом соответствует самой сути религии. Слово «религия», как пишет отечественный философ В.В. Бибихин, происходит от латинского *relego*

¹⁴По причине метафоричности и афористичности библии в средневековой философии возникает герменевтика как практика истолкования священного писания.

«вновь собирать, повторно посещать, еще и еще раз вглядываться, перечитывать, тщательно обдумывать». В основе этого смыслового ряда, анализирует Бибихин, находится способность человека отойти от суеты, совестливо и тщательно вдумываться в то, что по-настоящему серьезно [17, с. 268]. Верующий человек вдумывается в афоризм как в слово божие, обнаруживая в нем все новые и новые смыслы. Интересно при этом то, что, с одной стороны, религиозная афористика облегчает путь к богу, делает религиозные положения доступными для понимания верующего. С другой стороны, афористичный язык религии – это способ сакрализации религиозного знания.

Афоризмы, отражающие познание мира с точки зрения науки, можно классифицировать по сферам общественного сознания как научные. В эту группу мы также относим афоризмы о науке, в которых в остроумной форме отражена сущность научного знания: *Науки делятся на две группы – на физику и собирание марок (Э. Резефорд); Оригинальные открытия нельзя сделать в цепях (Ф. Жолио-Кюри); О банкротстве науки чаще всего говорят те, кто не вложил в это предприятие ни гроша (Ф. Хвалибут)* и др. Афористичное творчество роднит с наукой тенденция однозначным образом согласовать и упорядочивать содержание опыта. Можно заметить, что уже на заре своего существования наука тяготеет к афористическому способу выражения, подчас сливаясь с афористикой. Таковы, например, изречения Гераклита и Гиппократы, многочисленные научные трактаты в стихах (например, индийский трактат о медицине «Аюверда»). С другой стороны, не случайно, что среди авторов афоризмов много великих ученых: Леонардо да Винчи, Паскаль, Эйнштейн и др. Использование афоризмов в научном дискурсе напрямую связано с вопросом о роли и статусе научной метафоры. Большинство современных исследователей, занимающихся изучением этой проблемы, сходятся во мнении, что научная метафора является уникальным ресурсом научных изысканий, за многие тысячелетия не утратившим свою эвристическую ценность и научный потенциал, а механизм метафоризации заложен в природе самого языка [102, с.

5]. По нашему мнению, можно утверждать, что афоризм является типологической формой научной метафоры. Афоризм является одним из инструментов языка науки, отражающим в наглядно-образной форме научные проблемы. По типологии метафор, предложенной Н.В. Печерской, афоризмы, на наш взгляд, можно отнести относятся к иллюстративным метафорам, которые подразумевают наличие аналогии между двумя областями референции и используются для иллюстрации той или иной научной идеи [123, с. 98–99]. Основной сферой применения афоризмов являются гуманитарные науки: лингвистика, социология, психология, культурология, политология и философия. В качестве примеров научных афоризмов можно привести высказывания З. Фрейда, содержащие концептуальные идеи его психологии: *«Эго не является хозяином в своем собственном доме»*; *«Толкование сновидений – это царская дорога к познанию бессознательного в душевной жизни»*; *«В наших сновидениях мы всегда одной ногой в детстве»*; *«Бред – это зарплата, наложенная на то место, где первоначально возник надрыв в отношениях Эго к внешнему миру»*. К научным афоризмам также можно отнести философский афоризм как результат профессиональной деятельности философа, который, несмотря на свою образно-метафорическую форму, представляет собой попытку рационального познания мира. Анализ философского афоризма будет проведен нами в параграфе 2.3. нашего исследования. Также к научным афоризмам относится общественно-политический афоризм, так как политология представляет собой область научного знания.

Общественно-политический афоризм, по нашему мнению, является одним из средств политической коммуникации¹⁵, то есть обмена политической информации между политической и социальной сферами жизни общества. Использование афоризмов в политическом дискурсе обусловлено тем, что

¹⁵Наши выводы о роли афоризма в политическом дискурсе во многом опираются на изучение функционирования метафоры в языке политической коммуникации. Данный вопрос подробно освещен в работе А.П. Чудинова. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации.* – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

политическая коммуникация в целом ориентирована воздействовать не только на рациональную, но прежде всего на эмоциональную сторону человеческого сознания, чтобы заставить людей действовать в соответствии с определенной системой политических ценностей. Афоризмы распространены в различных жанрах политической коммуникации: в слоганах, выступлениях, газетных статьях. Приведем примеры общественно-политических афоризмов: *«Наш дом Россия: не допустим революций (В. Черномырдин); «Сердце всегда будет биться слева» (левые, Франция); «Партия – наш рулевой»; «Российский парламент сегодня – это большая биржа, где депутаты зарабатывают деньги (Е. Глушкова); «Мы создали не рыночную экономику, а большой базар, где все продается и покупается (М. Крючков).* Общественно-политические афоризмы содержат в себе оценку различных социальных явлений, как, например, следующие: *«Чем шире разливается половодье, тем более мелкой и мутной становится вода. Революция испаряется, и остается только ил новой бюрократии (Франц Кафка); Плеть способна заставить людей согнуть в труде спину, но она не в силах побудить их к духовному созиданию (Шолом Али).*

Афоризмы также отражают познание мира с художественного точки зрения. Все афоризмы обладают свойством художественности. Как мы констатировали в параграфе 1.1. нашего исследования афоризм художественен по своей вербальной форме, но рационален по своему смысловому содержанию. Афоризм стоит на рубеже искусства и науки, в своем неразрывном сочетании формы и смысла он выступает связующим звеном между двумя этими сферами культуры. Но среди афоризмов есть особая группа, в которой предметом рефлексии является искусство. Именно такие афоризмы мы будем классифицировать как собственно художественные. Примерами художественных афоризмов являются эстетические афоризмы Серена Кьеркегора, афоризмы Поля Валери, афоризмы Пушкина, Достоевского, Гоголя и других выдающихся деятелей искусства: *«Искусство – это нектар души, собранных в трудах и муках» (Т. Драйзер); «Искусство дает крылья и*

уносит далеко-далеко (А.П. Чехов); «Искусство без мысли, что человек без души – труп» (В.Г. Белинский). Художественные афоризмы главным образом являются объектом изучения культурологии и литературоведения.

Итак, типология афоризмов по сферам общественного сознания демонстрирует универсальность афоризма как формы знания и способа мысли. Четвертым критерием гносеологической типологии афоризмов, по нашему мнению, является его прагматическая цель, которая может состоять в обосновании знания или практической деятельности. Данный критерий выводится нами из идеи разделения рациональной сферы на «теоретическую» и «практическую», впервые высказанной Аристотелем и нашедшая дальнейшее развитие в гносеологии И. Канта. Аристотель впервые разделил нашу способность мышления на теоретическую и практическую: назначение теоретического состоит, по Аристотелю, в обосновании знания; практического – в обосновании деятельности [5, с. 22]. В XVIII идея о разделении разума на теоретический и практический было предложено в гносеологии И. Канта. По Канту, теоретический и практический разум являются способностями чистого разума. Функция теоретического разума состоит в познании и его объектом является чувственный мир, функция практического разума состоит в нравственности и его объектом является мир нравственности [69, с. 380]. Иными словами, теоретический разум направлен на природу и призван определять предмет и его понятия; практический разум направлен на свободу, он призван производить нравственный предмет и его понятия. Таким образом, Кант по сравнению с Аристотелем видит назначение практического разума не только в обосновании деятельности, но в обосновании деятельности посредством нравственности. Понятие практического разума в гносеологии Канта шире, чем у Аристотеля. Практический разум, по Канту, это не просто инструмент, которым мы руководствуемся в своей практической деятельности, но это также и нравственное мерило, которым мы руководствуемся. Практический разум у Канта, следовательно, неизбежно связан с деонтологическими нормами. Исходя из всего вышесказанного, под

теоретическим разумом в нашем исследовании мы будем понимать интеллектуальный процесс вывода и обоснования знания; под практическим разумом, следуя традиции И. Канта, – интеллектуальный процесс обоснования деятельности сквозь призму нравственности.

Классифицируя афоризмы на основе разделения рациональной сферы на теоретическую и практическую, необходимо задать вопрос, продуктом какого мышления – теоретического или практического – является афоризм. В первом параграфе первой главы нами было обосновано положение о том, что афоризм как семиотическая система демонстрирует полиморфный характер мыслительного процесса человека, поскольку при продуцировании афоризмов задействуется не только рациональная сфера, но и эмоциональная, и даже интуитивная; афоризм является результатом не только рационального мышления, но и мышления художественного. Возникает вопрос, как соотносится данное утверждение с предлагаемой здесь типологией афоризмов. Результаты рационального обобщения, на наш взгляд, всегда выражаются в афоризмах в художественной форме, поэтому можно заключить, что афоризм является рационально-художественным единством. Однако рациональный процесс, приводящий к образованию афоризмов, может иметь разную направленность: он может быть направлен как на обоснование знания, так и на обоснование деятельности, поведения субъекта. В соответствие с этим, абстрагируясь от художественной природы афоризма, мы можем классифицировать данные языковые единицы на афоризмы теоретического и практического мышления соответственно (рис. 2).

Рис. 2

Афоризм как результат теоретического мышления имеет цель сообщения какой-либо ценной когнитивной информации об объектах объективной реальности. Подтипами данной разновидности афоризмов являются эстетические, религиозные, политические, философские афоризмы. Афоризм как результат практического мышления является моральной нормой и служит руководством в практической деятельности человека, то есть афоризмы-нормы направлены на нормирование поведения человека. Среди афоризмов данного типа встречаются как авторские, так и народные афоризмы. Авторские афоризмы-нормы более субъективны, и характер предписания соответствует в них максиме, то есть субъективному правилу поведения. Такие афоризмы могут

приниматься или не приниматься адресатом. Народные афоризмы наиболее объективны с точки зрения заключенных в них норм, поэтому целесообразно называть их императивами. Афоризм-императив является когнитивным воздействием, в содержании которого описывается более или менее подробно схема поведения, реализацию которой сообщающий императив намерен ждать от принимающего сообщение-императив. Афоризм-императив имплицитно содержит указание на норму, согласно которой должно быть выполнено действие, а также на возможные последствия выполнения или невыполнения действия. Логическую схему афоризма императива можно описать следующим образом: X просит Y сделать так, чтобы A на основании нормы N, и при невыполнении угрожает Y. Афоризм-императив, таким образом, является когнитивным действием, с помощью которого субъект пытается реализовать свою интенцию путем нормирования чужого поведения.

Важнейшей гносеологической проблемой является проблема истинности, поэтому пятым критерием типологии афоризмов является их классификация с точки зрения истинности/ложности. Вопрос об истинности-ложности афоризмов является сложным для рассмотрения¹⁶. Многие афоризмы являются объективацией общественных и моральных норм, поэтому мы автоматически ожидаем от них истинности как соответствия объективной реальности. Однако к суждениям этики, или деонтологическим суждениям, с точки зрения логического эмпиризма не приложимо понятие «истинности»: императивы не являются ни истинными, ни ложными. О нормах нельзя сказать, что они

¹⁶Вопрос об истинности афоризмов можно рассматривать также исходя из того, что он является малой текстовой формы, обладающей общезначимым характером. По мнению Ю.М. Лотмана, истинность является фундаментальным свойством текста, тексту всегда приписывается значение истинности. «Ложный текст – такое же противоречие в терминах, как ложная клятва, ложная молитва, лживый закон. Это не текст, а разрушение текста», – пишет исследователь [89, с. 28]. Истинность с точки зрения литературоведения приписывается афоризму как объективации мышления поэтического, которому всегда приписывается значение истинности. Афоризм также является идеологическим знаком, а любая идеология всегда претендует на истинность. Однако вопрос, действительно ли афоризм истинен, является дискуссионным. Так, мы начинаем сомневаться в истинности афоризма, когда нравственный смысл, содержащийся в нем отличается от общепринятых моральных норм. Таковы большинство афоризмов Ф. Ницше и О. Уайльда.

истинны или ложны, поэтому логические отношения между ними нельзя определить обычным образом в терминах понятия истинности. Изучением значения императивов занимается семантика императивов и деонтическая логика.

Таким образом, для описания логического значения афоризмов-императивов нам потребуется использовать деонтическую логику и семантику императивов. В основе обоих этих подходов лежит взгляд, согласно которому приложение логики к анализу пропозиций возможно лишь в том случае, если пропозиции переданы изъявительным наклонением, то есть строить логику удобнее всего для изъявительного наклонения. Данную точку зрения следующим образом выразил Ч. Пирс: «нормальное употребление пропозиции состоит в ее утверждении; и ее основные логические свойства относятся как следствия, связанным с ее утверждением. Поэтому в логике удобно в большинстве случаев выражать пропозиции в изъявительном наклонении [173, С. 303–304].

Обратимся к рассмотрению логического значения афоризма-индикатива. В основу философской типологии афоризмов может быть положена теория истинности/ложности метафоры, разрабатываемая такими представителями аналитической философии, как Н. Гудмен и Д. Дэвидсон [47; 62]. В основе данной теории лежит свойство метафоры, заключающееся в том, что метафорическая истинность сосуществует с буквальной ложностью: понятое буквально, предложение может быть ложным; воспринятое метафорически, оно может оказаться истинным, как, например, метафоры *Озеро-сапфир* и *Шарнир прыгает*. Опираясь на данное свойство метафоры, американский философ и логик Дэвид Дэвидсон выделяет два типа метафоры: абсурдные при буквальном понимании и очевидно истинные [62, с. 184]. Поскольку афоризм обладает метафорической природой, его типология может быть построена на основе соотнесения с проблемой истины метафоры. Развивая идеи Дэвидсона в отношении афоризма, с точки зрения формальной логики можно выделить две семантические модели афоризма:

1) афоризмы ложные и абсурдные при буквальном понимании, но истинные по сути, как, например, следующие: *деньги – нерв войны (Цицерон); ученость – сладкий плод горького корня (Платон); назвался груздем, полезай в кузов* и т.п.;

2) афоризмы истинные, соответствующие объективной действительности, при буквальном понимании, что чаще наблюдается в народных афоризмах: *яблоко от яблони недалеко падает; лес рубят – щепки летят; как аукнется, так и откликнется* и т.п.

При интерпретации афоризмов первого типа именно семантическая противоречивость, часто логический абсурд заставляет отказаться от прямого смысла высказывания и искать его внутренний скрытый смысл. Буквальный смысл афоризма содержит, таким образом, загадку, а метафорический – ее решение. В процессе интерпретации афоризмов второго типа возникают вопросы: что этим хотел сообщить субъект высказывания, почему автор афоризма говорит об очевидных вещах, какую цель он преследует. В этом случае афоризм становится косвенным речевым актом. Вследствие этого становится очевидным, что данные выражения употреблены в переносном смысле, то есть являются метафорами. Момент перехода от восприятия прямого смысла афоризма к поиску его имплицитного смысла назовем *моментом смыслового слома*. Как видно из обоих случаев, смысловой слом в афоризме происходит посредством функционирования в его структуре метафоры как общего принципа введения переносного смысла. Метафора выступает в афоризме в качестве переключателя между вербализуемым и подразумеваемыми смыслами. Элемент с метафорическим значением (или группа элементов), с которого начинается поиск скрытого смысла, является неотъемлемым структурным компонентом афоризма. Возникновение смысла в афоризме подчиняется диалектическому принципу «тезис–антитезис–синтез»: прямой смысл афоризма разрушается ситуацией семантического вопроса (что этим хотел сказать субъект?) и из этого противоречия рождается новый подлинный смысл.

Таким образом, обычно только тогда, когда афористическое высказывание воспринято нами как ложное при буквальном понимании, мы придаем ему статус метафоры и начинаем поиски глубинных импликаций. Абсурдность или противоречие в афоризме страхует нас от его буквального восприятия и заставляет понять его как иносказание. Иногда взятый в буквальном значении афоризм имеет слишком очевидное значение, чтобы думать, что его произнесли для сообщения какой-то информации. Вне зависимости от вербальной оболочки, которая может быть как истинной с точки зрения формальной логики, так и ложной, глубинному значению афоризма, как следует из теории Н. Гудмена и Д. Дэвидсона, всегда приписывается свойство истинности.

Обратимся к рассмотрению логического значения афоризма-императива. К семантике императивов возможны два подхода. Согласно первому подходу, приложение логики к анализу пропозиций возможно лишь в том случае, если пропозиции переданы изъявительным наклонением, следовательно, чтобы построить логику императивов, необходимо привести их к изъявительному наклонению. Так, например, датский философ Йорген Йоргенсен предлагает выделить в императивном предложении два фактора: императивный и индикативный. Согласно Йоргенсену, императивный фактор состоит в выражении психологического состояния говорящего, то есть факта его волеизъявления, желания, приказания и т.д., и поэтому он лишен логической значимости, тогда как индикативный фактор можно выразить в некотором изъявительном предложении, описывающем содержание императивного предложения, и поэтому он способен иметь значение и подчиняться обычным правилам логики [173, с. 301]. Применяя идеи Йоргенсена к логическому анализу афоризма, выделим в любом императивном афоризме соответственно императивный и индикативный элементы. Так, например, в высказывании *живи по своей жатве* императивный компонент – это желание субъекта коммуникации побудить реципиента поступать в соответствии со своим жизненным предназначением; индикативный компонент может быть

сформулирован двумя способами: 1) как утверждение, описывающее содержание предложения 1. В нашем примере это следующее высказывание: *я живу по своей жатве*; 2) индикативный компонент афоризма можно рассматривать как утверждение о приказании, например: *приказано, чтобы я жил по своей жатве*. Первый перевод является утверждением с тем же самым содержанием, что и предложение 1, тогда как второй перевод – это утверждение о нормативном статусе положения дел. В соответствии с первым переводом нормативные рассуждения основываются на обычной классической логике. Утверждение о нормативном статусе некоторого действия или положения дел можно рассматривать как модальное утверждение, следовательно, вторая интерпретация превращает логику императивов в один из разделов модальной логики. Таким образом, суть первого подхода к проблеме логики и семантики императивов заключается в том, что их необходимо привести к изъявительному наклонению.

Согласно второму подходу, предложенному Р. Хилпиненом, семантику императивов можно понять, не сводя их к индикативам и не переводя их в изъявительные предложения. В основе подхода Хилпинена лежит мысль о том, что построенную самим Ч. Пирсом семантику для изъявительного наклонения можно видоизменить применительно к императивам. Осуществленный Пирсом анализ значения сложных пропозиций базируется на их употреблении в утвердительном речевом акте. Согласно Пирсу, значение сложного предложения можно понять с помощью языковой игры, в которой участвуют «говорящий» и «слушающий». В ходе игры, соответствующей некоторому сложному предложению А, игроки шаг за шагом разлагают А на более простые предложения, пока не достигнут уровня элементарных предложений. Полученное таким образом элементарное предложение рассматривается как интерпретация, или экспликация исходного предложения. Согласно Пирсу, самое важное свойство утвердительного речевого акта, или утверждения, заключается с логической точки зрения в том, что утверждая некоторую пропозицию, говорящий принимает на себя ответственность за ее истинность и

подлежит определенному наказанию, если данная пропозиция окажется ложной [173, с. 310]. Следовательно, говорящий побеждает в языковой игре в том и только в том случае, если полученное в конце партии элементарное предложение истинно, а слушатель «побеждает», если это элементарное высказывание ложно.

Хилпинен видоизменяет концепцию Пирса применительно к императивам. Коммуникативная ситуация, в ходе которой говорящий произносит императив, в корне отличается от ситуации, в которой произносится утверждение: в этом случае ответственность за истинность произнесенного предложения ложится не на говорящего, а на слушателя. Естественно считать слушателя победителем императивной игры, если его действия соответствуют данному императиву, то есть если элементарное предложение, получаемое в конце игры, истинно [173, с. 312]. Джон Серль в своей таксономии иллокутивных актов дал характеристику речевых актов в терминах нескольких факторов, один из которых он называет «направлением соответствия» между словами и миром. Согласно Серлю, «одни иллокуции включают в свою иллокутивную цель требование привести слова (точнее говоря, пропозициональное содержание слов) в соответствие с миром, другие – требование привести мир в соответствие со словами. Утверждения относятся к первой категории, обещания и просьбы – ко второй» [152, с. 160]. В случае утверждения говорящий несет ответственность за соответствие между миром и словами, но в императивных контекстах эта ответственность перелagается на слушателя: он должен своими собственными действиями обеспечить это соответствие.

По нашему мнению, наиболее продуктивным к логическому анализу афоризмов-императивов является подход Хилпинена, поскольку он не требует преобразований афоризма, а, значит, экономит мыслительные усилия. Согласно этому подходу, мы будем считать истинными афоризмы-императивы, если реципиент следует модели поведения, предложенной в императивном афоризме. Следовательно, условием истинности императивных афоризмов

является их применение в практической деятельности реципиента. На основании этого мы можем выделить истинные и ложные афоризмы-императивы.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ «ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АФОРИЗМА»

В результате исследования нами была определена дефиниция афоризма как лаконичной формы мысли и универсального знания, присутствующая на любом уровне познания: от обыденного до научно-теоретического, отражающую в метафорической форме объективную реальность, имеющую рациональное и эмоциональное содержание, и имплицитно включающую более объемное содержание, нежели то, что выражено в ней эксплицитно.

Нами были выделены следующие критерии афористичности, отличающие афоризм от других форм мудрых мыслей:

1) многоуровневая конструкция смысла, состоящая из эксплицитного, данного изначально, и имплицитного, выявляемого в процессе интерпретации уровней, которая создает избыточность на уровне означаемого;

2) антропоцентричность: афоризмы всегда раскрывают философское отношение «человек–мир», которое является фундаментальным отношением философии;

3) метафоричность: в афоризме всегда присутствует прямой и переносный смыслы, возникающие в результате метафоры, метафора придает афоризму свойство художественности;

4) лаконичность: идеальный афоризм с синтаксической точки зрения тождествен простому не осложненному предложению, уникальность афоризма состоит в том, что при минимальном вербальном выражении создается избыток смыслового содержания;

4) афоризм может обладать свойствами сентенциозности (нравоучительности) и парадоксальности.

Специфика афоризма как семиотической системы нами была определена в следующем: афоризм – это художественное, метафорическое сообщение, которое обладает двойным уровнем кодировки – эксплицитным и имплицитным смыслом. Афоризм является гиперсемантизированной формой текста, малопонятной субъекту коммуникации в силу своей двусмысленности, многозначности и потому требующей процесса интерпретации. Афоризм как вербальный знак демонстрирует полиморфный характер мышления, так как он является результатом синтеза художественно-интуитивного, абстрактно-теоретического и практического мышления. Он является объективацией синтеза теоретического, эмпирического и интуитивного уровней познания объективной реальности.

В основе афоризма как семиотической системы лежит антиномия «рационального-иррационального», «теоретического-практического», «единичного-общего». Афоризм как результат художественного мышления отличается от употребления обыденного языка своей эмотивностью, способностью возбуждать чувства субъектов, способностью передавать подтекст высказывания. Афоризм как результат практического мышления является результатом эмпирического познания объективной реальности. Афоризмы практического мышления направлены непосредственно на практическую, бытовую сферу человеческой жизни, по своему коммуникативному намерению они соответствуют совету, рекомендации, максиме, императиву. Афоризм как результат мышления теоретического содержит в себе попытку рационального вывода и обоснования знания. Афоризмы как результат теоретического мышления содержат в себе философский смысл и отражают наиболее общие диалектические категории развития природы и социума: «объективное-субъективное», «хорошее-плохое», «материальное-идеальное»; «причина-следствие»; «жизнь и смерть»; «истинное и ложное».

Нами был проведен философский анализ логико-смысловой структуры афоризма в результате которого мы установили, что в основе афоризма

находится многозначная конструкция смысла, состоящая из смысла эксплицитного, очевидного, и имплицитного, выявляемого в процессе понимания и коммуникации; в состав смысла афоризма входит интерсубъективная составляющая и личностные надсмыслы субъектов коммуникации. Смысл афоризма онтологически формируется в сознании коммуникантов. Метафоричность афоризма – механизм, посредством которого осуществляется явление многозначности в данном смысловом феномене.

Значение афоризма с точки зрения гносеологии – это система инвариантов информации, закодированной в нем, состоящая из семантического, синтаксического и прагматического компонентов. Семантический аспект значения афоризма – это та предметно-познавательная, когнитивная информация, которая закодирована в нем. Синтаксический аспект афоризмов – это те смысловые значения, которые принимает афоризм при взаимодействии с другими знаками. Прагматический аспект значения афоризма, то есть употребление афоризма в речи, соответствует коммуникативным намерениям говорящего и часто имеет императивную направленность, обязывающую реципиента применять в практической деятельности совет, заключенный в афоризме.

С точки зрения формальной логики мы выделили два типа афоризмов: афоризмы-индикативы, выраженные в изъявительном наклонении, и афоризмы-императивы, выраженные повелительным предложением; афоризмы-индикативы являются в основном результатом теоретического мышления, побудительные афоризмы в основном есть результат практического мышления. Простейшая логическая модель афоризма-индикатива соответствует схеме «тема–дескриптор», или S–P. Афоризмы-индикативы могут быть также выраженными сложными суждениями, образуемыми при помощи соединения простых суждений логическими союзами.

Логическая модель побудительного афоризма состоит из одного предикативного элемента. Субъект такого суждения извлекается имплицитно и тождественен местоимениям «ты», «вы», «они». Побудительные афоризмы

можно классифицировать на афоризмы-максимы, соответствующие субъективным правилам поведения, и собственно афоризмы-императивы, соответствующие объективным правилам поведения.

С гносеологической точки зрения афоризмы формируются благодаря воздействию творческого когнитивного процесса на формальные семантические структуры. Гносеологические механизмы смыслообразования в афоризме-индикативе можно объяснить исходя из идеи интеракции: к субъекту, выраженному в прямом смысле, прилагается система ассоциируемых импликаций предиката, который выражен в переносном смысле, в результате чего возникает семантический сдвиг, создающий новое когнитивное знание, расширение предиката афористического суждения. С гносеологической точки зрения афоризмы представляют собой синтетические суждения, что обусловлено эмпирическим характером поэтического языка, продуктом которого является афоризм.

Нами была разработана философская типологии афоризмов, специфика которой заключается в том, что она классифицирует афоризмы не только на основании формальных вербально-смысловых структур (как лингвистические типологии), но отражает глубинные когнитивно-семантические, гносеологические и онтологические уровни смысла афоризма. Нами было выделено пять критериев гносеологической типологии афоризмов: формально-логический, с точки зрения субъекта познания, по сферам общественного сознания, с точки зрения прагматической цели, с точки зрения истинности/ложности. С точки зрения формально-логического критерия все афоризмы разделены нами на афоризмы-индикативы и афоризмы-императивы. С точки зрения субъекта познания афоризмы делятся на авторские и народные.

- По сферам общественного сознания среди афоризмов можно выделить следующие типы: афоризмы обыденного сознания, религиозные, научные, общественно-поэтические, философские, художественные.

- Критерием гносеологической типологии афоризмов может быть разделение рациональной сферы на теоретическую и практическую: с

гносеологической точки зрения можно выделить *афоризмы теоретического мышления* и *афоризмы практического мышления*. Афоризм как результат теоретического мышления имеет цель сообщения какой-либо ценной когнитивной информации об объектах объективной реальности. Подтипами данной разновидности афоризмов являются религиозные, научные, общественно-политические, философские, художественные афоризмы. Афоризм как результат практического мышления является моральной нормой и имеет цель служить руководством в практической деятельности человека, то есть афоризмы-нормы направлены на нормирование поведения человека.

- Среди деонтологических афоризмов можно выделить афоризмы-максимы и афоризмы-императивы. Афоризмы-максимы – это авторские афоризмы, объективирующие субъективные правила поведения. Афоризмы-императивы – это народные и авторские афоризмы, объективирующие нормы поведения, имеющие объективный характер.

- Свойство истинности/ложности афоризмов определяется отдельно для афоризмов-индикативов и афоризмов-императивов, поскольку последние в большинстве своем являются суждениями этики, а о них с точки зрения формальной логики нельзя сказать, ни что они истинны, ни что они ложны. Проецируя на афоризм теорию истинности/ложности метафоры Н. Гудмена и Д. Дэвидсона, мы выделили среди афоризмов-индикативов два типа высказываний: 1) ложные и абсурдные при буквальном понимании, но истинные по сути, и 2) истинные при буквальном понимании. Вне зависимости от вербальной оболочки афоризма-индикатива, которая может быть как истинной с точки зрения формальной логики, так и ложной, глубинному значению афоризма всегда приписывается свойство истинности. Условия истинности деонтологических афоризмов, как следует из позиции Р. Хилпинена, зависят от реципиента. Если реципиент следует модели поведения, предложенной в таком афоризме, то он оказывается истинным, если нет – ложным.

ГЛАВА 2. ОНТО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АФОРИЗМА

2.1. ПРАГМАТИКА ЯЗЫКА И СПЕЦИФИКА ПРАКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Задача данного параграфа состоит в обосновании общеметодологических положений, на основе которых будет проводиться онто-прагматический анализ афоризма, а также в анализе афоризма как речевой формы практического мышления человека. Прагматический анализ языка является объектом изучения специальной отрасли знания – прагматики языка. Под прагматикой языка мы, вслед за основателями семиотики Ч. Пирсом и Ч. Моррисом, понимаем раздел семиотики, изучающий реальные условия функционирования языка. Если семантика рассматривает некие неизменные относительно конкретных ситуаций употребления «смысловые инварианты», то цель прагматического исследования в анализе и объяснении именно конкретных ситуаций употребления. Если семантика имеет дело с идеализированным объектом, теоретическим конструктом, то объект прагматики более индивидуальный, эмпиричный. Прагматические теории ориентированы не на прояснение отношений между языком и реальностью, как семантические, а на изучение отношения «субъект–знак», то есть на изучение языка с точки зрения его функционирования в речи.

Трансформация прагматики из части семиотической теории в область философских исследований произошла во многом посредством идей австрийско-британского философа Людвиг Витгенштейна. Наиболее известной и значимой идеей философии языка Витгенштейна, оказавшей влияние на всю современную аналитическую традицию, является функционалистская концепция значения языкового знака, сформулированная

им в «Философских исследованиях». Если «Логико-философский трактат» Витгенштейна был призван показать, каким язык должен быть в идеале, то «Философские исследования» направлены на раскрытие того, что есть язык в своем обыденном существовании. Для раскрытия философской сущности языка Витгенштейн вводит категорию «языковая игра». Употребление языка, по Витгенштейну, это языковая игра, в которой значение знака определяется контекстом и коммуникативными намерениями говорящих. «Термин «языковая игра», – пишет он, – призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» [34, с. 90]. Указывая на то, что в языковой игре действия и слова тесно взаимосвязаны, Витгенштейн выступает против сугубо теоретического рассмотрения языка как формальной структуры, картины, набора знаков. Целью Витгенштейна является показ того, что все формы опыта и деятельности представляют собой проявление языка и невозможны вне него. Витгенштейн акцентировал внимание на прагматическом аспекте употребления языкового знака, на необходимости учета не только внутриязыкового контекста, но и внеязыковой ситуации, которую образует вся система человеческой деятельности, включающая в себя язык как один из ее элементов. В рамках концепции языковых игр формируется концепция значения как употребления, положившая начало мощному потоку современных работ по прагматике языка.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что изучение афоризма с точки зрения прагматики языка предполагает анализ механизмов употребления данной семиотической системы в коммуникативных процессах. Исследование механизмов употребления афоризма, по нашему мнению, должно проводиться в контексте онтологического рассмотрения языка и речи. При этом наш анализ приобретает онто-прагматический характер, поскольку в основе его лежит мысль о том, что язык и речь являются бытийными характеристиками человека. «Язык есть дом бытия, ибо в качестве сказа он – способ события, его мелодия», – пишет Мартин Хайдеггер об онтологическом статусе языка и речи [170, с. 272].

Поскольку афоризм функционирует в актах речевой коммуникации, необходимо оговорить соотношение языка и речи. Впервые мысль о разграничении языка и речи была высказана выдающимся швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром, который следующим образом характеризовал данные феномены: «Язык – это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык полностью не существует ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе» [156, с. 271]. Соссюр, следовательно, указывал на необходимость разграничивать понятия «язык» и «речь»: язык – это система знаков и правил их употребления, а речь – это язык в действии. Другой выдающийся лингвист и философ, один из основателей философии языка В. Гумбольдт отмечал, что язык это не только «мертвое порожденное», но и «порождение» [48, с. 25]. В дальнейшем мы, следуя идее Гумбольдта, будем опираться на понятие языка не как мертвое письменно фиксированное образование в виде набора знаков и правил, но как живую, развивающуюся систему, имеющую звуковую или беззвучную реализацию, выражаемую в проговаривании. Душевные переживания, мысленные образы и конструкции, связанные с вещами, событиями, действиями внешнего мира, впервые реализуют себя в проговаривании, которое может быть внутренним (его «слышит» только сам говорящий, не воспроизводящий материи звуков с помощью речевого аппарата) или внешним (проявляющимся в реально порождаемой материи звуков в виде колебаний воздуха). И только сказанное тем или иным способом может быть закреплено с помощью графических знаков. Язык является сущностной характеристикой человека, отражающей глубинные процессы, связанные с психоэмоциональной и познавательной сторонами его деятельности, с процессами понимания. Язык, следовательно, оказывается способом бытия человека в мире и этим вскрывается онтологический, а не просто психологический, гносеологический или логический характер языка.

Прагматический анализ языка основан на изучении языка как особой разновидности деятельности, на той роли, которую выполняет язык в преобразовании объективной реальности. Употребление языка всегда опосредовано мышлением, которое, как было доказано в первой главе нашего исследования, имеет полиморфный характер. Особым типом мышления человека, непосредственно связанным с его практической деятельностью, является практическое мышление. Термин «практическое мышление» имеет несколько значений, поэтому необходимо оговорить, что именно мы понимаем под практическим мышлением человека.

Исследования мышления, начиная с эпохи Нового времени до века научно-технической революции, в большинстве своем ориентированы на изучение его научно-теоретической формы, и это оправдано той огромной ролью, которую играет наука в жизни общества. Однако все многообразие мыслительных процессов не следует редуцировать только к его научно-теоретической форме. Не менее важным для философа является изучение мифологического, художественного, практического типов мышления. Употребление афоризмов в различных типах дискурса, по нашему мнению, опосредовано различными типами мышления. Под дискурсом мы понимаем сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимое для понимания текста, то есть дающие представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения. Дискурс – это речь, погруженная в социальный контекст. Функционирование афоризмов в обыденном сознании, или бытовом дискурсе, опосредовано практическими и мифологическими формами мыслительного процесса; в художественном дискурсе – художественным мышлением; в научно-теоретическом и философском дискурсе – научно-теоретической формой мышления. Прагматика языка исследует его употребление в различных типах дискурса, однако, основополагающим для нее является изучение именно обыденного общения, поскольку оно является

ключом к пониманию употребления языка в других формах коммуникации. Обыденное общение всегда опосредовано именно практическим мышлением, поэтому столь важно подробно рассмотреть сущностные характеристики практического мышления, отличающие его от мышления теоретического.

Практическое мышление формирует путь практического преобразования объекта и практического самоопределения субъекта, это мышление на стадии непосредственного соединения его с практическим действием, с целями человека. Долгое время мышление, включенное непосредственно в практическую деятельность, считалось чем-то примитивным, несравненно более простым, чем теоретическое, научное мышление, генетически первичным по отношению к нему. Фактически практическое мышление сводилось к наглядно-действенному и наглядно-образному мышлению, включенному в действия, совершаемые в данной здесь и сейчас ситуации, оперирующему чувственно воспринимаемыми, необобщенными и невербализируемыми свойствами элементов проблемной ситуации. Очевидно, что такой взгляд на проблему практического мышления является слишком узким. Понятие сенсомоторного интеллекта, по нашему мнению, не имеет прямого отношения к вопросу об особенностях практического мышления. Человек, занятый организационной работой, решает стоящие перед ним задачи, опираясь вовсе не на непосредственное восприятие вещей и прямое манипулирование с ними. Сами объекты его умственной деятельности — взаимоотношения групп людей, занятых в каком-либо производстве, способы руководства этими группами и установления связи между ними и т.п. — таковы, что они едва ли поддаются непосредственному восприятию и уж во всяком случае не поддаются физическому, моторному оперированию с ними.

Дальнейшее развитие психологической мысли расширило понимание практического мышления. Современная научная психология понимает под практическим мышлением особую форму мыслительной деятельности, направленную на решение практических задач, *мышление, в коем решение проблем реализуется во внешней практической деятельности. Практическое*

мышление связано с постановкой целей, выработкой планов, проектов и воздействием человека на человека с помощью языка. Примерами практического мышления является мышление любого организатора, администратора, производственника, хозяйственника, в работе которого ежечасно встают вопросы, требующие напряженной мыслительной деятельности. Практическое мышление – это также мышление любого человека, которым он руководствуется в своей повседневной жизни.

Различие между теоретическим и практическим мышлением заключается в том, что они по-разному связаны с практикой: не в том, что одно из них имеет связь с практикой, а другое — нет, а в том, что характер этой связи различен. Работа практического мышления в основном направлена на разрешение частных конкретных задач: организовать работу данного завода, разработать и осуществить план сражения и т.п., тогда как работа теоретического мышления направлена в основном на нахождение общих закономерностей: принципов организации производства, тактических и стратегических закономерностей. И теоретическое, и практическое мышление связано с практикой, но во втором случае связь эта имеет более непосредственный характер. Практическое мышление направлено непосредственно на практическую деятельность субъекта, в то время как теоретическое мышление направлено на деятельность интеллектуальную.

Проблема практического мышления изучается также философией в связи с анализом познавательной деятельности и философским анализом языка. Началом философского изучения практического мышления, очевидно, следует считать идеи, сформулированные еще Аристотелем. В своем труде «Никомахова этика» Аристотель выделяет две части души: научную и рассчитывающую. Различие между ними состоит в том, что одна часть души имеет дело с неизменными сущностями, которые не зависят от субъекта, которые не могут быть «такими и иными», т.е. то, что составляет предмет научного знания, существует с необходимостью. Предметом же рассчитывающей души является то, что зависит от субъекта, о чем можно

принять решение (в науке решения не принимаются – истины постигаются) — о поступке. Следует отметить своеобразие терминологии Аристотеля, для которого «поступок», как нравственная категория, проявление отношения человека к себе, к другим людям, составляет содержание категории «практика» [4, с. 45]. В XVIII идея Аристотеля о разделении разума на теоретический и практический была развита в гносеологии И. Канта. По Канту, теоретический и практический разум являются способностями чистого разума. Функция теоретического разума состоит в познании, и его объектом является чувственный мир, функция практического разума состоит в нравственности, и его объектом является мир нравственности. Иными словами, теоретический разум направлен на природу и призван определять предмет и его понятия; практический разум направлен на свободу, он призван производить нравственный предмет и его понятия. Итак, практический разум у Канта неизбежно связан с деонтологическими нормами.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что онто-прагматический анализ афоризма предполагает изучение употребления данной знаковой системы в речевых процессах, которые опосредованы, прежде всего, практическим мышлением как направленностью интеллектуальной деятельности и сами являются процессом оперирования языковыми знаками. Итак, под практическим мышлением в нашем исследовании мы понимаем оперирование языковыми знаками в любом акте речи, любой речевой акт.

Специфическим свойством практического мышления человека является его объединение с мышлением речевым, его речевой характер. Исследования Л.С. Выготского доказали, что действие и речь сливаются в синкретичное целое. Сама речь приобретает известные логические формы, интеллектуализируется только в силу того, что она отражает и сопровождает практические интеллектуальные операции. Практическое мышление, приводя к интеллектуализации речи, само становится речевым [36; с. 34]. Связь речи и поведения демонстрируют, например, многие названия форм речеповеденческой деятельности, объединяющей как речевые, так и неречевые

действия: хитрить, юлить, третировать, ухаживать, кокетничать и т.п. Исследования психологов доказали, что вербальный знак является особой разновидностью действия. «Вербальное поведение – это действие, – считает Пиаже, – пусть сокращенное и интериоризованное, некий эскиз действия, который даже рискует постоянно оставаться в состоянии проекта, но все равно действие, которое просто замещает вещи знаками, а движения – их восстановлением в памяти, и которое функционирует в структуре мышления при помощи этих посредников» [125, с. 91].

Деятельностный подход к речи позволяет считать, что в основе речевых форм практического мышления, как всякой деятельности, лежит такая характеристика сознания, как интенциональность, то есть направленность на объекты внешнего мира. Интеллектуальное действие интенционально, то есть оно не автоматически, не слепо, а направлено, как направлено само действие [82, с. 213]. Механизм образования речевых форм практического мышления, следовательно, выглядит следующим образом: субъект интенционально готовится совершить некоторое практическое или ментальное действие, обусловленное его интенциональным намерением; интенция субъекта объективирует себя в определенной речевой форме, посредством которой и реализуется интенциональное намерение субъекта. В зависимости от результата, достигнутого данной речевой формой, интенция субъекта может быть достигнута или нет. Следовательно, в основе контекстного употребления афоризма как речевой формы практического мышления лежит интенциональное намерение и желания его субъекта.

Идея о синкретичном характере речи и действия является основополагающей для теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, которая является самой авторитетной прагматической теорией на сегодняшний день. Стимулом к ее созданию послужило изучение обыденного общения, целей и мотивов говорящих, практических результатов и выгод, получаемых в ходе речевых действий. Таким образом, развитие философии языка после работ позднего Витгенштейна идет по пути психологизации традиционных тем

аналитической философии. Если в 60–70-е годы XX века в зарубежной философии языка преобладала такая точка зрения, согласно которой природу языка можно уяснить, изучая все, кроме сознания индивида, сферы ментального, то в современной философии языка этот запрет снят. Общепринятым становится мнение, что успешное моделирование языка возможно только в более широком контексте моделирования сознания. Любое человеческое действие с философской точки зрения берет начало в его сознании, следовательно, философия языка есть часть философии сознания, или, по крайней мере, может и должна основываться на философии сознания.

В основе теории речевых актов лежит мысль о интенциональности языка, у него как одного из проявлений сознания есть направленность, язык – это всегда вектор, точнее интенция, т.е. такая направленность, в основании которой лежит тот или иной замысел, цель или намерение. По Серлю, способность языка отображать реальные процессы является дальнейшим развитием биологической способности сознания устанавливать соответствующие отношения организма с миром на основе таких интенциональных состояний, как вера, намерение, желание и т.д. Интенциональные состояния, как показал Серль, способны имманентно продуцировать из себя лингвистические акты, язык в целом. «Язык – особая форма развития интенциональности, – пишет Серль, – интенциональность есть свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положения дел внешнего мира [151, с. 96]. Говорить, постоянно подчеркивал Серль, значит быть занятым в подчиненной правилам форме интенционального, т.е. сознательного и целенаправленного поведения. Люди, как верно указал Серль, говорят для того, чтобы высказать свое суждение о чем-либо, осудить или одобрить чей-либо поступок, убедить или разубедить в чем-нибудь собеседника, потребовать или выяснить что-либо.

Понятие речевого акта является методологическим для прагматического анализа афоризма, поскольку афоризм представляет собой особый тип речевого акта. Под речевым актом мы вслед за Серлем и Остином понимаем

«совершенное посредством речевых единиц определенное ментальное или практическое действие, обусловленное интенциональным состоянием субъекта речи» [151, с. 95]. Главная мысль, лежащая в основе понятия речевого акта, состоит в том, что помимо выражения собственно смысла, посредством высказывания может также совершаться некоторое действие: высказываниями может нечто утверждаться, спрашивать о чем-либо, приказывать, предупреждать, обещать и т.п. (сравни понятие «языковая игра» у Л. Витгенштейна). Все это суть акты, которые совершает говорящий, высказывая то или иное предложение. Понимаемая таким образом прагматика исследует типы употребления, к которым говорящий относит свои высказывания, и роль контекста при определении способа понимания высказывания.

Ключевым понятием теории речевых актов является понятие «иллокутивная цель», или силы высказывания. Иллокутивная цель – это базисное понятие, вокруг которого группируются различные способы использования языка. Под иллокутивной целью¹⁷ в теории речевых актов принято понимать замысел, внутренне присущий сообщению как акту определенного типа. Так, например, цель утверждения состоит в том, чтобы сказать, как обстоят дела; цель приказания в том, чтобы попытаться заставить кого-то сделать нечто; цель извинения – выразить раскаяние в том или ином действии со стороны говорящего. В зависимости от характера выражения иллокутивной силы можно говорить о двух формах речевых актов: эксплицитном (прямой речевой акт), в котором иллокутивное намерение выражено отдельным языковым элементом, и имплицитном (косвенный речевой акт), когда иллокутивная сила имплицитно содержится в

¹⁷ По Серлю, существует только пять иллокутивных целей, которые реализуют себя в различных типах речевых актов: 1) ассертивная цель состоит в том, чтобы сказать, как обстоят дела; 2) комиссивная цель состоит в том, чтобы обязать говорящего сделать нечто; 3) директивная цель состоит в том, чтобы попытаться заставить кого-то другого (других) сделать нечто; 4) декларативная цель состоит в том, чтобы изменить внешний мир посредством данного произнесения: в высказываниях, имеющих декларативную цель, говорящий каузирует положение дел, репрезентируемое пропозициональным содержанием, исключительно в силу успешного совершения им данного речевого акта; 5) экспрессивная цель состоит в том, чтобы выразить чувства или установки [192].

семантической структуре языковой формы. В косвенных речевых актах в отличие от прямых говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего.

Теория речевых актов редуцирует центральное для аналитической философии языка понятие значения языковых выражений к его соотнесенности с различными сторонами сознания индивида – носителя языка. Обращение к интенционально-контекстному аспекту значения, безусловно, является сильной стороной данной теории. Связь между интенциональными состояниями и речевыми актами заключается в том, что в осуществлении каждого акта, обладающего пропозициональным содержанием, мы выражаем определенное интенциональное состояние с данным пропозициональным содержанием и, что интенциональное состояние является условием искренности такого речевого акта. Недостатком теории речевых актов, по нашему мнению, является то, что она не учитывает конвенциональности языка, следствием которой является закрепление за языковым знаком некоего инвариантного значения, понятного всем носителям языка.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой адекватная теория значения может быть построена на основе синтеза семантического и прагматического подходов к феномену значения. С этой точки зрения, в значении любого знака можно выделить два ключевых компонента: 1) конвенциональный, соответствующий социологизированному компоненту значения знака; и 2) прагматический – компонент значения, актуализирующийся в различных контекстах употребления знака. Синтез прагматического и семантического подходов к знаку характерен, например, для теории значения американского философа М. Даммиста. По М. Даммисту, в рамках естественных языков любое выражение необходимо рассматривать в контексте определенного речевого акта, поскольку связь между условиями истинности предложения и характером речевого акта, совершаемого при его

высказывании, является существенной в определении значения. Следовательно, можно выделить две части у любого выражения: первая передает смысл и референцию, вторая передает иллокутивную силу высказывания. В связи с этим, по М. Даммисту, «теория значения должна состоять из теории референции и теории иллокуции» [121, с. 14]. Следовательно, основная проблема теории значения состоит в выявлении связи между этими блоками, то есть между условиями истинности предложения и действительной практикой его употребления в языке. Если конвенциональный компонент значения знака может быть изучен без обращения к сознанию субъекта, его коммуникативным намерениям и желаниям, то для изучения контекстного компонента значения знака необходимо обращение к ментальной сфере субъекта, поскольку контекстное значение опосредовано интенциональными состояниями субъекта. Из вышесказанного следует, что если первая глава нашего исследования была посвящена конвенциональному компоненту значения афоризма, то во второй главе главным объектом нашего анализа является его контекстный, или прагматический компонент, который должен быть изучен на основе интенционализма как философско-семантического направления.

Методологическим для онто-прагматического анализа афоризма является также понятие «контекст», поэтому необходимо оговорить, что именно мы понимаем под данным термином. Понятие «контекст» в широком смысле этого слова включает различные аспекты: вербальный и невербальный, историко-культурный, психологический, социальный и т.д. В частности, понятие контекста реализуется в виде дискурса как определенной последовательности речевых актов, связанных в глобальные и локальные текстовые структуры; в виде «фонового знания о мире», организованного посредством «фреймов», «сценариев», хранящихся в семантической памяти индивида. Расширенное толкование понятия «контекст» предполагает в обязательном порядке учет индивидуального когнитивного состояния, в котором находятся конкретные носители языка. Употребление языка осуществляется людьми с различным познавательным и жизненным опытом, на сугубо отличном друг от друга

«мотивационном фоне», в котором находят свое отражение индивидуальные намерения и цели, потребности и нормы, знания и убеждения. Естественно, что в действительности ни о каком когнитивном единообразии не может быть и речи, хотя именно на этом допущении и основывается возможность распространения логических методов на область дискурса. Понятия когнитивного состояния носителей языка, контекста, акта употребления связаны между собой и совместно работают для объяснения общего феномена понимания и порождения языка. Построение полной модели употребления языка является перспективной задачей для психологии, логики, философии языка, теории искусственного интеллекта, информационной технологии. Таким образом, под «контекстом» в нашем исследовании мы понимаем ситуацию общения, включающую в себя говорящего, слушающего и внеязыковую обстановку общения. Контекст в широком смысле слова включает в себя также когнитивно-психологические и интенциональные особенности и намерения говорящих, влияющие на значение языковых знаков.

Итак, учитывая все вышесказанное, проанализируем афоризм как специфический речевой акт. В ходе нашего анализа нам необходимо понять, почему мы употребляем афоризмы вместо того, чтобы точно и буквально сказать то, что мы имеем в виду. В основе афоризма как коммуникативной единицы лежит намерение говорящего определенным образом воздействовать на слушающего. Следовательно, афоризм как речевой акт поддается анализу через фундаментальные психологические понятия «полагание», «намерение», «желание», «интенция». Афоризм является интенциональным высказыванием, поскольку он представляет собой результат сознательно принятого решения сообщить нечто адресату о себе, о своих взглядах, о своих намерениях и желаниях, то есть является *формой объективации сознания человека*: его мировоззрения, духовного мира, идеологии и субъективной картины мира конкретной личности. *Афоризм, следовательно, является специфическим речевым актом, порождаемым и произносимым субъектом с определенной целью и определенным мотивом для совершения практического или*

ментального адресованного действия с помощью такого инструмента, как язык/речь. Рассмотрим, в чем состоит специфика афоризма как речевого акта, какие цели и мотивы вкладывает субъект речи в афоризм и какие действия осуществляют в коммуникативном процессе при помощи афоризма.

По нашему мнению, можно выделить следующие свойства, характеризующие афоризм как коммуникативную единицу особого рода: 1) пространственно-временной разрыв между субъектом речи и ее интерпретатором; 2) совмещение в афоризме нескольких иллокутивных целей; 3) косвенный способ выражения иллокутивных целей. Специфика афоризма как речевого акта состоит в том, что для него характерен такой тип коммуникации, когда адресат не присутствует физически и является воображаемым, потенциальным участником коммуникации. Это такой вид речевого общения, который характеризуется пространственно-временным разрывом контакта участников коммуникации. Субъектом афористического высказывания в большинстве случаев является лицо, жившее в отличную от адресата культурно-историческую эпоху, что затрудняет процесс понимания и интерпретации афористического сообщения. Процесс понимания афоризма в силу пространственно-временного разрыва между участниками коммуникации приобретает *дискретный характер*. Дискретность смыслового восприятия афоризма выражается в увеличении смысловых частей текста, выделении смысловых опор, осуществлении смысловых группировок и перегруппировок, установлении смысловых связей, что обусловлено вербально-смысловой структурой самого афоризма, которая, как мы установили в первой главе нашего исследования, представляет собой гиперсемантизированную форму текста, малопонятную адресату в силу своей двусмысленности и многозначности.

Высший уровень понимания афоризма представляет собой проникновение в подтекст высказывания, понимание того, зачем, для чего это говорится, то есть в постижении интенционального намерения субъекта афористического суждения. Поскольку объективная реальность пребывает в

постоянном диалектическом развитии¹⁸, то для адекватной интерпретации некоторых афоризмов необходимо знание культурно-исторического и мировоззренческого контекста времени его создания. С другой стороны, несмотря на пространственно-временной разрыв между автором афоризма и его реципиентом, афоризмы в большинстве своем доступны пониманию. Афоризмы тем и ценны, что они репрезентируют вневременные истины и вечные ценности. Проиллюстрируем сказанное примером, для этого рассмотрим известный афоризм Аристотеля *«Платон мне друг, но истина дороже»*. Для того чтобы адекватно интерпретировать данный афоризм необходимо знать культурно-исторический контекст его возникновения, а именно необходимо знание факта, что Аристотель был учеником Платона, отошедшим от своего учителя еще при его жизни и излагающим собственные философские взгляды, расходящиеся со взглядами его учителя. Буквальный, или эксплицитный смысл этого высказывания состоит в обосновании независимости своего мнения, своих взглядов от мнения Платона. Данное высказывание обретает свойство афористичности, так как содержит более глубокое смысловое содержание, чем то, что выражено в его вербальной оболочке. Мы употребляем данный афоризм, чтобы высказать мысль о том, что истина носит объективный характер и не зависит от авторитетов. Таким образом, в данном афоризме можно выделить два уровня смыслового содержания: содержание конкретно-историческое и вневременное¹⁹.

Специфика афоризма как коммуникативной единицы заключается также в том, что афоризм способен совмещать в себе сразу несколько иллюкутивных целей в отличие от буквальных высказываний. Рассмотрим для примера два

¹⁸В. Гегель в «Феноменологии духа» отмечает непрерывные трансформации, которым подвержены все явления объективной реальности.

¹⁹Следует отметить, что изречение «Платон мне друг, но истина дороже» как будто не содержит в себе метафоры. Однако данное высказывание само является метафорой, несмотря на то, что слова, из которых оно состоит, употреблены в прямом смысле. Данное изречение является метафорой, так как используется для репрезентации не конкретной ситуации, связанной с Аристотелем и Платоном, но для обоснования объективности истины в любой жизненной ситуации. Таким образом, происходит процесс его метафоризации, в результате чего оно обретает имплицитный смысл.

афоризма Фаины Раневской: *Жизнь проходит и не кланяется: как сердитая соседка; Жизнь – это небольшая прогулка перед вечным сном.* Главная иллокутивная цель обоих афоризмов состоит в сообщении информации о мимолетности и быстротечности жизни. Содержание первого афоризма можно передать парафразой: жизнь проходит быстро и не дает нам того, чего мы от нее ждем; жизнь не ориентирована на человека, не берет его в расчет; в данном афоризме отражено пессимистичное восприятие жизни, разочарованность жизнью, автор данного афоризма возлагал на жизнь большие надежды, чем смог реализовать. Содержание второго афоризма можно передать парафразой: жизнь очень мимолетна по сравнению с вечностью, поэтому не стоит ничего воспринимать всерьез, наслаждайтесь жизнью, как прогулкой, пока есть время. Речевое воздействие, оказываемое данными афоризмами, состоит в изменении личностного смысла концепта «жизнь» для реципиента, в изменении его эмоционального состояния (данные афоризмы внушают чувство тоски, меланхолии, грусти, жалости к себе), в скрытом влиянии на поведение реципиента (афоризмы побуждают адресата к рефлексивному восприятию объективной реальности, к самостоятельности и активной жизненной позиции, к пересмотру своей системы ценностей). Мы видим, что по сравнению с буквальным высказыванием – жизнь мимолетна и скоротечна – афоризм в силу своей образности (жизнь как сердитая соседка, жизнь как прогулка перед сном) оказывает влияние не только на разум реципиента, но также на его чувства и волю, а через них – и на поведение.

Афоризм может реализовывать *ассертивную*²⁰иллокутивную цель посредством того, что в нем репрезентируется действительное состояние дел в мире. Афоризмы в своей ассертивной цели – это все высказывания, которые отражают картину мира. С точки зрения формально-логической организации

²⁰Ассертивы — т.е. акты, суть которых в том, что говорящий посредством речевого акта принимает на себя обязательство ручаться за истинность выраженной в акте пропозиции. [Глаголы — названия типичных ассертивов: утверждать, отрицать, ответить, возразить и т.д.]

ими являются изречения, выраженные в утвердительном наклонении, то есть афоризмы-индикативы, как мы определили их в параграфе 1.2. Афоризмы, репрезентирующие действительное состояние дел в мире, могут иметь коллективный или личностный субъект познания. Однако наиболее объективно реальная картина мира отражена все-таки в афоризмах, в которых отражено коллективное познание мира, то есть в народных афоризмах. Афоризмы-ассертивы могут отражать познание мира с любой точки зрения: с точки зрения обыденного сознания, с точки зрения науки, религии, искусства, политики, права – что было проиллюстрировано в параграфе 1.3. нашего исследования. С точки зрения своего генезиса эти афоризмы преимущественно относятся к афоризмам теоретического мышления, так как их цель состоит в универсальном познании мира. Соответственно, данный тип афоризмов претендует на свою истинность. Приведем примеры афоризмов-ассертивов: *«Красота – открытое рекомендательное письмо, которое заранее склоняет людей в нашу пользу»;* *«Богатство подобно морской воде: чем больше ее пьешь, тем сильнее становится жажда».* Афоризмы в своей ассертивной цели представляют собой лаконичную образную форму кодировки и передачи знания, они создаются с целью констатации какой-либо идеи (научной, религиозной, философской и т.д.). Следовательно, можно заключить, что ассертивы представляют собой базовый пласт афористики.

С точки зрения прагматики языка среди афоризмов можно также выделить афоризмы-директивы²¹, иллюкутивная цель которых заключается в том, чтобы заставить реципиента сделать что-либо. Данный тип афоризмов формально-логически соответствует афоризмам-императивам, выраженным в изъявительном наклонении, например: *помни, что дни неповторимы и что каждый день – новая жизнь (Сенека)*. С точки зрения субъекта познания

²¹ Директивы — т.е. акты, суть которых в том, что говорящий посредством речевого акта пытается побудить слушающего сделать нечто. [Глаголы — названия типичных директивов: попросить, приказать, скомандовать, умолять, разрешить, пригласить, посоветовать и т.д.]

афоризмы-директивы могут быть как авторскими, так и народными, например: *в чужой монастырь со своим уставом не ходят; не плюй в колодец, из которого пьешь*. Директивы преимущественно функционируют в сферах морали, религии и политической идеологии, то есть там, где необходимо следовать четким социальным нормам. С точки зрения своего генезиса афоризмы-директивы представляют собой афоризмы практического мышления, направленные непосредственно на включение в практическую деятельность. Это афоризмы, содержащие в себе совет, рекомендацию, призыв, императив. Истинность данных высказываний зависит от реципиента, от того, следует ли он модели поведения, предложенной в афоризме. Афоризмы-директивы функционируют преимущественно в обыденном общении, в религиозно-этических текстах, в фольклоре.

Афоризмы могут также служить для выражения эмоционального состояния субъекта высказывания, такие афоризмы можно классифицировать как афоризмы-экспрессивы.²² С точки зрения формально-логической организации экспрессивами являются афоризмы-индикативы, с личностно или коллективно выраженным субъектом познания, например: *у семи нянек дитя без присмотра; язык до Киева доведет* (выражение неодобрения); *почти все на свете надо назвать пустыми орехами: ядро само по себе редко, а еще реже можно найти его в этой скорлупе* (А. Шопенгауэр) – выражение разочарования. По сферам общественного сознания афоризмы-экспрессивы преимущественно относятся к афоризмам обыденного сознания. Это афоризмы практического мышления, так как они направлены непосредственно на самого субъекта высказывания и выражение его психологического состояния. Афоризмы-экспрессивы являются истинными высказываниями, если не имеет смысла лгать о своем психологическом состоянии. Как видно из приведенных

²² Экспрессивы — т.е. акты, суть которых в том, что говорящий посредством речевого акта выражает свое психологическое состояние. [Глаголы — названия типичных экспрессивов: благодарить, поздравлять, извиняться, соболезновать, выражать одобрение, выражать неодобрение и т.д.]

примеров, афоризм редко выполняет экспрессивную цель в чистом виде. Обычно его экспрессия сочетается с нравоучением или сообщением, содержащимся в нем. Афоризмы-экспрессивы используются в обыденном общении, могут встречаться в литературном дискурсе с целью выражения оценки.

По типологии иллокутивных целей, предложенной Дж. Серлем, афоризмы не могут выполнять комиссивной и декларативной целей²³, то есть при помощи афоризмов нельзя обещать что-либо и осуществлять декларации. Таким образом, мы можем дополнить типологию афоризмов как семиотических моделей, предложенную нам в параграфе 1.3., шестым критерием: классификацией афоризмов с точки зрения иллокутивных целей: афоризмы-ассертивы, афоризмы-директивы и афоризмы-экспрессивы.

С точки зрения выражения иллокутивной силы афоризм, как видно из анализируемых примеров, является косвенным речевым актом. В афоризме по причине его метафоричности всегда оказывается большее содержание, чем передает его поверхностная структура, и адресат должен об этом догадаться, то есть иллокутивная сила афоризма как высказывания выражена не напрямую, а косвенно, поэтому афоризм представляет собой косвенный речевой акт. Афоризм как косвенный речевой акт имплицитно содержит в себе более объемное содержание, нежели то, что выражено в нем эксплицитно. Способом компрессии интенционально-смыслового содержания афоризма является метафора. Коммуникативное намерение субъекта афоризма и его когнитивное содержание всегда завуалированы его метафорической оболочкой. По своей

²³Комиссивы — т.е. акты, суть которых в том, что говорящий посредством речевого акта принимает на себя обязательство сделать нечто в будущем. [Глаголы — названия типичных комиссивов: обещать, давать зарок, давать обет, давать клятву, давать слово, ручаться, брать на себя обязательства по договору (соглашению, контракту, сделке), принять тот или иной план [программу] действий и т.д.]

Декларативы — т.е. акты, суть которых в том, что говорящий посредством речевого акта делает так, что начинает иметь место положение дел, специфицированное в пропозициональном содержании данной декларации. [Глаголы — названия типичных деклараций: давать имя, крестить, объявлять кого-либо мужем и женой, объявлять войну, издавать указ (закон, декрет), подавать в отставку и т.д.]

семантической природе афоризм, как мы установили в первой главе нашего исследования, есть семантическое отклонение, то есть такой тип языкового отклонения, который возникает в результате неправильного сочетания лексических единиц. Афоризм как семантическое отклонение, будучи косвенным речевым актом, нарушает правила коммуникации, сформулированные американским философом П. Грайсом.

В теории речевого общения Пола Грайса подлежащие соблюдению нормы вытекают из принципа кооперации, который, как полагает Грайс, действует в обычном разговоре. Эти нормы имеют вид четырех постулатов языкового поведения, соблюдение которых требуется для выполнения основного принципа. Постулаты Грайса можно представить следующим образом: 1) постулат количества: старайся сделать свой коммуникативный вклад возможно более информативным; 2) постулат качества: старайся сделать свой коммуникативный вклад истинным; 3) постулат отношения: старайся сделать свой коммуникативный вклад релевантным; 4) постулат способа: старайся сделать свой коммуникативный вклад ясным. К метафоре приводит нарушение постулата качества, когда то, что А говорит В, очевидным образом не является истинным, но оба участника речевого общения знают, что соответствующее утверждение А ложно, и на основе допущения, что принцип кооперации нарушается, В вырабатывает импликатуру (подразумеваемую участником А), которая не является очевидным образом ложной [45] .

Рассмотрим, какие правила речевого общения, сформулированные Грайсом, нарушаются в афоризме. Основной принцип интерпретации афоризма, по нашему мнению, состоит в том, что нарушение правил речевого общения касается только «поверхностного», то есть буквального значения афоризма, «глубинное» же содержание соответствует требованиям коммуникативных максим. Афоризм, как косвенный речевой акт, не говорит ясно, предоставляя интерпретатору, совершив определенную мыслительную работу, самому выявить имплицитный смысл данного речевого акта. Нарушение правил коммуникации в афоризме, по нашему мнению, имеет цель

повышения экспрессивности речи, придание ей образности и эстетической ценности. Цель афоризма как речевого акта, следовательно, состоит не только в сообщении определенной информации о познаваемом объекте, но и в создании определенного представления о предмете высказывания, в приписывании ему положительной или негативной оценки. Нарушение афоризмом максим коммуникации обусловлено также его амбивалентной природой. Антиномия рационального и иррационального (образного, интуитивного), лежащая в основе афоризма, объективируется в метафорической вербальной форме, а метафора – это всегда способ говорить «утаивая», метафора отрицает однозначный смысл и однозначную референцию, придавая афоризму как речевому акту многозначность и экспрессивность.

Таким образом, философский анализ прагматики афоризма показал, что он является речевой формой практического мышления и специфическим речевым актом, выполняющим несколько коммуникативных функций: сообщение когнитивной информации, оказание эмоционального воздействия на адресата, внушение или скрытое воздействие на его поведение. В отличие от любого другого речевого акта афоризм реализует сразу несколько иллюкутивных целей: ассертивную, экспрессивную, директивную.

2.2. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ АФОРИЗМА В РЕЧЕВОМ МЫШЛЕНИИ

В данном параграфе мы продолжаем изучение механизмов употребления афоризмов в речевом мышлении человека, то есть той части мыслительных процессов, в которой слово является главным оператором мысли и которая объективирует себя в слове. Генеральной функцией афоризма, которую он выполняет в речевом мышлении человека, является, по нашему мнению, гносеологическая функция. Афоризм возникает как объективация в лаконичной эстетической форме результатов процесса познания. Он абстрагирует и обобщает в себе универсальные законы нашего бытия и служит пониманию,

когда оно затруднено. Гносеологическая функция афоризма обусловлен его метафорическим характером.

На гносеологический статус эстетического афоризма впервые указал Фридрих Ницше, который утверждал, что человеческое познание основывается на эстетическом принципе, насквозь метафорично, поэтому его результаты – продукты художественного творчества – неverifiedируемы. Ницше не видит качественного различия между метафорой и понятием, так как понятие — это знак, абстрактно выраженное содержание метафорического отношения к реальности, замещающее ее саму [126, с. 174]. Анализ языка науки, действительно, доказывает, что метафоры лежат в основе большинства понятийных схем, с помощью которых мы описываем действительность. Американский философ Э. МакКормак называет такие метафоры «базисными», так как они лежат в основе любой теории или научной дисциплины. Примером базисной метафоры является компьютерная метафора, используемая для описания процессов мышления человека в когнитологии [91, с. 360]. Ученые, принадлежащие когнитивному направлению в изучении метафоры²⁴, доказали, что механизм метафоризации является универсальным познавательным механизмом. Метафора определяется ими как пересечение концептуальных областей, выступает важнейшим инструментом категоризации мира в целом, способом структурирования восприятия и чувственного опыта. Так, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет пишет следующее о гносеологической функции метафоры: «Метафора удлиняет «руку» интеллекта; ее роль в логике может быть уподоблена удочке или винтовке. <... > Без метафоры на нашем ментальном горизонте образовалась бы целинная зона, формально попадающая под юрисдикцию нашей мысли, но фактически неосвоенная и невозделанная»

²⁴О когнитивной сущности метафорического процесса писали многие, так, например, в работах американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонса показано, что метафорический процесс связан с механизмом трансформации глубинных когнитивных структур в формы абстрактного мышления [78]. Вопрос о когнитивном направлении в изучении метафоры подробно освящен в сборнике «Теория метафоры»/ общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990.

[106, с. 72]. Из этого следует, что метафора лежит в основе рациональности, поскольку настоящее мышление не только рационально, но включает в себя также воображение и интуицию. Рациональность подобна айсбергу, верхушку которого составляют логичность, последовательность, каузальность, когерентность, – словом, все те признаки, которые выделяют в рамках картезианской парадигмы, – в основе же его находятся процессы воображения, интуиции и метафоризации. Отличие метафорического мышления от мышления дискурсивно-логического состоит в том, что оно не ориентировано на поиск различий между феноменами реальности и классами объектов, а, наоборот, ищет сходство между различными явлениями бытия. Метафорическое постижение мира сводит все многообразие в единый фокус, в некую точку, и универсальной вербальной формой для этого является афоризм.

Афоризм, как следует из идей Ф. Ницше, является результатом эстетического способа мысли. Результаты рационального и эмпирического познания в нем обобщаются и спрессовываются в художественный образ. В рамках когнитивного подхода афоризм, по нашему мнению, следует рассматривать как вербальный репрезентант метафорического переноса, осуществляемого на уровне глубинных мыслительных структур. Афоризмы, таким образом, являются одним из инструментов познания, отражающих в себе синтез репрезентации мира в абстрактных понятиях и сенсорном опыте. Данная мысль отражена в следующем афоризме об афоризмах: *«Афоризм – это мудрость в портативной форме, концентрированный экстракт мыслей и чувств»* (У. Олджер). Афоризм, следовательно, отражает единство чувственного и рационального в процессе познания.

Гносеологическая функция афоризмов заключается также в отражении мира в целостности, в движении познания от явления к сущности. Объектом афористического мышления является некий факт объективной реальности, который репрезентируется в человеческом сознании в виде концепта. Под концептом мы понимаем идеальную, абстрактную единицу, смыслом которой

человек оперирует в процессе мышления²⁵ [118, с. 54]. Концепты, репрезентируемые в афоризмах, являются результатом рационального мышления и с точки зрения логики представляют собой абстрактные понятия. Они могут касаться как бытовой сферы человека (концепты «деньги», «труд», «дети»), так и сферы абстрактной (концепты «воля», «судьба», «жизнь» и пр.). Познание сложных когнитивных объектов объективной реальности в афоризме осуществляется через сопоставление с конкретными, вещественными объектами, поскольку универсальное отношение между субъектом и объектом – отношение осознания – можно постигнуть, только уподобив его какому-нибудь другому отношению между объектами. Афоризм объединяет, синтезирует семантические концепты, которые в реальной жизни мало связаны, и на основании этого проникает в скрытую сущность явления. Рассмотрим данный механизм на афоризме Анри Бергсона *«Наш ум – это металл, извлеченный из формы, а форма – это наши действия»*. Смысловое содержание данного высказывания может быть передано парафразой – в нашем уме нет ничего, чего нет в нашем опыте – отражающей позицию эмпиризма. В афоризмах, таким образом, уподобляется гетерогенное и отождествляется подобное с целью синтеза нового знания о познаваемом объекте. Общая схема афоризма такова: как если бы X обладал признаками Y. Рассматривая огромное количество явлений с разных сторон, афоризмы отражают главное, характерное, типичное, общее через явления добиваются до сущности, поэтому афоризмы задолго до теоретической философии предвосхищают стихийно-диалектическое понимание мира, что отражено, например, во многих народных афоризмах, имеющих философский смысл: *дыма без огня не бывает* – следствие предполагает причину; *ложь доводит до правды* – взаимопереход противоположностей; *век живи – век учись* – познание бесконечно. Это отражение всеобщего в состоянии явлений, иносказание есть

²⁵ «Концепт» как термин, служит объяснению единиц ментальных и психических ресурсов сознания, является ведущей сознательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга.

зарождающееся понятие, или категориальное представление, еще не выраженное отдельным словом-категорией. Отражение зависимости между характеристиками объекта, установленное в процессе повторения результатов наблюдения, в теории познания называется эмпирическим правилом. Поскольку на уровне обыденного сознания, которому принадлежат народные афоризмы, научные законы и принципы формулироваться не могут, так как не существует категориального аппарата, народные афоризмы вслед за исследователем Тийтанен можно характеризовать как «философские и мировоззренческие правила» [187, с. 13]. Материал эмпирического правила может перерасти, оформиться в научный закон, когда становится элементом научной теории, включается в теоретическую систему.

Разновидностью гносеологической функции афоризма является также его *абстрагирующее-обобщающей функция*. Язык, как известно, является необходимым условием осуществления процессов абстрактного мышления. Чтобы некоторое свойство могло стать отдельным предметом мысли, необходим знак, который бы зафиксировал результат абстрагирующего усилия²⁶. Наиболее удобным знаком для этого является афоризм. Афоризм является вербальной объективацией, материальным выражением содержания мыслительных актов. Он закрепляет абстрактный объект, полученный в результате расчленения конкретных понятий, позволяет обособить труднодоступные для мысли абстрактные объекты и придать им самостоятельность, поэтому необходимость в афоризмах возрастает по мере того, как наша мысль отдаляется от конкретных предметов обыденной жизни. Не все объекты легкодоступны для нашего мышления, не обо всем мы можем составить отдельное, ясное и четкое представление, поэтому мы вынуждены обращаться к легкодоступным объектам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие об объектах сложных и трудно уловимых. Афоризм,

²⁶ Вопрос о соотношении мышления и языка подробно рассматривается в лекции Самсонова В.Ф. «Проблема единства языка и мышления в современной философии» // Самсонов В.Ф. О философии: Современные дискуссионные проблемы. – Челябинск: Изд-во «Околица», 2002. – 84–101.

таким образом, является орудием мысли, при помощи которого мы можем определить самые трудные понятия нашего концептуального поля, поэтому большинство афоризмов определяют абстрактные концепты «любовь», «счастье», «истина», «бытие» и пр. Афоризмы с момента своего возникновения являются не только художественным жанром, но также и формой научно-теоретического познания. Они выполняют роль операторов не только в мифологическом, художественном и практическом типах мыслительного процесса, но и в мышлении научно-теоретическом, высшей формой которого является философское мышление. Философские категории «бытие», «истина», «материя», «противоречие» и пр. в высшей степени абстрактны, поэтому афористический способ мышления необходим для отражения наиболее общих и существенных способов отношения человека к миру. Ортега-и-Гассет следующим образом охарактеризовал специфику философской мысли: «Философская мысль, как никакая другая, постоянно и почти незаметно переходит от прямого смысла к косвенному; она не ограничивается какой-нибудь одной из этих областей» [90, с. 69]. В связи с этим афоризм становится наиболее удобным и лаконичным способом философствования, что будет доказано нами в параграфе 2.3. нашего исследования.

Гносеологическая функция афоризма реализует себя также в том, что афоризм объясняет и служит пониманию явлений объективной реальности. Объяснительная функция афоризма наиболее ярко реализует себя в народных афоризмах, которые в большинстве своем антропоморфичны²⁷. Антропоморфизм, например, отражен в следующих народных афоризмах: *лето собирает, а зима поедает; у зимы поповское брюхо*. Представляя явления окружающего мира как одушевленные, человек получал возможность объяснения источников и причин происходящих в мире событий, овладевал механизмом детерминации. Таким образом, афоризм даже в

²⁷Под антропоморфизмом мы понимаем перенесение присущих человеку свойств и особенностей на явления природы, в чем выражается синкретичное восприятие мира в мифологическом сознании.

своей архаичной форме всегда по своему смысловому содержанию представляет некое знание о мире. Знание, отраженное в афоризмах, может быть обусловлено любой сферой общественного сознания, как это было проиллюстрировано в параграфе 1.3. нашего исследования: обыденным сознанием, наукой, религией, культурой, политикой. Любое знание должно быть зафиксировано и передано потомкам. В этом проявляют себя *аккумулятивная* и *транслирующая* функции афоризма. Информация, аккумулируемая и транслируемая афоризмами, различна по своему содержанию: афоризмы могут отражать различные типы сознания и мировоззрения коллективного субъекта или конкретной личности, результаты познания объективной реальности, социальные нормы.

Гносеологическая специфика афоризма реализуется также в его мировоззренческой функции. Афоризмы, и прежде всего их народный тип, составляют базовый пласт лексики любого национального языка. В связи с этим они отражают особенности мировоззрения и мышления определенного этноса, на основании чего можно говорить об их *мировоззренческой функции*. Афоризмы как базовый пласт языка отражают представления народа о самом себе, своем происхождении, организации, своей судьбе, что во многом это определяет специфику менталитета народа. Так в русских народных афоризмах отражены такие черты русского национального характера, как душевность, трудолюбие, талантливость, лихость, из отрицательных черт – нерасторопность, склонность сначала делать, а потом думать: *русские медленно запрягают, но потом быстро скачут; русский человек хлеб-соль водит; русский человек добро помнит; русский в поле не робеет; русский человек задним умом крепок*. Афоризмы, по нашему мнению, представляют собой логоэпистемы, то есть такие языковые единицы, которые несут в себе определенное знание, вербализуют национальную картину мира, хранят ее и передают от поколения к поколению²⁸. Для человека как социального существа

²⁸Термин «логоэпистема» заимствован нами у лингвистов Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомарова, которым они обозначают пласт национальной лексики (фразеологизмы,

наряду с индивидуальным, самостоятельным способом добывания знаний характерен и другой путь — использование знаний, добытых другими, когда человек просто усваивает и использует некоторые представления общества, в котором он живет. В случаях, если индивидуальное мышление не может помочь, человек обращается к опыту общества, целиком доверяя ему, отбрасывая критические доводы. Эти знания и представления, пригодные для использования большинством в обществе, должны быть обобщены и осмыслены. Афоризм, по нашему мнению, является наиболее экономной и удобной формой обобщения и трансляции социальных представлений.

Будучи универсальным средством передачи социокультурной и этической информации от предыдущих поколений к последующим, афоризмы также выполняют *регулятивную* функцию. К этой группе афоризмов относятся так называемые «этические суждения», которые целиком или частично направленные на возбуждение чувства, на предписание поведения или определенное воздействие на него. Эти афоризмы в первой главе нашего исследования мы идентифицировали как деонтологические нормы, включающие в себя афоризмы-императивы и афоризмы-максимы. Отличительным формальным признаком таких афоризмов является их выраженность в побудительном наклонении и с синтаксической точки зрения тождественность односоставному обобщенно-личному предложению. С гносеологической точки зрения данный тип афоризмов относится к афоризмам практического мышления, поскольку они имеют цель служить руководством в практической деятельности человека, то есть направлены на нормирование поведения человека и выполняют регулятивную функцию. В основе данного типа афоризмов лежит определенная социальная норма. Нормы, зафиксированные в афоризмах, сложились естественно в народном сознании и закрепились в результате традиции и общественного мнения. Принятие нормы происходит на основе рационального решения и внутреннего, эмоционального

пословицы, лексемы), несущий в себе знание как таковое. Смотри книгу С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация», Москва: Слово, 2000. с. 146.

переживания. Социальные нормы, зафиксированные в афоризмах, имеют национальную специфику, определяемую культурной принадлежностью. У каждого народа свои собственные представления о норме, которые отражают в языке и культуре этого народа. Так, например, для языкового сознания русских предпочтительными оказываются такие модели поведения, которые указывают на трудолюбие, гостеприимство и радушие русского человека, что отражено в следующих народных афоризмах: *без труда не выловишь и рыбки из пруда; не красна изба углами – красна пирогами*. Нормы разных этносов, безусловно, имеют национальную специфику, но в целом intersубъективны по своей природе, о чем свидетельствует присутствие одинаковых норм в афоризмах разных народов. Так, например, в турецкой пословице «*нельзя сделать жеребца из осла, отрезав ему уши*» отражена та же норма, что и в английской пословице «*не сделаешь шелкового кошелька из свиного уха*». Афоризмы представляют собой, таким образом, квинтэссенцию intersубъективного морального опыта, накопленного за всю историю человечества.

Регулятивная функция афоризма тесно связана с его *оценочной функцией*. Афоризмы, по нашему мнению, выступают как нормативно-оценочные категории, обозначая, с одной стороны, должное и нравственно-положительное, а с другой, нравственно-отрицательное в поступках и мотивах людей. Обосновывая эти представления в качестве социальных, морально-нравственных ценностей, народная мудрость функционирует как идеология. Проиллюстрируем сказанное на примере того, как в русских народных афоризмах оценивается концепт «гостеприимство». Положительная оценка данной черты национального характера отражена в следующих языковых единицах: *не красна изба углами, красна пирогами; в ногах правды нет*. Отрицательная оценка дана в одной паремии: *незванный гость хуже татарина*. Следует отметить, что оценка в афоризме дается и рационально, и эмоционально. Рациональность оценки в афоризме диктуется здравым смыслом, как, например, в народном изречении *ночью не иди на огонек, кажущийся близким, но иди на вой собаки, хоть он и кажется далеким* дается

рациональный совет, как вести себя в сложных жизненных ситуациях. Эмоциональность оценки в афоризме обусловлена метафорической формой его объективации, наполненной образностью, как, например, в афоризме: *глупость – это тот сказочный кит, на котором стоит мир*. Оценка, выраженная в такой форме, очень впечатлительна и действенна, ибо оказывает эмоциональный эффект на сознание адресата и побуждает его к определенному физическому или ментальному действию. Афоризм, таким образом, благодаря оценочному компоненту приобретает свойство императивности. Под императивностью мы понимаем когнитивное воздействие, в содержании которого описывается более или менее подробно схема поведения, реализацию которой сообщающий императив намерен ждать от принимающего сообщение-императив.

Благодаря императивности афоризмы направлены непосредственно на практическую деятельность. Они заключают в себе стереотипы мышления и поведения и регулируют все сферы жизни человека: труд и быт, политику и науку, семейные и личные отношения. Афоризм воздействует на разум, эмоции, волю человека, приказывает, подчиняет, требует поступать так, а не иначе именно благодаря прямой или подразумеваемой императивности. Императивность афоризма обусловлена интенцией говорящего определенным образом воздействовать на слушающего. Афоризм как императив является когнитивным действием, направленным на волеизъявление говорящего и каузацию деятельности адресата. Субъект коммуникации при помощи афоризма пытается реализовать свою интенцию путем нормирования чужого поведения. В совокупности афоризмов как семиотических систем, по нашему мнению, можно выделить три главных типа императивов, обеспечивающих соблюдение социальных норм:

1) прескриптивные, то есть предписывающие действие адресату: *нагибайся только затем, чтобы поднять павших (Эпикур); на чужой каравай рот не разевай (рус.);*

2) реквестивные, то есть побуждающие к действию, совершаемому в интересах говорящего: *в жизнь нужно входить не веселым гулякой, как в приятную рощу, а с благоговейным трепетом, как в священный лес, полный жизни и тайны (В.В. Вересаев); по крыльям и летай (лак.); уступишь – выиграешь (япон.); вовремя посеянное – вовремя всходит (абх.);*

3) суггестивные, то есть внушающие: *если дорога усыпана розами, ее лучше обойти (Б.Ю. Крутиер); среди малых действуя, мельчаешь, а среди больших и сам растешь (И. Гете).*

По своей интенциональной направленности афоризмы, таким образом, стремятся сделать так, чтобы мир соответствовал словам. С их помощью мы сообщаем другим, каково положение вещей; диктуем рациональные образцы поведения; выражаем свои чувства и отношения. Афоризмы, следовательно, можно охарактеризовать как моральные императивы и практические суждения. С точки зрения гносеологии афоризм предстает как продукт практического рассуждения, целью которого в отличие от теоретического рассуждения является интеллектуальное обоснование не знания, а деятельности. Необходимым компонентом практической деятельности является рациональное поведение, которое немислимо без соблюдения норм морали. Мораль выступает как система нормативной регуляции отношений в социуме. В качестве мотивов морального поведения выступает желание индивида не испытывать отрицательных эмоций (угрызений совести, чувства стыда, мучений из-за сознания невыполненного долга). На то, чтобы избежать подобных негативных состояний, направлена упреждающая активность сознания, удерживающая личность от совершения аморальных поступков. Нормативные предписания, заключенные в афоризмах, следовательно, имеют деонтологический характер, афоризмы имеют обязывающий или дозволяющий характер.

Изучение прагматики афоризма было бы неполным без его *суггестивной функции*, то есть функции внушения, которая обусловлена его эстетической природой. Под «суггестивностью» мы понимаем способность образного знака к

внушению. В теории речевого воздействия под внушением понимается воздействие на подсознание, эмоции и чувства человека, косвенно обеспечивающее воздействие на его ум, волю, поведение. Для объяснения суггестивных механизмов афоризма рассмотрим специфику художественного мышления и поэтического языка и их отличие от мышления рационального и обыденного языка. Английский философ М. Хестером в своей теории поэтического языка, следуя англо-саксонской традиции эмпиризма, выдвигает на первый план сенсорный, данный нам в ощущениях, чувственный аспект языка поэтического. Для гносеологического анализа афоризма концептуальной является идея М. Хестера о том, что поэтический язык создает слияние смысла с ощущениями, чувственным восприятием, что отличает его от языка непэтического, где смысл в силу производности и конвенциональности знака максимально очищен от сенсорного компонента [135, с. 446]. Эту специфику поэтического языка М. Хестер обозначает через понятие «видеть как», восходящего к Л. Витгенштейну. «Видеть как» – это сенсорная, чувственно воспринимаемая сторона поэтического языка, полумысль-получувство: «Видеть как» благодаря своей селективной способности обеспечивает интуитивную связь между смыслом и образом, удерживающую их вместе» [135, с. 451]. Соединение чувственного восприятия и мысли в поэтическом языке французский философ П. Рикеру именуется через понятие «иконичности». По Рикеру, вербальный иконический знак – это «слияние смысла и ощущения; это жесткий объект, подобный скульптуре, – таковым становится язык, освобожденный от референтной функции и явившейся в своей замкнутости, представляя лишь имманентно присущий ему опыт» [135, с. 447]. Итак, специфика поэтического языка заключается в слиянии смысла с потоком вызываемых в сознании образов, именно это слияние, по Рикеру, и обеспечивает подлинную иконичность смысла. Используя терминологию Л. Витгенштейна, можно назвать поэтический язык языковой игрой, в которой назначение слов – вызывать, возбуждать образы. Посредством возбуждения образов поэтический язык приобретает свойство передавать не только

выраженный в вербальной оболочке знака смысл (прямой или метафорический), но и передавать невыраженный смысл, или «подтекст», что называют суггестивной функцией поэтического языка, или функцией внушения. Выраженное значение отличается от невыраженного по ряду параметров: выраженное значение одно, а невыраженных может быть несколько; подтекст в отличие от выраженного значения постигается при помощи интеллектуального усилия; выраженное значение дает знание, а невыраженное приводит к эстетическому наслаждению.

На основании вышесказанного можно заключить, что афоризм – это полумысль-получувство, поскольку он апеллирует не только к рациональной сфере интерпретатора, но и к сфере эмоциональной, возбуждая в сознании реципиента образы и ассоциации. Если рациональная идея, заключенная в афоризме, является результатом логического мышления, то облачается она в художественный образ, продуцируемый художественной формой мыслительного процесса, которое имеет сенсорно-эмпирическую природу. Возбуждая в сознании реципиента определенные образы и ассоциации, афоризму удается воздействовать не только на его рациональную сферу, но также и на эмоционально-психологическое состояние и подсознание. Афоризм, следовательно, оказывает не только сознательное воздействие, то есть убеждает, но и воздействие бессознательное, в чем и раскрывается его суггестивность. Он как бы представляет собой послание на двух уровнях: первое, явное значение афоризма обращено к сознанию реципиента; второе, скрытое, является предложением, адресованным его бессознательному. Афоризм, следовательно, оказывается средством косвенного вербального внушения. Внушение, осуществляемое им, позволяет ему являться одним из средств социального регулирования, а также облегчает понимание и восприятие сложного научного явления, факта, положения.

Суггестивная функция афоризма конкретизируется в его *эмотивной и эстетической функциях*. Главное отличие поэтического языка от языка обыденного, как известно, состоит в эмотивной природе, употребляемой в нем

речи. Под эмотивным способом употребления языка мы вслед за А. Ричардсом, чьи исследования являются на сегодняшний день наиболее авторитетными в области философии риторики, понимаем способность вербальных знаков возбуждать психологические реакции, состоящие из чувств, отношений и умозаключений [138, с. 49]. Афоризмы нацелены на такое художественное воздействие на реципиента, которое вызывает в нем ценностное отношение к миру, определяемое в диапазоне категорий прекрасного или безобразного. Образно-эстетическое воздействие афоризма обусловлено индивидуальной картиной мира его создателя, личностным тезаурусом носителя языка, поскольку образ, лежащий в основе афоризма, может быть по-разному интерпретирован в зависимости от мировоззрения интерпретатора. Афоризмы создают психологическое напряжение у интерпретатора, а их интерпретация приводит к определенному эстетическому эффекту – наслаждению или отвращению. Афоризмы могут вызывать самые разнообразные эмоции у реципиента. Как мы видели из предыдущего анализа, афоризм *жизнь проходит и не кланяется: как сердитая соседка* вызывает чувство грусти, тоски, в нем отражено пессимистичное восприятие жизни. В то же время другой афоризм на данную тему может вызывать прямо противоположные чувства, например, афоризм *жизнь – чистое пламя; мы живем с невидимым солнцем внутри нас* (Т. Браун) отражает оптимистичное отношение к жизни, воодушевляет, вызывает чувство радости. Среди афоризмов в их эмотивной функции большую группу занимают юмористические афоризмы, вызывающие комический эффект. Афоризм, по мнению польского исследователя Б. Дземидока, является «сложной формой насыщенного рефлексией комизма» [57, с. 151]. Юмористические афоризмы помимо эмотивно-эстетического воздействия могут также выполнять гносеологическую функцию в речевом мышлении человека. Такие изречения способны обратить наше внимание на нечто незамеченное, они могут содержать в себе меткие наблюдения об объективной реальности и содержать неожиданно верную интерпретацию того или иного ее факта. Народные юмористические афоризмы, как доказали исследования

этнографов и антропологов, выполняли роль регулятора поведения и нравов у народов, находящихся на ранней стадии общественного развития. Насмешка и шутка становятся санкцией, принуждающей соблюдать общественные нормы, а также своего рода репрессией против индивида, совершившего антиобщественный поступок.

Резюмируя все вышесказанное, можно выделить следующие функции афоризмов в речевом мышлении: гносеологическую, аккумулятивную, регулирующую, нормативно-оценочную, мировоззренческую, суггестивную, эмотивную, эстетическую.

2.3. АФОРИЗМ КАК ФОРМА ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Взаимосвязь языка и культуры носит онтологический характер, что проявляется во взаимосвязи и взаимозависимости данных феноменов. Язык является не только продуктом культуры, ее составной частью, но и важнейшим условием ее существования, главным фактором формирования культурных кодов, поскольку без языка культура не может существовать. Культура живет и развивается в «языковой оболочке» языка, и если примитивные культуры были «вещными», то современные становятся все в большей степени вербальными. Представление о языке как форме бытия человека, а, значит, и культуры зародилось в мифологическом сознании и достигло своего апогея в философии языка М. Хайдеггера. Уже в мифологическом сознании становится очевидным, что о самом себе человек мыслит в знаковой форме, его существование определено знаковой парадигмой, как и представление о существовании и несуществовании вообще. Для мифологического сознания нет принципиальной разницы между сотворением реальной действительности и сотворением ее вербальной модели. В этом единстве словесной модели и материальной реальности наиболее полно воплощено представление об организующей функции слова. Неразрывная и изначальная связь языка, бытия и человеческого существования становится фундаментом философии языка М. Хайдеггера.

Понимая язык не лингвистически как замкнутую автономную систему знаков, действующую по своим собственным, независимым от внешней реальности законам, а философско-онтологически, Хайдеггер обнаруживает в словах языка глубокую изначальную бытийную основу – «сказ». Используя метод вслушивания в язык, мыслитель открывает в нем «просветляющее-утаивающее явление самого Бытия» [168, с. 199]. Сращивание языка и бытия, их изначальное единство, взаимосвязь и взаимозависимость находит выражение в знаменитом афоризме Хайдеггера «*язык есть дом бытия*»: «Человек не только живое существо, обладающее среди прочих своих способностей также и языком. Язык есть дом бытия, живя в котором человек экзистировать, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей» [Там же, с. 203].

Итак, исходя из концепции языка как пространства мысли, «дома бытия», следует, что язык является онтологическим условием бытия человека. Культура является одной из ключевых форм бытия человека. Следовательно, язык есть онтологическое основание культуры и связь между этими относительно самостоятельными феноменами носит онтологический характер. В контексте обозначенного нами онтологического единства языка и культуры представляется важным рассмотреть такую специфическую языковую единицу, как афоризм в качестве формы обыденного сознания. Изучением афоризмов занимается преимущественно филология, но филологические исследования афоризма сосредоточены вокруг рассмотрения афоризма как малой текстовой формы, либо как литературного жанра. Между тем, афоризм закономерно может быть объектом философско-культурологического анализа по ряду причин. Во-первых, афоризм как единица языка представляет объективную реальность в нашем сознании, и его рассмотрение в философско-культурологическом ракурсе касается связи и взаимодействия обыденного и философско-теоретического сознания в их отношении к языку и культуре. Во-вторых, афоризм – это также специфический тип мировоззренческого отражения бытия, заключающий в себе стереотипы ментального сознания этноса. В связи с этим афоризм является объектом изучения

лингвокультурологии, изучающей определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности. В-третьих, афоризм является продуктом культурного сознания эпохи, в которую он родился. Генезис культуры демонстрирует востребованность афоризма как формы саморефлексии на разных стадиях развития культуры. Так, например, афоризм является квинтэссенцией мысли эпохи классицизма и как следствие главным литературно-философским жанром этой эпохи, яркие образцы которого оставили такие выдающиеся мыслители, как М. Монтень, Ф. Ларошфуко, Б. Паскаль, Ж. Лабрюйер. Философско-культурологический анализ афоризма актуален также в виду все углубляющейся экспансии философии и культурологии в лингвистическую проблематику, характерной для XX века. После работ М. Хайдеггера, Г. Гадамера, К. Леви-Строса становится общепринятым осознание языка как фундаментальной антропологической универсалии, как первой и главной структуры человеческой и культурной жизни. Учитывая указанные аспекты афоризма, изучение его в контексте онтологического единства языка и культуры наполняется философско-культурологической проблематикой.

Под обыденным сознанием принято понимать наивное, вненаучное отражение и понимание мира человеком, фиксирование которого осуществляется через пласт бессознательного и языковые структуры. Обыденное сознание опирается на здравый смысл, и на его основе формируется наивная картина мира, отличающаяся прагматичностью. Претендуя на абсолютную истину, знания, составляющие наивную картину мира, могут сколько угодно отходить от того, что посчитала бы объективной истиной традиционная наука. Их критерием выступает не формально-логическая непротиворечивость, а сама по себе целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей матрицей для структурирования опыта. Вопрос о соотношении обыденного и научного сознания является предметом обсуждения с незапамятных времен. Но особую остроту эта проблема

приобрела в последнее десятилетие. Монополия науки на истину впервые была подвергнута сомнению представителя феноменологического направления в философии и социологии, прежде всего, его основателем Эдмундом Гуссерлем. Он утверждал, что «наука не дает возможность проникнуть в «жизненный мир». Наоборот, она подменяет живой человеческий мир миром объективных абстракций. Проблема, которую ставил Гуссерль в своей концепции «жизненного мира», есть проблема знания о мире как продукте и инструменте практической человеческой деятельности. При этом он подчеркивал необходимость изучения структуры обыденного сознания, обуславливающего любое и каждое знание. По Гуссерлю, понимание научного познания возможно лишь на основе понимания «жизненного мира». Поэтому он видел задачу феноменологического исследования в том, чтобы связать истины науки с истинами человеческой субъективности, реформировать науку, придав ей гуманистический смысл [49, с. 544].

Изучение структур обыденного сознания, следовательно, имеет важное значение для объяснения познания человеком объективной действительности в целом. Поскольку культура является важной частью бытия человека и обыденное сознание присутствует в любой культурной парадигме, то изучение обыденного сознания с культурологической точки зрения позволяет исследовать закономерности развития феномена культуры. Как было сказано выше, обыденное сознание проявляет себя в языковых структурах. Наиболее явной и оригинальной языковой формой проявления обыденного сознания, на наш взгляд, является афоризм. Мысль о том, что афоризмы являются формой обыденного сознания, базируется на концепциях языка выдающегося лингвиста и философа В. Гумбольдта, а также представителей неогумбольдтианства в XX веке – Э. Сепира и Б. Уорфа. Суть данных концепций заключается в положениях о способности языка влиять и во многом определять мышление, а значит, и содержать в себе мировоззрение (обыденное сознание) того или иного этноса. Так, Э. Сепир и Б. Уорф пишут следующее о познавательной функции языка: «Мы расчлениаем природу в направлении, подсказанном нашим

языком... Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [146, с. 174].

Основываясь на положениях концепции В. Гумбольдта и его последователей о гносеологической функции языка, мы целесообразно заключаем, что афоризм является формой выражения обыденного сознания, поскольку в нем с точки зрения здравого смысла объясняются явления объективной действительности. Наивная картина мира, содержащаяся в афоризмах как явления культуры, интерсубъективна, она репрезентирует конвенционально принятое знание о мире человечества в целом. На интерсубъективности афоризмов, заключающейся в их способности являться знаками определенных ситуаций или определенных отношений между вещами, строил свои исследования крупный российский паремиолог Г.Л. Пермяков. В частности, он заметил, что пословицы разных народов (*в нашей терминологии народные афоризмы – Н.Д.*), несмотря на разный набор образов, отражающих реалии данных этносов, часто совпадают по логической форме их содержания [116, с. 17]. Например, логическое содержание следующих пословиц соответствует утверждению, что при отсутствии лучшей вещи худшая может ее заменить: *на безрыбье и рак – рыба* (по-русски); *где нет фруктов, там и свекла за апельсин сойдет* (по-персидски); *если нет мяса, и грибы идут в суп* (по-китайски) и т.д. Имплицитный смысл афоризмов разных народов, таким образом, всегда представляет собой вывод, знание о жизни определенной нации, которые в силу общности человеческой природы, несмотря на присущую им национальную специфику, интерсубъективны по своей сути. Афоризмы, следовательно, служат формой закрепления вечных истин,

непреходящих ценностей, нравственных идеалов и «рецептов» решения жизненных проблем в вербальной памяти того или иного этноса. В то же время, несмотря на свое свойство являться знаками жизненных ситуаций, афоризмы составляют национальный пласт языка определенной нации и, следуя формуле «язык – код к душе народа», сформулированной впервые В. Гумбольдтом, мы можем по афоризмам судить о чертах национального характера определенного этноса. Данным аспектом исследования афоризмов занимаются лингвокультурология и когнитивная лингвистика.

Афоризм является специфической формой обыденного сознания, по нашему мнению, в силу особой смысловой организации данного феномена культуры. Опираясь на диалектику чувственного и рационального в процессе познания, мы считаем целесообразным выделение в смысловой структуре афоризма двух ключевых компонентов, которые выступают в своем единстве: рациональный и эмоциональный компоненты. Основу значения афоризма составляет, конечно, рациональный компонент, представленный суждением как формой мысли. Рациональный компонент значения афоризма – это мысль, заключенная в афоризме, которая собственно и является отражением обыденного сознания. В зависимости от субъекта афоризма обыденное сознание, заключенное в нем, может носить народный (в случае с народными афоризмами) или личностный характер (в случае с авторскими афоризмами). В любом случае имплицитный смысл афоризма антропоцентричен, поскольку субъект афоризма познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Особенно ярко это прослеживается в народных афоризмах. Через явления внешнего мира, отраженные в эксплицитном смысле афоризма, коллективный субъект осознает явление своего собственного бытия. Самосознание и самопознание, выраженное в народных афоризмах, является коллективным, этническим, и представляет собой переход от антропоморфизма, наделяющего природные явления человеческими свойствами, к изучению человека как самостоятельного субъекта бытия. В них отражен переход от родового, первобытного, синкретичного сознания, где

личность еще не выделялась, к индивидуальному самосознанию. Имплици́тный смысл народного афоризма, таким образом, воплощает в себе особенности национального менталитета, наиболее общие черты мировоззрения того или иного этноса, его аксиологическую и этическую системы.

Но восприятие рациональной мысли, заключенной в афоризме, осложняется тем, что она дана в иносказательной форме, требующей процесса интерпретации. Афоризм представляет собой такую структуру значения, где один смысл (эксплицитный), – прямой, буквальный, очевидный означает одновременно и другой смысл (имплицитный), – косвенный, иносказательный, который может быть понят только через первый смысл. В этом отношении афоризм как культурный феномен подобен символу. Многозначность афоризма делает необходимым процесс его интерпретации, поскольку интерпретация, как справедливо заметил французский философ П. Рикер, – «это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [135, с. 18].

Интерпретация познающим субъектом эксплицитного и имплицитного смысла неоднозначна. Имплицитный смысл «разлит» по всему афоризму, он не формулируется четко, и глубина его понимания может варьироваться от субъекта к субъекту. Эксплицитный смысл, напротив, более доступен для восприятия, но в нем имеет место частичная семантическая незавершенность, которая стимулирует к поиску имплицитного смысла. В большинстве случаев афоризмы абсурдны и парадоксальны внешне, как, например, следующие: *деньги – нерв войны* (Цицерон); *ученость – сладкий плод горького корня* (Платон); *назвался груздем – полезай в кузов* и т.п. Именно семантическая противоречивость, часто логический абсурд при интерпретации афоризма заставляет отказаться от прямого смысла высказывания и искать его внутренний скрытый смысл. Даже если эксплицитный смысл афоризма логически верен, соответствует объективной действительности, что наблюдается в ряде народных афоризмов (*лес рубят – щепки летят; как*

аукнется, так и откликнется), в процессе интерпретации возникает вопрос, что этим хотел сообщить субъект высказывания. Вследствие этого, становится очевидным, что данные выражения употреблены в переносном смысле, то есть являются метафорами. Момент перехода от восприятия прямого смысла афоризма к поиску его имплицитного смысла назовем *моментом смыслового слома*. Как видно из обоих случаев, смысловой слом в афоризме происходит посредством функционирования в его структуре метафоры как общего принципа введения переносного смысла. Метафора выступает в афоризме в качестве переключателя между вербализуемым и подразумеваемыми смыслами.

Рациональное содержание, которое несет в себе афоризм, благодаря метафорической форме, в которую оно заключено, оказывает влияние не только, на разум, но и на эмоции и волю познающего субъекта. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть эмоциональный компонент значения афоризма, под которым мы понимаем те эмоционально-образные и экспрессивно-оценочные смыслы, которые заключает в себе афоризм. Эмоциональный компонент значения афоризма также реализует себя посредством метафоры. Анализируя механизмы метафоризации в прагматике языка, немецкий философ Г. Клаус доказал, что «наша деятельность, управляемая «выходом» сознания довольно часто может получать через метафоры более сильные импульсы, нежели посредством ясного логического доказательства» [72, с.173]. Применительно к афоризмам как метафорическим образованиям, вывод Клауса имеет, на наш взгляд, важное значение, поскольку именно образность, заключенная в афоризме как реализации метафоры, служит тем импульсом, который оказывает влияние на наше сознание, а, значит, и деятельность, то есть выполняет регулятивную функцию. Художественно-эмоциональный строй афоризмов способствует непосредственному, неосознаваемому усвоению норм поведения, содержащихся в них, переносу их «на себя». Афоризмы регулируют все сферы бытия человека (практическую, эстетическую, религиозную), но более всего нравственную, вследствие чего

они представляют собой определенные нравственные идеалы, из которых выводятся нормы и принципы поведения человека.

Нравственный идеал, заключенный в афоризме, несет в себе императив, то есть приказывает, подчиняет, требует поступать так, а не иначе, в непосредственной практической деятельности, реализуя этот идеал, и тем самым воздействует на волю человека. Благодаря ценностной ориентации императивы морали в афоризмах переходят из внешнего побуждающего фактора во внутренний, в субъективное начало поведения. Таким образом, афоризмы, входя в систему убеждений личности и становясь внутренней побуждающей и принудительной силой, выступают в качестве мировоззренческого стержня личности. Этический смысл, заключенный в афоризме, обуславливает способность афоризма быть средством воспитания.

Таким образом, афоризм как форма обыденного сознания является неотъемлемым компонентом культурного пространства. Изучение его в качестве культурного феномена имеет широкие перспективы: афоризмы могут изучаться как национальный пласт языка, и на их основе могут решаться проблемы соотношения языка и мировоззрения, культуры и языковой личности; афоризмы необходимо рассматривать также как продукт культурного сознания определенной эпохи; афоризмы можно трактовать также с точки зрения нравственной интенциональности как части этической и аксиологической систем. Афоризмы как выражение интерсубъективной наивной картины мира демонстрируют диалектику объективного и субъективного в процессе познания человеком объективной реальности. Духовная потребность человека ориентироваться в объективной действительности вынуждает его «выбрать» из множества культурных текстов, с которыми он сталкивается, такие, которые он полагает истинными. Афоризмы представляют собой такие полагаемые истинными концептуальные структуры, которые репрезентируют его мнение о различных аспектах бытия.

2.4. ЯЗЫК И ИДЕОЛОГИЯ: АФОРИЗМ КАК ИДЕОЛОГЕМА

*Те, кто надел на глаза шоры, должны помнить, что в комплект входят
еще узда и кнут.*

Станислав Ежи Лец

Специфика мышления современного человека заключается в том, что оно протекает преимущественно в знаковой парадигме. При любой мыслительной операции человек в первую очередь сориентирован на извлечение информации, аккумулированной в знаках. Нас окружает множество знаков и знаковых систем. Некоторые появились столь недавно, что еще нет уверенности в их живучести; другие существуют уже не одно столетие и по мере своего существования увеличивают круг ассоциаций и оттенков своего значения. Совершенно особое место среди окружающих человека знаков занимают афоризмы. Облекая в краткую словесную форму объемное абстрактное содержание, часто скрывая за банальным суждением решение противоречивой проблемы, афоризмы оказывают колоссальное влияние на нашу духовную жизнь, облегчая нам выбор, доказывая нашу правоту, служа уникальным «компасом» в мире противоречий и сомнений. Сами по себе афоризмы воздействуют на наше мировоззрение, корректируют его в соответствии с моральными нормами и здравым смыслом. Рассмотрим конкретные свойства афористических суждений, которые оказывают влияние на наше мировоззрение и соответственно определяют использование афоризмов различными идеологическими системами для его изменения.

Человеческое сознание соприкасается с бытием не непосредственно, а через медиум окружающего его идеологического мира. Идеологическая среда, обхватывающая человека плотным кольцом со всех сторон, крайне неоднородна по своей структуре: в нее входят научные утверждения, политические лозунги, религиозные символы и верования, художественные образы, философские концепции. Совокупности данных знаков, ориентированных на практические интересы и имеющих целью управление людьми путем воздействия на их сознание, социология называет идеологией.

Любая идеология, будь то политическая, религиозная или научная, исходит из определенным образом познанной или сконструированной реальности и претендует на абсолютную истину. Данное свойство идеологии французский семиолог Ролан Барт описал следующим образом: «Идеология – это одна из возможных точек зрения на мир, которая претендует, чтобы ее воспринимали как единственно верную» [12, с. 18]. Реальное сосуществование и постоянное взаимодействие различных идеологий образуют идеологический дискурс, в который погружен каждый человек как субъект. Для современного человека этот дискурс образуют лозунги и программы политических партий, обращения религиозных сект и догматы официальной религии – словом, все то, что обращено напрямую к мировоззрению человека, стремится это мировоззрение фундаментально изменить. Идеологический дискурс носит знаковый характер, поскольку знак является универсальной формой коммуникации и передачи социального опыта, а идеология составляет значительную его часть. Общеизвестными идеологемами (т.е. символическими элементами идеологии) являются, например: серп и молот как символы труда в коммунистической идеологии; вино и хлеб как символы тела и крови Христовой в православной идеологии. Гербы государств и эмблемы партий, оставивших след в истории, будут для современного человека неизбежно ассоциироваться с их идеологией и соответственно вызывать то или иное эмоциональное отношение. Так красная пятиконечная звезда в большинстве случаев будет связываться со справедливой классовой борьбой, а черная свастика – с угнетением, циничным уничтожением людей, беспросветным социальным безумием. На знаковость как ключевое свойство всего духовно-идеологического указал выдающийся русский мыслитель М.М. Бахтин. Всякий идеологический продукт отражает и преломляет действительность. Следовательно, «все идеологическое обладает значением: оно представляет, изображает, замещает нечто вне его находящееся, то есть является знаком. Где нет знака – там нет и идеологии» [12, с. 353]. Знак, можно сказать, является конечным результатом идеологического переосмысления действительности, то есть видимым, слышимым, осязаемым

свидетельством того, что материальная действительность была преобразована и обращена на службу идеологии. Когда молот перестает быть собственно молотом и становится частью идеологической системы? Когда оказывается на гербе.

Наиболее универсальной знаковой формой существования идеологии является, конечно, язык. Универсализм языка обусловлен его идеологической нейтральностью, так как слово может выполнять любую функцию: научную, эстетическую, моральную, религиозную. Язык является необходимой субстанцией любой идеологии и формой ее выражения, о чем свидетельствует многообразие вербально-идеологических форм, отражающих бытие социума: политические лозунги, философские категории, религиозные заповеди и пр. Наиболее ярко взаимосвязь языка и идеологии прослеживается на примере политической идеологии, когда язык становится агитационно-политическим средством, от которого зависит оказываемое политиком воздействие на сознание и поведение народа. Политик в своей речи никогда не отходит от программы, выработанной его партией или положенной в основу существующей в государстве системы социального устройства. Убеждая, обвиняя, призывая, политический деятель вновь и вновь вербализует основные пункты этой программы, и от разнообразия вербальных форм зависит эффективность его обращения.

Итак, идеология по способу своей объективации всегда вербальна, ее цель заключается в воздействии на сознание людей, а язык является самой эффективной формой такого воздействия. Язык выступает в качестве посредника идеологии, посредством которого мы устремляемся к реальности. «Проблемы смысла не существовало бы, если бы знаки не были средством, условием, медиумом, благодаря которым существующий человек стремится определить свое местоположение, спроецировать себя вовне, понять себя», – характеризует знак французский философ Поль Рикер [135, с. 369]. Человек, таким образом, не бесстрастный интерпретатор идеологических знаков. Потребность – вначале физическая, а позднее и духовная, – ориентации в мире

вынуждает его «выбрать» из множества идеологических знаков, с которыми он сталкивается и которые он способен осмыслить в своей концептуальной системе, такие, которые он полагает истинными, которые он принимает и которые поэтому являются значимым и входят в его «жизненную» идеологию. Речь идет о выделении таких идеологических структур, которые репрезентируют его мнения о мире, к каким бы аспектам мира они ни относились. Множество таких «отмеченных», связанных друг с другом и со всей концептуальной системой структур, и образует систему мнений носителя языка, или его жизненную идеологию, как подсистему идеологической сферы общества. Важное место в жизненной идеологии каждой личности занимает феномен афоризма, который как символическое тело становится нормой, регулирующей наше воспитание, привычки, социальное поведение и объем культурной памяти.

Целесообразность рассмотрения в этой связи афоризма связана с тем, что афоризм является универсальным идеологическим знаком (идеологемой), способным быть агитационно-политической, религиозной, этической, эстетической, философской формой. В семиотическом отношении афоризм представляет собой многоярусную смысловую конструкцию: кроме поверхностной структуры (изобразительная оболочка), обладающей эксплицитным смыслом, афоризм также обладает глубинной структурой (концептуальная сущность афоризма, его «подтекст»), составляющей его имплицитный смысл. Афоризм устроен так, что его изобразительная оболочка отсылает к его концептуальной сущности. Рассмотрим, как функционируют данная семиотическая структура в идеологическом бытии социума.

Для выражения идеологии эмоциональность речи имеет важное, а иногда и решающее значение в достижении прагматических целей коммуникации, ради которых и создаются речевые акты, так как в эмотивно-экспрессивных вариантах высказывания объем речевой информации значительно больше, чем в нейтральных вариантах. Об этом знают политики, акцентирующие внимание аудитории на наиболее важных моментах сообщения с помощью речевой

экспрессии, которая проявляется в использовании соотнесенных друг с другом фонетических, грамматических и семантических средств, таких как выбор формальной оболочки текста (метафора, аллитерация, рифма); подбор лексических единиц (например, использование словосочетаний с ярко выраженными эмоциональными составляющими) и др. Афоризм является наиболее экспрессивной коммуникативной формой, поскольку он всегда метафоричен, включающей в себя помимо коммуникативно-информационного содержания также содержание прагматическое. В основе афоризма лежит намерение говорящего определенным образом воздействовать на слушающего. Рассмотрим для примера общественно-политический афоризм Станислава Ежи Леца: *«Те, кто надел на глаза шоры, должны помнить, что в комплект входят еще узды и кнут»*. Автор данного афоризма пытается разбудить сознание адресата, занимающего позицию человека, которого не касаются процессы, происходящие в обществе. Метафорой общественной пассивности являются «шоры на глазах». Автор афоризма напоминает посредством метафор «узды» и «кнута», что общественная пассивность приводит к тому, что человек становится объектом манипулирования и политической агрессии.

Афоризм, таким образом, ориентирован на речевое (прагматическое) воздействие, поэтому становится удобной вербальной формой для выражения идеологии. Кроме того, сам афоризм является продуктом идеологического творчества, или идеологемой, используя терминологию М.М. Бахтина [14]. Под речевым (прагматическим) воздействием мы понимаем влияние, оказываемое субъектом на сознание и поведение массы, осуществляемое на основе вербальных знаковых систем. Речевое воздействие знаков в процессе общения изучает специальный отдел семиотики как науки о знаковых системах – прагматика языка. Афоризм является универсальной идеологемой в силу того, что сам он есть продукт идеологического творчества, обладающий прагматической направленностью, ориентированный на практическую деятельность людей и способный быть формой выражения всего духовно-идеологического бытия социума. Речевое воздействие афоризма обусловлено

интенцией, мотивом, намерением говорящего, лежащим в основе данного речевого акта. Благодаря своей интенциональности афоризм является формой объективации сознания человека, а, значит, и его идеологии, поскольку идеология неотделима от сознания и является его продуктом. Действительно, любой афоризм – это, прежде всего, объективация мировоззрения, духовного мира и идеологии конкретной личности, личности неординарно мыслящей. Так, например, афоризмы Фридриха Ницше объективируют его особое видение мира, отражают его взгляды на государство: *«Почти каждый политик при известных обстоятельствах настолько нуждается в честном человеке, что он, подобно голодному волку, врывается в овчарню, – но не для того, чтобы пожрать похищенного барана, а для того, чтобы спрятаться за его мягкой спиной»* [105, с. 442]. Афоризм является наиболее удобной формой объективации индивидуального и народного сознания. В его лаконичном и емком по глубине мысли формате сознание реализовывает себя и становится фактом социального общения, входя в системы морали, искусства, философии, религии, права. Так, имплицитный смысл народного афоризма антропоцентричен, поскольку субъект афоризма познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Через явления внешнего мира, отраженные в эксплицитном смысле афоризма, коллективный субъект осознает явление своего собственного бытия. Самосознание и самопознание, выраженное в народных афоризмах, является коллективным, этническим, и представляет собой переход от антропоморфизма, наделяющего природные явления человеческими свойствами, к изучению человека как самостоятельного субъекта бытия. В них отражен переход от родового, первобытного, синкретичного сознания, где личность еще не выделялась, к индивидуальному самосознанию.

Становясь частью общественного сознания, афоризм способен оказывать и обратное влияние на сознание людей, выступающих в роли адресатов, а через их сознание на общественную жизнь и социальное поведение. Так, многие афоризмы заключают в себе целые идеологические программы. Например,

знаменитый афоризм Фрэнсиса Бэкона «*Знание – сила*» аккумулирует в себе установку на практическую ориентацию науки, подчинение науки нуждам общества. Афоризм, таким образом, является материальным выражением индивидуального и коллективного сознания и превращает их в объективный факт. В зависимости от того, какая идеология присуща субъекту афоризма, можно выделять афоризмы как форму «жизненной идеологии», как философскую, эстетическую, общественно-политическую, религиозную идеологемы. Поскольку формат данной статьи не позволяет рассмотреть все идеологическое многообразие афоризмов, остановимся на рассмотрении афоризма как формы «жизненной идеологии» и как философской идеологемы.

Под жизненной идеологией мы понимаем, следуя М.М. Бахтину, всю совокупность жизненных переживаний и непосредственно связанных с ними внешних выражений. Жизненная идеология – стихия неупорядоченной и незафиксированной внутренней и внешней речи, осмысливающей каждый наш поступок, действие и каждое наше «сознательное» состояние [14, с. 196]. Жизненная идеология человека – это, по сути, система принципов, которыми человек руководствуется в своей повседневной деятельности, в нее входит его мировоззренческие установки, в том числе система ценностей. Поскольку каждый индивид проходит процесс социализации, его жизненная идеология вбирает в себя идеологические установки определенного социума и этноса, непременным компонентом которых являются этические и аксиологические нормы. Афоризм как форма объективации жизненной идеологии включает в себе ценностно-этические нормы определенного этноса, что особенно ярко прослеживается в народных афоризмах. Так, например, народные афоризмы (пословицы) русских аккумулируют в себе такие «правила жизни» русского человека, как гостеприимство (*не красна изба углами, красна пирогами*), трудолюбие (*любишь кататься – люби и саночки возить*). Имплицитный смысл афоризмов разных народов, следовательно, всегда представляет собой вывод, знание о жизни определенной нации, которые в силу общности человеческой природы, несмотря на присущую им национальную специфику,

интерсубъективны по своей сути. Афоризмы, следовательно, служат формой закрепления вечных истин, непреходящих ценностей, нравственных идеалов и «рецептов» решения жизненных проблем в вербальной памяти того или иного этноса. Имплицитный смысл народного афоризма воплощает в себе особенности национального менталитета, наиболее общие черты мировоззрения того или иного этноса, его аксиологическую и этическую системы. Нравственный идеал, заключенный в афоризме, несет в себе императив, то есть приказывает, подчиняет, требует поступать так, а не иначе, в непосредственной практической деятельности, реализуя этот идеал, и тем самым воздействует на волю человека. Благодаря ценностной ориентации императивы морали в афоризмах переходят из внешнего побуждающего фактора во внутренний, в субъективное начало поведения. Афоризмы, входя в систему убеждений личности и становясь внутренней побуждающей и принудительной силой, выступают в качестве идеологического стержня личности.

Обязательным компонентом жизненной идеологии личности помимо ценностно-этических установок являются общественно-политические взгляды: взгляды на соотношение власти и государства, личности и социума, политики и права. Общественно-политические взгляды являются неотъемлемым компонентом идеологии каждого члена общества, поскольку любые изменения в обществе отражаются на его жизни. В связи с этим во всей совокупности афоризмов так распространены афоризмы на общественно-политическую тему, и это необязательно афоризмы политиков. Общественно-политические афоризмы как правило содержат в себе оценку различных социальных явлений, как, например, следующие: *Революция испаряется, и остается только ил новой бюрократии (Франц Кафка); Плеть способна заставить людей согнуть в труде спину, но она не в силах побудить их к духовному созиданию (Шолом Али).*

Жизненная идеология человека, профессионально занимающегося философией, отлична от идеологии простого обывателя. Философ

воспринимает мир сквозь призму философских категорий, иначе говоря, сквозь призму вечности. Афоризм в силу своей многослойной смысловой организации и лаконичного формата становится одним из востребованных философских жанров и способов объективации своих идей, или философской идеологемой. Афоризм – это базовый, конструктивный элемент философского произведения, «атом вечности» по Ницше. Афоризм лучше всех других жанров способен отражать органически присущий человеку конфликтный способ познания мира. «Индивидуальный опыт и логическая система, – пишет немецкий философ Г. Нойманн, – чувства и рассудок, свойство детализации и абстрагирования воплощены в афоризме в их противоречивой нерасторжимости» [163, с. 170]. Немецкие афористоведы считают, что «человек как существо, находящееся в упряжке между рассудком и чувством, способен познавать мир, только пребывая в постоянном конфликте, его мысли, как маятник, колеблются между конкретной ситуацией и ее осмыслением. Наилучшей формой этой противоречивой взаимосвязи является афоризм» [Там же, с. 170]. Форма афоризма является востребованной уже античной философией, о чем свидетельствует книга Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях великих философов». Но, пожалуй, самым афористичным можно считать стиль Гераклита, что отмечает М. Мамардашвили в «Лекциях по античной философии»: «Гераклит решил выявить проблему бытия, приведя в движение слова, семантические и синтаксические связки, посредством которых мы можем говорить о бытии. Он их столкнул, а свою роль свел к роли афориста (...), который в зазоре между сталкиваемыми фразами попытался выявить пространство смысла и так создать пространство понимания. Он считал – и это было его исходным пафосом, – что то, что он говорит, нельзя понять прямо и изложить в виде теории, а можно лишь навеять, чтобы смысл сам появился в голове читателя или слушателя в качестве конечного продукта самого парадоксального (или экспериментального) движения мысли в тексте или словах Гераклита» [93, с. 75–76]. В неклассической философии форма афоризма становится излюбленным способом философствования А.

Шопенгауэра, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, М. Хайдеггера. Афоризм как философская идеологема является отличительной чертой «литературной» философии с ее эссеистической манерой письма и метафоричностью мысли, противостоящей философии позитивной, требующей от языка философии логической четкости и однозначности. Причина, по которой афоризм, на наш взгляд, становится философской идеологемой, заключается в его амбивалентности: в основе афоризма лежит антиномия рационального и внерационального (сенсорного), интуитивного, образного, иконического. Рациональное в афоризме заключается в том, что его смысловое ядро образует мудрая мысль, претендующая на истинность и непосредственно связанная с практической деятельностью человека, что делает афоризмы кладзем житейской мудрости, своеобразным пособием по практической философии индивида. Истина, схваченная в афоризме, всегда антропоцентрична и касается непосредственно бытия человека, она опирается на здравый смысл и принимает форму практического совета, рекомендации, что делает возможным рассмотрение афоризма в прагматическом аспекте. В то же время данная истина вербально объективируется в художественной форме, основанной на принципиальной недосказанности и метафоричности. Художественность – категория мышления поэтического, являющегося альтернативой рационализму. Афоризм, таким образом, представляет собой продукт синтеза поэтического мышления и здравого, практического смысла.

Аргументом в пользу эвристичности афоризма является концепция языка М. Хайдеггера, где поэтическое мышление возводится в статус единственной процедуры, в рамках которой возможно внерациональное схватывание сущности, никогда не открывающейся в процедурах логико-рационального, сциентистски ориентированного препарирования. Согласно Хайдеггеру, в рамках европейского рационализма идеал поиска истины оказывается замещенным сциентистским идеалом формально-логической строгости: там, где техника становится инструментом снятия завес с бытия, там человек оказывается не субъектом, вслушивающимся в имманентное и потаенное

звучание бытия, но субъектом, претендующим на предписывание нормы, фиксацию меры, формулировку претендующих на исчерпывающий статус дефиниций. Полагая возможным постижение истины посредством языка, философ противопоставляет деформированный грамматикой язык как язык неподлинный языку поэзии, хранящему тайны бытия.

Афоризм как философская идеологема является, таким образом, конструкцией смысла, которая в метафорической форме открывает истину бытия. Само же бытие в качестве объективной реальности остается нам недоступным, его всегда покрывает первоначальный метафорический контур, расплывающийся по своим границам. Другими словами, бытие, или то, что мы признаем в качестве «бытия», — это всегда метафорически интерпретированное бытие, и афоризм является устойчивой идеологической формой этой интерпретации.

Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать, что афоризм является наиболее наглядной формой отражения идеологии в языке. Под идеологией мы понимаем не конкретно политическую идеологию, а всю совокупность духовно-идеологического бытия социума, включающего в себя не только политику, но и науку, философию, искусство, мораль, религию. Афоризм является универсальной идеологемой, поскольку сам является продуктом идеологического творчества и способен нести любое идеологическое содержание: научное, религиозное, философское и пр. Афоризм как «жизненная» идеологема присутствует в мировоззрении каждой личности, становясь нормой ее воспитания и социального поведения. Амбивалентность афоризма, его лаконичный формат и многозначная конструкция смысла делают афоризм не только формой обыденного сознания, но и формой научно-теоретического отражения мира, или философской идеологемой, способной вместить в себя все многообразие философских практик мышления и открывающей в метафорической форме истины бытия.

2.5. АФОРИЗМ КАК СПОСОБ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

*Нести при себе золото в неотчеканенном виде связано с неудобствами;
так поступает мыслитель, лишенный формул.*

Ф.Ницше

Целью данного параграфа является изучение афоризма в философском дискурсе. Нам необходимо рассмотреть афоризм как способ философствования, его место и роль в теоретическом языке философии, необходимо также объяснить, почему афоризм как форма мысли столь востребован в неклассической «литературной» философии. Следует отметить, что, анализируя философский афоризм на различных этапах развития философской мысли, мы выделяли мыслителей, чей язык, на наш взгляд, является наиболее афористичным. Такими мыслителями являются большинство древнегреческих философов, мыслители эпохи Нового времени (Б. Паскаль, Ф. Ларошфуко, М. Монтень и др.), Ф. Ницше, М. Хайдеггер и постмодернистские философы как представители современного философского дискурса. Учитывая ограниченный формат нашей диссертации, мы не смогли рассмотреть глубоких представителей этого философского жанра в лице философов Просвещения и отечественной философской мысли: П. Чаадаева, Л. Толстого, Н. Бердяева, В. Розанова, И. Ильина и др. Также крайне афористична восточная философская традиция. Изучение собственно философского афоризма, по нашему мнению, заслуживает того, чтобы стать темой самостоятельного исследования. Мы же в своем исследовании рассматриваем философский афоризм как один из типов данной семиотической системы. Кроме того, философский афоризм интересен нам с точки зрения прагматики языка, как способ употребления афоризма в языке философии.

Афоризм, по нашему мнению, является не только языковой формой мысли в ее коммуникативной направленности, но также одним из способов философствования, возникшим на заре философии и особенно актуализирующимся в текстах неклассической философии, а именно в

философских произведениях Артура Шопенгауэра, Фридриха Ницше, Мартина Хайдеггера, Жака Деррида, Жюль Делеза, Мориса Бланшо и других философов. Фокус нашего внимания в данном параграфе сосредоточен на философском афоризме, под которым мы понимаем афоризм, возникший как результат профессиональной деятельности философа, как форму теоретического философствования. Безусловно, народные афоризмы, афоризмы писателей, политиков, деятелей искусства могут содержать философский смысл, поскольку афоризм по определению представляет собой форму мудрой мысли, а мудрость невозможна без размышления, рефлексии, сомнения, вопрошания, состояния задумчивости – тех психологических состояний, которые являются условиями философствования. Однако данный пласт афористики возникает в результате философствования в его наивной форме, о чем мы говорили в параграфе 1.3. нашего исследования.

Афоризм как результат профессиональной деятельности философа возникает в процессе упорядоченного философствования, основанного на целостно-системном знании и концептуально-обобщенных идеях. Такой афоризм отражает результаты философско-теоретического познания мира, в нем происходит выход за обыденную внешнюю поверхность нашего бытия. Афоризмы философов отражают более общие и фундаментальные проблемы, нежели афоризмы обыденного сознания, поскольку сущность философии состоит в том, чтобы за единичным видеть общее. Для адекватной интерпретации философского афоризма необходимы хотя бы базовые философские знания. Таким образом, мы можем определить философский афоризм как форму языка философии, способ репрезентации философских идей и способ вопрошания.

Философия использует теоретические методы познания, афоризм – это результат символического, метафорически-образного отражения бытия. В связи с этим, возникает вопрос: как афоризм может быть способом философствования, ведь художественное мышление и мышление научно-теоретическое представляют собой два совершенно разных способа познания

объективной реальности. Если научно-теоретическое мышление рационально, то художественное (поэтическое) мышление предполагает радикальный отказ от жесткого рационализма и допускает внерациональные, интуитивные, образные мыслительные процедуры. Как же может афоризм, который является результатом художественного мышления с его установкой на иррациональность, быть инструментом философствования? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к сущности языка философии.

Под языком философии, разделяя точку зрения И.В. Цветковой, мы понимаем способ фиксирования знаний о предмете при помощи философских категорий, которые возникают в результате рефлексии процесса познания [175, с. 36]. Отличие философского языка от языка науки состоит в том, что наука ориентирована на то, чтобы, задавая вопросы, получить на них точные и определенные ответы, ориентированные на сферы практического применения. В соответствии с этим язык науки однозначен, строг и точен. Философский язык в отличие от языка науки является естественным многозначным и во многом неопределенным языком, который выступает, прежде всего, как способ постановки философских проблем, а не средство вывода, обоснования или доказательства знаний. Язык философии ориентирован на предельные состояния мышления в форме вопрошания. Сравнивая его с поэтическим и обыденным языками, Ф. Шлегель писал: «На языке поэзии бесконечное только намечается, не обозначается определенно, как это происходит в языке обыденной жизни с ее предметами. Философский же язык должен определенно обозначить бесконечное, как это делает обычный язык с предметами обыденной жизни, как механические искусства обращаются с полезными предметами» [181, с. 88]. Философия, ориентируясь на теоретические методы познания объективной реальности, с одной стороны, требует от своего языка логичности, рациональности. С другой стороны, философское мышление и вопрошание происходит на самом абстрактном уровне, поэтому не всегда возможно дать точную однозначную дефиницию объекту философствования. Чтобы выразить в высшей степени абстрактную идею, философ часто

прибегает к метафорам, аналогиям и афоризмам. Художественные формы языка философии помогают выразить то, о чем трудно помыслить, что невозможно ухватить в строгом рациональном языке.

Таким образом, интеллигибельный предмет философии требует двойственности используемых ею средств, вследствие чего язык философии может быть как строго научным, так и художественно-выразительным. Он представляет собой различные виды и формы словесности от строгой логичности до яркой поэтичности в зависимости от того, как мыслитель понимает философию. В этом языке есть и референциальное, и метафорическое, и конкретное, и абстрактное, логическое и нелогическое, содержательное и стилевое. С одной стороны, философский язык может быть точным и строго научным, как математический, так, например, философские категории «субстанция», «энтелехия», «экзистенция», «эйдос» производят впечатление технических понятий. С другой стороны, философский язык может быть художественно-экспрессивным и выразительным. С этой целью философы используют в своих текстах метафоры и афоризмы, философские категории в этом случае напоминают больше художественные образы, чем научные понятия. Это, например, концепт «огнелогоса» у Гераклита, «сказа» у Хайдеггера. Афоризм, по нашему мнению, представляет собой не только семиотическую систему особого рода, но также и художественную форму языка философии, позволяющую в максимально сжатой образной и экспрессивной форме выразить абстрактную философскую мысль.

Афоризм как способ философского познания может использоваться с различными целями. Так афоризм может быть имманентной формой выражения философских воззрений. Афоризм может использоваться для иллюстрации, как аналогия, чтобы сделать мысль философа более доступной, вещественной, «материальной». Афоризмы также могут лежать в основе философских систем и задавать образ мира. Так, например, для репрезентации мысли о познавательной роли метафоры испанский философ Ортега-и-Гассет использует следующий афоризм: *Все огромное здание Вселенной,*

преисполненной жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры [106, с. 77]. Иллокутивная цель данного высказывания состоит в утверждении мысли о том, что метафора лежит в основе нашего мышления, а значит, и всего мироздания. Данная мысль облекается в художественные образы «здание Вселенной» и «тельце метафоры», которые находятся между собой в отношении противопоставления, что усиливает речевой эффект данного высказывания, которое не только репрезентирует и абстрагирует мысль, но также вызывает в сознании реципиента чувство удивления. При помощи своей образности данное высказывание оказывает более сильный убеждающий эффект, чем аналогичная мысль, выраженная в буквальной форме.

Философ, рассуждая на самом абстрактном уровне, мыслит о том, для чего трудно найти соответствующий знак в конкретном предметном языке, поэтому он вынужден создавать во многом свой собственный язык, фундамент которого составляют философские категории и концепты. В силу объекта нашего исследования нам близко понимание сущности философии, высказанное французскими философами Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Смысл философствования, по их мнению, состоит в свободном конструировании и дальнейшем оперировании понятиями, обозначающими то, что еще не вошло для человека в объектный строй мироздания, но уже могущее являть собой фрагмент проблемного поля философского творчества. Сутью философии, по мысли Делеза и Гваттари, выступает расчленение образов вещей и явлений, до этого трактовавшихся концептуально целостными, и изобретательство разноаспектных образов и смыслов вещей и явлений, даже еще не ставших объектами для человека. Главное в философском творчестве, с точки зрения Делеза и Гваттари, нахождение понятийных средств, адекватно выражающих силовое многообразие и подвижность жизни. В этом смысле философия предстает как познание при помощи чистых концептов, как «искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [53, с. 14–15]. Подобное понимание сути философствования мы находим также у Ницше: «Философы

должны не просто принимать данные им концепты, чтобы чистить их и наводить на их лоск, следует, прежде всего, самим их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться...» [Там же]. Примерами философских концептов служат аристотелевская «субстанция», платоновский «эйдос», лейбницианская «монада», кантовское «априори», шеллигианская «потенция», шопенгауэровская «воля», бергсоновская «длительность», «языковая игра» Витгенштейна.

Роль афоризмов в теоретическом языке философии, по нашему мнению, заключается в том, что афоризмы способны быть развернутыми философскими концептами. Афоризм тождествен философскому концепту в том плане, что, как и концепт, обладает сложной смысловой организацией. Философский афоризм как концепт всегда отсылает к некоторой проблеме, или проблемам, без которых он не имел бы смысла. Так, например, афоризм Хайдеггера «*язык – дом бытия*» отсылает к проблеме взаимосвязи языка и бытия. Афоризм Ф. Бэкона «*истина – дочь времени, а не авторитета*» отсылает к проблеме истины и ее критериям. Таким образом, философский афоризм как концепт возникают в качестве ответа на философские проблемы. Афоризм помогает визуализировать и «материализовать» абстрактный предмет философствования, выполняя роль оператора философской мысли. Абстрактное в афоризме постигается через аналогию с конкретным и вещественным. «Нести при себе золото в неотчеканенном виде связано с неудобствами; так поступает мыслитель, лишенный формул», – писал Ницше [105, с. 305]. Афоризмы, следовательно, представляют собой своеобразные философские формулы, представляющие собой квинтэссенцию мысли философа. Глубина обобщений, содержащихся в лаконичном формате афоризма, позволяют ему быть удобной формой для выражения философских взглядов и востребованным философским жанром, существующим наряду с такими, как трактат, диалог, эссе. Особенностью афоризма является то, что философский концепт предстает в нем в художественной форме, облачается в художественную оболочку, демонстрируя творческий характер познавательной деятельности, поэтому

справедливы слова знаменитого афориста Ильи Шевелева о том, что афоризм – это *«либо философия на грани искусства, либо искусство на грани философии»* [177, с. 176]. От философии у афоризма – манера спрашивать, от искусства – манера отвечать, то есть афоризм философичен по своему концептуальному содержанию, но художественен по своей вербальной форме.

Философы – это мыслители, мышление в его наиболее совершенной и глубокой форме происходит главным образом в философии. Мыслить в философском смысле этого слова, по М. Хайдеггеру, – значит «проникать в бытие сущего, когда оно является как присутствие» [172, с. 145]. «Мы попадаем в то, что называется мышлением, когда мыслим сами», – писал М. Хайдеггер [Там же, с. 134]. Действие философского слова состоит в раздвигании простора мысли. Афоризм также раздвигает простор мысли, он заставляет нас мыслить вместо информации, которую передает любой другой вербальный знак. Вспомним этимологию термина «афоризм»: «а» – за, «форе» – граница, буквально «афоризм – это то, что находится за границей», под границей в данном случае понимается граница смысла, афоризм – это знак, который открывает пространство смысла, лежащее за пределами буквального понимания. Смысл афоризма может быть познан только в результате интеллектуального усилия, в котором мы переходим от уровня буквального понимания к уровню бытийного понимания. В силу своей смысловой неопределенности афоризм требует осмысления, а все, требующее осмысления, дает возможность нам мыслить. Афоризм создает зону смысловой неопределенности, требующей процесса осмысления и интерпретации. На минимальном пространстве означаемого в афоризме создается сгущение смысла, которым интерпретирующий субъект не в силах овладеть без самостоятельной рефлексии. Смысл в афоризме разлит и постоянно балансирует на границе понимания и непонимания. Афоризм не говорит ясно, он скорее намекает. Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что философский афоризм вводит интерпретатора в область бытийного мышления,

которое может происходить только путем диалектической индукции, стремясь увидеть за единичными фактами общие законы мироздания.

Таким образом, философский афоризм является результатом философской рефлексии и сам пробуждает акт мышления, он является не только формулой для передачи идей мыслителя, но также способом философского мышления. Несмотря на свою эстетическую форму, философские афоризмы являются результатом теоретизирования, их концептуальное содержание наполнено подлинно философским смыслом, идеями, конструктами, поэтому данный тип афоризмов, по нашему мнению, следует рассматривать в качестве особой формы рациональности.

Генезис философии демонстрирует, что афоризмы являются одной из первых философем. Афористическая манера философствования, как свидетельствует сочинение Диогена Лаэртия «О жизни, учениях и изречениях великих философов», была присуща почти всем античным философам. Так, невозможность общезначимой истины, по мнению софистов, констатируется в программном афоризме Протагора: «*Человек – мера всех вещей*». Центральное положение этики в учении стоиков демонстрируют их знаменитые афоризмы, в которых стоики сравнивали философию с яйцом, где этика – желток, физика – белок, логика – скорлупа; а также с фруктовым садом, где этика – плоды, физика – деревья, логика – ограда. Морально-этический идеал киников выражен в афоризме Диогена Синопского: «*Торжество над самим собой есть венец философии*». Из всех античных мыслителей, пожалуй, самым афористичным можно считать стиль философствования Гераклита. «Гераклит решил выявить проблему бытия, приведя в движение слова, семантические и синтаксические связки, посредством которых мы можем говорить о бытии. Он их столкнул, а свою роль свел к роли афориста (...), который в зазоре между сталкиваемыми фразами попытался выявить пространство смысла и так создать пространство понимания. Он считал – и это было его исходным пафосом, – что то, что он говорит, нельзя понять прямо и изложить в виде теории, а можно лишь навеять, чтобы смысл сам появился в голове читателя или слушателя в

качестве конечного продукта самого парадоксального (или экспериментального) движения мысли в тексте или словах Гераклита», – пишет М.К. Мамардашвили [93, с. 75-76].

Гераклит, таким образом, является основателем афористичного стиля мышления. Античная философия, как известно, время формирования философского языка и зарождения фундаментальных философских категорий. Вклад Гераклита в развитие философии, по мнению Мамардашвили, состоит не в создании определенного учения, будь то учения о том, что все течет и все меняется, то есть учения о неустойчивости, текучести всего, или учения о гармонии или совмещении противоположностей. «Нет собственно учения Гераклита в строгом смысле этого слова, а есть сам метод философского мышления, который открыл Гераклит», поэтому Мамардашвили называет Гераклита «философом для философов», что означает, что его вклад в философию состоит, прежде всего, в «производстве средств производства» философии, то есть философского языка. «Гераклит обладал удивительной способностью создавать такие ошарашивающие фразы, при осмыслении которых появлялась мысль», – писал Мамардашвили [79, с. 88]. Рассмотрим, например, афоризмы Гераклита: *На входящего в те же самые реки новые и новые воды текут; Смертны бессмертные, живущие смерть тех; тех же жизнь – мрущие* [93, с. 84]. Данные афоризмы отражают теорию совмещения противоположностей Гераклита, которая является символическим языком, которым мыслитель пытается выразить то, что невозможно выразить в предметном языке, а именно мысль об изменчивости и текучести бытия. Таким образом, Гераклит как основатель языка теоретической философии первый из философов начинает мыслить афористично, так как афоризм для него есть способ породить истинную мысль – мысль не спонтанную, случайно залетевшую в голову, а ту мысль, которая производится в пространстве самой же мысли, мысль, которую позднее Демокрит назовет мыслью законнорожденной.

Афористичность языка философии на начальном этапе ее становления, по нашему мнению, обусловлена тем, что фундаментальные философские категории еще не вполне разработаны, поэтому мыслители прибегают к художественным образам, тропам, метафорам, ищут окольные пути философствования, главным из которых становится афоризм. Античная афористика посвящена нравственно-этической, социально-политической, антропологической и логико-гносеологической проблематике, но главным объектом познания в ней является человек. Она раскрывает все сферы бытия человека от бытовых вопросов (брак, семья, дружба) до морально-этических (что есть благо, как быть добродетельным человеком) и экзистенциальных (что есть счастье, в чем смысл жизни). Афористичность античной философии обусловлена также тем, на наш взгляд, что для традиционного грека по-прежнему еще сильно мифологическое сознание, язык еще полон мифических, архаических образов, ассоциаций, представлений, но философы уже смотрят на них иначе, пытаются объяснить мир в отличие от мифологии рациональным путем. Сущность философского мышления отражена в знаменитом афоризме Платона *«Мышление – это поворот глаз души»*, означающем, что все, что мы видим – не мышление, мы мыслим по-настоящему, когда отвлекаемся от внешней картины нашего бытия и проникаем вглубь явлений. Афоризм как форма мысли, по нашему мнению, создает ситуацию «поворота глаз души», обнаруживая за обыденным пониманием пространство онтологического смысла.

Квинтэссенция Средневековой философии выражена в афоризме Святого Августина: *«Никто не сможет пересечь море этого века, если его не держит распятие»* [134, с. 123]. В Средневековой философии афоризмы присутствуют преимущественно в форме сентенций, или нравственных наставлений, то есть главной в средневековой афористике становится морально-этическая проблематика. Средневековая афористика также пропитана преклонением перед Богом, мистикой, невозможностью познания главной тайны бытия, что отражено в программном афоризме Тертуллиана *«Верую, ибо абсурдно»*.

Анализ работ средневековых философов, проведенный нами, показал, что афоризм в качестве формы философствования редко используется мыслителями, их излюбленным жанром скорее является философско-религиозный трактат. На основании этого мы можем сделать вывод, что в целом афористичность мышления для Средневековой философии не свойственно по причине ее теоцентричности, в то время как главным объектом изучения афористики является отношение «человек – мир».

Философия Возрождения и Просвещения обращена к субъекту и его познавательным способностям. Для нее характерна переоценка всех мировоззренческих и нравственных ценностей средневековой философии, своего рода ценностная реформация, затронувшая такие радикальные вопросы, как вопрос о положении человека в мире, его назначении, достоинстве, принципах нравственности. Падение авторитета церкви и усиление престижа науки, становление принципиально нового, экспериментального исследования человека и природы – все это было связано с изменением представления о самом человеке и его месте в мире, формированием стойкого убеждения в необходимости человека нового типа – активного, свободного от каких-либо внешних авторитетов, ответственного, инициативного. В новой картине мира с ее гуманистической направленностью центром мироздания становится человек. В данных условиях философия вновь обращается к афоризму как способу философствования, о чем свидетельствуют такие тексты, как «Опыты» М. Монтеня, «Мысли» Б. Паскаля, «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, «Максимы и моральные размышления» Ф. Ларошфуко, «Характеры, или нравы нынешнего века» Ж. Лабрюйера.

«Опыты» Монтеня по своей форме представляют собой философско-морализаторское эссе, отличительной чертой которого является афористичность стиля. Обращение Монтеня к культурно-философскому наследию античности обусловлено переосмыслением эпохой Возрождения философского наследия античности. Эпистемологическая конфигурация эпохи Возрождения, пишет Мишель Фуко в «Словах и вещах», слагалась из

«неустойчивой смеси рационального знания, из понятий, порожденных обрядами магии, и из всего культурного наследия, воздействие которого было приумножено вновь открытыми античными текстами» [166, с. 68]. Мир, с точки зрения мировоззрения эпохи Возрождения, покрыт знаками, нуждающимися в расшифровке, «знать – значит истолковывать, идти от видимой приметы к тому, что высказывает себя в ней и что без нее осталось бы невысказанным словом, спящим в вещах» [166, с. 69]. Афоризмы античных мыслителей в эпоху Возрождения, по нашему мнению, предстают как особый вид знаков, мудрость в портативной форме, нуждающаяся в переосмыслении с позиции сегодняшнего дня. Именно эту миссию берет на себя Монтень в своих «Опытах», для которого античный афоризм является не только объектом комментирования и интерпретации, но и стимулом к самостоятельному размышлению, переосмыслению заключенной в нем мудрости с позиций современности. По своему замыслу и содержанию «Опыты» представляют собой своеобразный «учебник жизни». Монтень переосмысливает, интерпретируя сквозь призму мировоззрения Ренессанса, более 3000 цитат античных и средневековых авторов. Предметом большинства афористических суждений Монтеня является поведение человека в экстремальных ситуациях, раскрывающее как самые причудливые движения его души, так и самые разнообразные патологии его характера. Рассмотрим для примера эссе Монтеня «О том, что философствовать – это значит учиться умирать». Темой данного эссе становятся размышления автора об известном афоризме Цицерона *«Философствовать – значит учиться умирать»*. Квинтэссенция мысли Монтеня заключается в том, чтобы не избегать мыслей о смерти, приучать себя каждый день думать о своей смерти, чтобы, когда она придет, встретить ее без страха, с достоинством, не жалея о недоделанных делах. *«Размышлять о смерти – значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом»* [97, с. 92], – в данном афоризме Монтеня концепт «смерть» осмысливается как тождественный концепту «свобода». Размышления о своей смерти, по Монтеню, способствуют тому, что человек начинает ценить

каждый день своей земной жизни, стремясь реализовать ту цель, ради которой он пришел в этот мир. Размышляя о своей неизбежной смерти, человек научается жить набело, а не на чистовик, оценивает события своей жизни сквозь призму вечности, и тогда многие вещи кажутся ему слишком суетными, чтобы беспокоиться о них: *«Нужно, чтобы сапоги всегда были на тебе, нужно, насколько это зависит от вас, быть постоянно готовым к походу, и в особенности остерегаться, как бы в час выступления мы не оказались во власти других забот, кроме как о себе»* [97, с. 93–95]. Аргументом в пользу того, что не стоит бояться смерти, для Монтеня является мысль о том, что смерть одного человека означает рождение новой жизни: *«Ваша смерть есть одно из звеньев управляющего вселенной порядка; она звено мировой жизни: Смертные перенимают жизнь одни у других...и, словно скороходы, передают один другому светильник жизни (лат.)...* [Там же, с. 98].

Главной темой «Мыслей» Паскаля является место человека в мироздании. Человек в глазах Паскаля одновременно велик и ничтожен, мыслитель указывает на противоречивость и двойственность природы человека и положения его в мире: *«человек не ангел и не животное»*. Он всегда между двумя противоположными полюсами, но срединная точка, которую он занимает мире неустойчива, она каждую минуту уходит из-под ног, и перед нами разверзается бездна: *«Что за химера человек, ...какое чудовище, какой хаос, какое вместилище противоречий, какое чудо ...судья всех вещей и бессмысленный червь земли, обладатель истины и клоака неуверенности и заблуждений, слава и отброс мироздания»* [115, с. 120]. Афоризмы Паскаля парадоксальны, для них характерно напряженное отношение противоположных полюсов, поскольку парадокс, по Паскалю, отражает единственную истину нашего мира. Величие человека, по Паскалю, заключается в его способности мыслить, в этом его главное назначение, что выражено в концептуальном афоризме: *«Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник – мыслящий»* [Там же, с. 123]. Трагичен удел человека, ибо человек перестал ощущать себя микрокосмом, он «не более как атом и тень» и

живет на границе двух бездн: «бездны бесконечности и бездны небытия», и не дано ему постичь конец сущего и его начало, ибо, *«будучи небытием мы не способны понять начало начал...будучи бытием кратковременным, неспособны охватить бесконечность»* [Там же, с. 123]. Величие человека тем и велико, что он сознает свое ничтожество.

Афоризмы Паскаля, по нашему мнению, отражают заброшенность человека в мире, тоску и отчаяние его бытия, тревогу как сущностную характеристику человека, предвосхищая иррационалистическую традицию в философии. Так, например, о заброшенности человека в мире говорится в следующем афоризме: *«Он (человек) чувствует, что заблудился, упал оттуда, где было его истинное место, и теперь он не находит дороги назад, хотя, снедаемый тревогой, без устали ищет в непроницаемом мраке»* [Там же, с. 181]. Пессимистическое восприятие человеческого бытия делает данный афоризм созвучным известному афоризму А. Камю, о том, что *«абсурд рождается из столкновения человеческого разума и безрассудного молчания мира»*. Афоризм после Паскаля становится излюбленным жанром философов-экзистенциалистов. Экзистенциальный текст, в противовес монументальным конструкциям философского трактата, всегда представляет собой мысли, афоризмы, сгустки смыслов, плюрализирующих текстовое пространство. Наглядной иллюстрацией чего являются такие философские тексты, как «Апофеоз беспочвенности» Л. Шестова, «Страх и трепет» Кьеркегора, «Бунтующий человек» А. Камю. Идея-суждение в экзистенциальном афоризме, по нашему мнению, аккумулируется идеей-чувством и идеей-образом.

Философия Нового времени отличается установкой на рациональность. Это время возникновения сциентистски ориентированной, позитивной, философии. Язык сциентистской философии ближе всего к языку математическому с его четкой однозначностью, поэтому одной из ключевых идей данного этапа развития философии становится идея лингвистической терапии, предложенная впервые Фрэнсисом Бэконом. Философский язык, по Бэкону, служащий для устранения всех тех «идолов», что затемняют

человеческий разум, препятствуют научному прогрессу. Английский философ-материалист Томас Гоббс в «Левиафане» напоминает, что употреблению речи соответствует столько же злоупотреблений, когда люди неправильно регистрируют свои мысли из-за неустойчивого значения употребляемых ими слов; когда они употребляют слова метафорически, то есть в ином смысле, чем тот, для которого они предназначены; когда они словами объявляют как свою волю, то, что ею не является. [185, с. 145].

Таким образом, идеальное свойство философского языка, с точки зрения «научной» философии, состоит в единственной возможности толкования каждого знака, следовательно, позитивная философия категорично настроена против использования в философском дискурсе метафор, тропов и прочих форм художественной образности. Однако, отрицая метафоры и борясь за однозначность философского языка, философы, мыслящие в рамках «научной» философии, сами не избежали метафор, ярким доказательством чего является, например, афористический стиль «Нового Органона» Фрэнсиса Бэкона. Основу данного философского произведения составляют афоризмы об истолковании природы и царстве человека, как обозначает их Бэкон. Для изложения своих идей мыслитель выбирает художественную форму афоризма. По сути, «Новый Органон» представляет собой свод развернутых афористических высказываний. Философское кредо Бэкона, положившее начало эмпиризму как методу, выражено здесь в следующем афоризме: *Истину надо искать не в удачливости какого-то времени, которая непостоянна, а в свете опыта природы, который вечен* [26, с. 24].

В высшей степени афористично учение Бэкона об «идолах» – искаженных образах действительности, ложных представлений и понятий, препятствующих процессу познания. Раскрывая сущность концепта «идол рода» как ложные представления о мире, которые присущи всему человеческому роду и являются результатом ограниченности человеческого ума и органов чувств, Бэкон употребляет следующий афоризм: *Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою*

природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде [26, с. 18]. Суть «идола пещеры», то есть искаженных представлений о действительности, связанных с субъективностью восприятия окружающего мира, раскрывает в афоризме: *У каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. «Сколько есть принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные или искусственные миры»* [Там же, с.18–19], – в данном афоризме Бэкона раскрывается суть концепта «идол театра», обозначающего ложные представления о мире, некритически заимствованные людьми из различных философских систем.

Разрабатывая учение о методе, Бэкон также использует афоризм для объективации своих идей. *«Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно пауку, производят ткань из самих себя, – пишет Бэкон, – Пчела же избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему уменью. Не отличается от этого и подлинное дело философии...* [26, с. 56]. Таким образом, афористическая манера Бэкона в «Новом Органоне» демонстрирует, что идеи сциентистской, «научной философии» также могут быть выражены образным художественным языком. Использование афоризма в качестве способа философствования, как следует из текста Бэкона, не отрицает научности и объективности философского знания.

Неклассическая философия в числе прочих отличий от классического типа философствования высказывает также недоверие к вербальным средствам языка, к его логико-грамматическому строю, оказывающему насилие над творческой свободой мышления. Это проявляется в конституировании таких неклассических жанров философствования, как афоризм, эссеистика, философская поэзия, невербальные формы философствования, начиная от моделирования возможных миров в сфере живописи модерна и заканчивая феноменом философского кинематографа. Для неклассического типа философствования в целом характерен эксперимент со словом и отказ от

классической рациональности с ее установкой на логическую строгость и однозначность, она отказывается от рафинированного рационализма. Вместо этого неклассическая философия в значительной степени ориентирована на своего рода «поэтическое мышление», допускающее моменты семантической неполноты, своего рода «недосказанности» вербальных средств мышления. Поэтическое мышление предоставляет большую в сравнении с мыслительными инструментами классического типа философствования свободу для фиксации феноменов, не могущих быть адекватно схваченными в сугубо рациональных формах мышления. В связи с этим одним из главных инструментов философствования в неклассической философии становится афоризм. Афористичность мышления, по нашему мнению, является характерологическим свойством неклассического типа философствования. Афоризм, будучи результатом поэтического мышления, отвечает требованиям недосказанности и метафоричности языка неклассической философии. Он позволяет выстроить такую вербальную объективацию мысли, которая предполагает наличие свободного пространства движения мышления, выступающей условием возможности внерационального схватывания того, что в рациональном усилии уловлено быть не может.

Интерес к афоризму как способу философствования актуализировался в связи с философскими трудами Ф. Ницше, считающего, что афоризм является, прежде всего, результатом деятельности мыслительной, а не художественной. Ницше по праву называют самым афористичным философом. Философская манера Ницше столь уникальна, что его трудно назвать философом в привычном смысле этого слова, его называют философом-поэтом, философствующим эссеистом, лириком познания. Экспериментируя в области афористического письма, Ницше отказался от использования традиционных коммуникативных средств, он не писал книг, не стремился создавать корпус текстов, общепринятых в философской традиции, чье содержание могло бы быть сведено к ряду исходных, линейно упорядочивающих мыслительный и литературный материал формальных принципов. Многие спорили о

ницшевском стиле, афористической манере его письма. Объясняли эту манеру его неспособностью к систематическому мышлению, даже состоянием его здоровья. Однако в афористичном стиле Ницше, по нашему мнению, лежит шифр к тайнику его философии. Ницше выбирает афористичную манеру философствования, потому что она наиболее точно отражает черты его мировоззрения: маргинальность, исключительность и уникальность, асистемность, метафоричность и плюральность.

Обращение Ницше к форме афоризма обусловлено тотальной разочарованностью в разуме и научном типе мышления, характерной для рубежа XIX–XX вв. Известно восклицание Ницше: «Что есть истина? — Движущееся скопление метафор, метонимий, антропоморфизмов — короче, сумма человеческих отношений, которые были возвышены, пересыпаны и украшены поэзией, риторикой, и после долгого употребления кажутся людям каноническими и обязательными; истины — иллюзии, о которых мы забыли, что они таковы, метафоры, которые уже истрепались и стали чувственно бессильными...» [126, с. 31]. Ключ к афористичной манере Ницше, по нашему мнению, следует искать в его ранней работе «Рождение трагедии из духа музыки». Первостепенную роль в развитии общества Ницше придает здесь искусству, которое одно, на его взгляд, является полнокровным воплощением и проявлением подлинной жизни, стихийным процессом жизнеизлияния. Современная культура с ее ориентацией на науку, по Ницше, оказалась глубоко враждебной жизни, так как наука опирается на искусственный по своей природе, все умертвляющий и схематический разум, противоестественный и чуждый инстинктивной по ее сути жизни. Ницше формулирует сакраментальную фразу о том, что «только как эстетический феномен бытие и мир могут быть оправданы в вечности» [126, с. 31]. Иначе говоря, будучи стихийной и иррациональной силой, жизнь изливается в инстинкте художника, и только тот мир, который он творит, с помощью которого он отгораживается от действительности, и есть единственно реальный. Сквозь призму изложенных в «Рождении трагедии» взглядов Ницше о приоритете искусства перед наукой,

по нашему мнению, становится понятна выбранная им афористичная манера философствования, поскольку афоризм, являясь продуктом художественного творчества, позволяет познать мир иррациональным путем. Афоризм в силу своей диалектичности и амбивалентности отражает становление и изменчивость самого бытия. Мышление афоризмами, по Ницше, означает отражение строения самого бытия, афоризм – это «кусочек» интерпретированного бытия [126, с. 231].

Философия Ницше и по содержанию своему и по форме является преодолением картезианского метода философствования, требующего ясности и отчетливости, деления, порядка изложения от простого к сложному, логоцентризма. Проблема множественности интерпретаций того же самого с точки зрения картезианства не может возникнуть, в нем осуществляется прямая коммуникация с читателем, истина передается «из рук в руки», а язык трактуется как прозрачное средство, приводящее мыслимое в соответствие с трансцендентальной позицией читающего. В противоположность картезианской традиции философия Ницше иррациональна, поэтому приоритет в ней отдан искусству, а не науке. Чтобы отличаться от картезианцев Ницше должен создать свою собственную философскую технику, антогоничную по отношению к классическому философскому трактату. Такой техникой для Ницше становится афоризм.

Афоризм как способ философствования нарушает все требования картезианского научного философского исследования: во-первых, афоризм изначально является формой художественного языка. Во-вторых, афоризм в противоположность принципам познания Декарта задает зону смысловой неопределенности, предполагающей возможность вариативности интерпретаций, философствование афоризмами предполагает быстроту письма, но медленность восприятия, фрагментарность, незаконченность, метафоричность мысли. Афоризмы Ницше – это афоризмы «неприятных истин», разоблачающие человеческую натуру, парадоксальные по своей сути. По содержанию они преимущественно посвящены морально-этической

проблематике, поскольку тема отрицания морали является ключевой в творчестве Ницше. *«Человек есть канат, укрепленный между зверем и сверхчеловеком»*, – так звучит программный афоризм Ницше, в котором мыслитель выразил свое видение человека как моста от животного к сверхчеловеку, никогда не достигающего другого края пропасти, обреченного бесконечно «достраивать» себя и висеть в пустоте. Чтобы человеку «достроить» себя до сверхчеловека, ему, по мнению Ницше, необходимо избавиться от всего, что его закрепощает, и, прежде всего, от морали. Ницше исследует феномен морали, показывая, что всякая мораль является тиранией по отношению к природе и разуму, что, прежде всего, она учит ненавидеть слишком большую часть свободы, насаждает в людях потребность в ограниченных горизонтах, содействует глупости как условию жизни и роста: *Мораль – это важничанье человека перед природой; Нечистая совесть – это налог, которым изобретение чистой совести обложило человека; Моральные люди испытывают самодовольство при угрызении совести.*

Афористичный стиль Ницше, по нашему мнению, обратил внимание философов не только на рациональный, но и на эстетический аспект языка. Стиль Ницше заключал в себе слишком большой элемент художественности и слишком мало рациональности. Философствуя исключительно афоризмами, Ницше не апеллирует к рациональным доказательствам, что вызывает сомнения многих исследователей в том, насколько он является философом, ведь философия невозможна без обращения к Логосу. Более продуктивным, на наш взгляд, является использование афоризмов мыслителями в качестве философских формул и для демонстрации абстрактных философских идей. Афоризмы, на наш взгляд, наиболее органично вписываются в философский дискурс, когда помогают философскому мышлению, облачая рациональную идею в образную форму. Однако именно «чисто» афористический стиль Ницше, на наш взгляд, стимулировал интерес к лингвистической стороне познавательного и коммуникативного процесса в современной западной философии.

Стилистика мышления Ницше нашла свое развитие в философской манере Мартина Хайдеггера, способ философствования которого также необычайно афористичен. Философскую манеру Хайдеггера можно охарактеризовать как эссеистически-афористическую. Философские понятия заменяются в ней намеком, сказанное – несказанным и недосказанным. Афористичность манеры Хайдеггера, с нашей точки зрения, коренится в онтологической концепции языка, созданной им. Понимая язык не лингвистически как замкнутую автономную систему знаков, действующую по своим собственным, независимым от внешней реальности законам, а онтологически, обнаруживая в словах языка глубокую изначальную бытийную основу, Хайдеггер сращивает язык и бытие, обнаруживая их изначальное единство, взаимосвязь и взаимозависимость. Язык для Хайдеггера – это не просто речевая деятельность и не способ кодифицирования и передачи информации, в языке покоится все бытие человека. *«Язык есть дом бытия, живя в котором человек экзистенцирует, поскольку, оберегая истину языка, принадлежит ей* [169, с. 203] – так звучит программный афоризм Хайдеггера. Что значит афоризм *«язык – дом бытия»*? Дом – это заранее приготовленное вместилище, где наподобие какого-то транспортабельного предмета размещается бытие. Иными словами, язык – это оболочка, которая вмещает в себя бытие, бытие кроется в языке. Язык, по Хайдеггеру, есть просветляющее-утаивающее явление самого бытия. Хайдеггер обнаруживает в словах языка глубокую бытийную основу, которую он именует неологизмом «сказ». Сказ – это онтологическое существо языка. Совершаемое им (языком) указывание не коренится ни в каком знаке, но все знаки возникают из указывания, в области которого и для целей которого они могут быть знаками. *Существо языка покоится в дарующем сказе* [169, с. 266]. Слово – это намек, а не знак в смысле простого обозначения [Там же, с. 287]. «Сказать» значит показать в смысле: *позволить чему-то явиться и явствовать, – позволить, способом намека»* [Там же, с. 298].

«Говорить на языке» означает перенестись в область сущности языка, попасть в то место, где обитает сущность. Бытие говорит о себе при помощи языка и в языке, прежде всего языке поэтическом. Человек обладает изначальным пониманием бытия, поскольку мир и человек образуют единое целое, именуемое Хайдеггером как *Dasein* (бытие, существование, наличное бытие). Мир не разделен с я-субъектом. Это специфическая черта человека, которая не встречается ни в неживой природе, ни в животном, ни в растительном мире. Экзистенциально-онтологическим фундаментом языка является речь. *Бытие – это ссуда, которая назначается вещи от слова* [171, с. 303]; *Слово – даритель присутствия, то есть бытия, в котором нечто является как существующее* [Там же, с. 306]; *Слово – условенье вещи* [Там же, с. 311]; *Язык есть дом бытия, ибо в качестве сказа он способ бытия, его мелодия* [Там же, с. 272] », – в данных афоризмах Хайдеггера отражена мысль о языке как способе бытия.

Первоначальный язык, праязык – это поэзия, как «утверждение бытия», «утверждение истины». «Поэзия есть изначальное название бытия»; «Мышление есть поэзия». Если же язык будет ограничен одной прикладной функцией — быть лишь средством для чего-то, чуждого его сущности (к этому, по убеждению Хайдеггера, идет сегодня дело), — то ему грозит участь превратиться в бессловесный автоматический регулятор всеобщего потока информации: информировать, составлять информацию, становясь тем самым одним из вспомогательных, а, может быть, и решающих орудий господства над землей и человеком. Все характеристики и требования бытийного языка Хайдеггер обнаруживает в языке поэзии, где властвует мир метафоры, многозначности слова. Метафора, по мнению Хайдеггера, изначально принадлежит поэтической сфере, первоистоку языка, где слово было открытым и многогранным. Метафора, являясь неотъемлемым свойством языка, показывает его мистическую сущность, изначальную онтологичность языка и человека. Подлинный язык, чтобы не существовать во власти рационально

исчислимого и актуализированного, должен быть языком не прямых сообщений, намеков, по возможности невербальной коммуникации.

Оценивая концепцию языка Хайдеггера, на первый взгляд можно заключить, что язык предстает в ней как некая непознаваемая, трансцендентная сущность, доступ к которой закрыт. Однако успехи, достигнутые в изучении языка лингвистикой, логикой и философией языка свидетельствуют об обратном. Язык также не может быть трансцендентной сущностью, поскольку неотделим от сознания человека, действующего как понимание и осмысление. Если же посмотреть на тексты Хайдеггера как на развернутые метафоры, имеющие установку на сакральность философского текста, то за подобными вербальными формулировками кроется указание на онтологическую основу. Язык, как следует из концепции Хайдеггера, тесно связан с предметной действительностью, с осознанием структурированного бытия, наделённого смыслом. Благодаря Хайдеггеру в современной западной философии происходит онтологизация языка, согласно которой язык интерпретируется как особая форма понимания мира, конструирующая и вербализующая бытие, в которое погружена человеческая индивидуальность.

Оценивая афористически-метафорическую манеру философствования Хайдеггера, нельзя не заметить также, что философ придавал большое значение суггестивной функции языка, то есть функции внушения. Его тексты изобилуют метафорами, афоризмами, этимологическими и риторическими фигурами, нацеленными не столько на то, чтобы нечто сообщить, сколько на то, чтобы нечто внушить. Приоритет суггестивной функции языка перед информационной вызван тем, на наш взгляд, что для Хайдеггера на первом месте стоит онтологическая проблематика. Он оберегает самостоятельность философии, пристально следя за тем, чтобы она не вырождалась в обслуживание — будь то обслуживание науки или религии, идеологии или культуры, не подменялась методологией или теологией, гносеологией или культурологией. Ставя вопрос о бытии — именно о бытии как таковом, а не о добре и зле, истине и заблуждении, прекрасном и безобразном, — Хайдеггер

выводит философствование из антропологической, этической, эпистемологической и эстетической плоскости в плоскость аристотелевской «первой философии» — метафизики или онтологии. Но говорить о бытии как таковом, а не о бытии того или иного сущего — это значит пытаться сказать то, о чем нельзя сказать. Значит, переместиться в сферу несказанного, в сферу тех вещей, с которыми имеют дело искусство и религия. Таким образом, хайдеггеровское философствование — это речь по поводу неизреченного, приближение к высказыванию несказанного. Отсюда и проистекает необычная афористичность хайдеггеровского письма. Афоризм для Хайдеггера, как следует из его философских взглядов, имеет онтологический статус и является способом сказать о бытии, навевать истину бытия. Афоризм как продукт поэтического мышления обладает всеми его свойствами — метафоричностью, неоднозначностью, недоговоренностью, а, значит, вводит в область бытийного мышления. В нем просачивается явление самого бытия, за смыслом очевидным открывается смысл онтологический и экзистенциальный.

Философские произведения Ницше и Хайдеггера относят к «литературной» философии, под которой мы понимаем философию, отказавшуюся от сциентистски артикулированных когнитивных и мыслительных стратегий и выбравшую в качестве стратегии философствования поэтическое мышление. В содержательном плане поэтическое мышление предполагает радикальный отказ от жесткого рационализма, не только допускающий, но и предполагающий внерациональные — интуитивные, образные — мыслительные процедуры. В формальном плане поэтическое мышление предполагает опору на такое построение вербальной объективации мысли, которое предполагало бы наличие своего рода свободного пространства движения мышления, что выступает условием возможности внерационального схватывания того, что в рациональном усилии уловлено быть не может. Формой поэтического мышления, на наш взгляд, является афористичное мышление, апеллирующее не только к рациональной сфере реципиента, но и к его воображению, возникающее в результате синтеза художественного и

рационального мыслительных процессов. Афористическое мышление как способ философствования, по нашему мнению, является фундаментальным свойством «литературной» философии, для которой характерно снятие границ между философией и литературой, философией и искусством. Это тип философствования, погруженный в эстетический дискурс.

Характеризуя эволюцию философской мысли, современный французский философ Аллен Бадью в работе «Манифест философии» отмечает, что на смену строго научной, сциентистски ориентированной философии – «философии, подшитой к ноземе», как называет ее Бадью, – приходит иная манера философствования, погруженная в эстетический дискурс, так называемая «философия, подшитая к поэме» [9, с. 45]. Об эстетическом, литературном повороте в современном ментальном пространстве пишет также А. Пятигорский, отмечающий, что если философия первой половины XX века была лингвистической, то всю философию второй половины века, в том числе и современную, можно назвать филологической. «На смену Витгенштейну и Айеру, для которых язык конечен и исчислим, – пишет Пятигорский, – приходят Хайдеггер, Лакан и Деррида как филологические философы, для которых язык бесконечен и неисчислим» [132, с. 127-130]. Литературная, эстетическая ориентированность многих современных поисков в философии обусловлена путем ее своеобразной эволюции, веками рациональной проработки тех или иных культурных содержаний, исчерпанностью уже существующих подходов. Если позитивная, «научная» философия по своему стилю ближе всего к науке, то соответственно «литературная» философия стилистически ближе к искусству. Тем не менее, «литературная» философия, несмотря на ее тесную связь с культурой и личностным, субъективным фактором, не тождественна искусству. Она не просто выражает субъективный мир человека, но всегда стремится к объективности знания, поиску истины и осознанию человека в мире.

«Литературной» является вся постмодернистская философия, а именно философские произведения Делеза, Деррида, Бланшо, Барта, Бодрийяра, Фуко и

др. Философию постмодерна является «литературной», поскольку для нее характерны неклассические, антисциентистские стратегии и формы философствования, установка на поэтическое мышление. Следует отметить, что философия постмодернизма противоречиво оценивается в современном российском философском пространстве. Однако не стоит забывать, что постмодернизм наряду с феноменологией, герменевтикой и аналитической философией является одним из главных направлений современного философского мышления, и этому есть свои причины, обусловленные развитием мировой философской мысли. Мы не ставим своей задачей критиковать или наоборот реабилитировать постмодернистскую философию. Постмодернистский дискурс важен для нашего анализа, во-первых, как сфера современной философской рефлексии, во-вторых, по причине того, что афоризм в нем становится излюбленной формой философского высказывания.

Говоря, что современный философский дискурс является «литературным», мы не имеем в виду, что он полностью афористичен. Благодаря Ницше, Хайдеггеру и постмодернистам актуальным становится излагать свои мысли в форме философско-художественного эссе. Однако именно такая форма философствования гипернасыщена контекстными афоризмами. Приведем примеры афоризмов постмодернистских философов: *Человек представляет собой фигуру из песка между морским отливом и приливом (Ж. Делез); Изъясняться на своем языке значит требовать перевода, взывать о переводе (Ж. Деррида); Человек – неполноценное существо, обладающее избытком кругозора (М. Бланио).*

Для постмодернизма как феномена культуры в целом характерен отказ от прошлого и попытка создания чего-то абсолютно нового и как можно более непохожего. В постмодернистской философии этот принцип реализуется в радикальном отказе от логико-рационального артикулированного сциентизма, претендующего на тотально исчерпывающую полноту познания и обязательную логическую артикуляцию результатов когнитивных процедур. Философия постмодернизма выдвигает на передний план такую

характеристику мышления, как метафоричность. Согласно позиции Деррида, «категории являются фигурами, посредством которых бытие ... выражается настолько, насколько оно вообще может быть выражено через многочисленные искажения, во множестве тропов. Система категорий ... соотносит проблематику аналогии бытия – во всей своей неоднозначности и однозначности – с проблематикой метафоры в целом [54, с. 67]. При таком подходе возникает вопрос, не является ли философия литературой. В связи с этим актуализируется позиция Поля Валери: «Философия, определяемая всем своим корпусом, который представляет собой корпус письма, объективно является литературным жанром .., который мы должны поместить неподалеку от поэзии» [30, с. 87].

Бессистемное, деструктивное отражение мира, характерное для постмодернистской философии, нуждается в специальном языке для своего выражения. Подобно тому, как философия XIX века апеллировала к абстрактным сферам предметности, являющимися по своему когнитивному статусу теоретическим конструктом, точно так же, моделируя новый тип динамики – нелинейные самоорганизационные процессы в хаотических бесструктурных средах – философия постмодернизма находится в стадии разработки своего понятийного аппарата для описания подобного видения мира. В силу неокончательной разработанности своего категориального аппарата для постмодернизма характерно использование метафорических образов, тяготение к метафорике и афористичность письма.

Афоризм, по нашему мнению, является одним из главных операторов постмодернистской мысли. Являясь результатом поэтического мышления, афористический способ философствования противостоит логико-понятийному сциентистскому мышлению. Мышление афоризмами соответствует творческому характеру процесса философствования, что является аргументом в защиту оперирования философами художественными, образными, метафорическими языковыми средствами.

Любой постмодернистский философский текст по своей языковой объективации насыщен метафорами, образами, афоризмами, в чем реализуется установка постмодернизма на поэтическое мышление. В качестве примера афористичности постмодернистской философии обратимся к тексту Мишеля Фуко «Слова и вещи: археология гуманитарных наук». В своем исследовании Фуко стремился вычленить в истории человеческого общества структуры, по терминологии Фуко – эпистемы, существенно обуславливающие возможность определенных взглядов, концепций, научных теорий и собственно наук в тот или иной исторический период. В качестве упорядочивающего принципа в рамках «эпистемы» автором выбирается соотношение «слов» и «вещей», то есть знака и его означаемого. Согласно Фуко, в границах западноевропейской культуры XVI–XX вв. правомерно выделять три «эпистемы»: «ренессансную» (XVI в.), «классическую» (рационализм XVII–XVIII вв.), «современную» (рубеж XVIII–XIX вв. по наше время). Не вдаваясь в подробности концепции Фуко? отметим, что стиль данного философского текста очень афористичен. Так, например, характеризуя ренессанскую эпистему, автор использует афоризм *«Театр жизни или зеркало мира – вот как именовался любой язык, вот как он возвещал о себе и утверждал свое право на самовыражение»* [166, с. 54]. Данный афоризм объективирует мысль автора о том, что в ренессансной эпистеме слова и вещи тождественны между собой, непосредственно взаимно соотносимы и взаимозаменяемы. Язык как «язык мира» сопричастен миру, а мир – языку: слова и вещи конституируют единый «текст», представляющий собой часть мироздания и могущий трактоваться исследователем как природное сосущество. Фуко как правило не мыслит обособленными афоризмами, как мы наблюдали это у Ницше и Хайдеггера, он не выделяет афоризм в качестве конструктивного элемента философского текста. Афоризм Фуко – это преимущественно контекстный афоризм, вмонтированный в период философской мысли. Так, например, Фуко пишет о тенденции мышления XVIII века сделать научный язык нейтральным, точным, лишенным стилистических украшений: «стремление сделать научный язык нейтральным ... ради того,

чтобы язык мог стать точным отражением, *абсолютным двойником, чистым зеркалом внесловесного познания*» [166, с. 320]. Выделенный курсивом фрагмент можно идентифицировать как контекстный афоризм, поскольку он отвечает всем критериям афористичности: метафоричности, образности, наличию многозначной конструкции смысла. Данный контекстный афоризм легко трансформировать в обособленную форму: *язык – абсолютный двойник, чистое зеркало внесловесного познания*.

Таким образом, афористичность мышления является сущностной характеристикой «литературной» философии и современного ментального пространства. Афоризм становится универсальным способом философствования в современном философском дискурсе в силу установки постмодернистского мышления на отказ от жесткого рационализма и ориентацию на поэтичность и метафоричность мыслительных процессов.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ «ОНТО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АФОРИЗМА»

Онто-прагматический анализ афоризма предполагает анализ употребления данной знаковой системы в различных типах дискурса, и, прежде всего, – в обыденном общении, которое опосредовано практическим мышлением человека. Практическое мышление – это форма мыслительного процесса, в котором решение проблем реализуется в речевой и во внешней практической деятельности и которое связано с постановкой целей, выработкой планов и проектов. Практическое мышление – это также оперирование языковыми знаками в любом акте речи, любой речевой акт.

Таким образом, афоризм является речевой формой практического мышления и специфическим речевым актом, выполняющим несколько

коммуникативных функций: сообщение когнитивной информации, оказание эмоционального воздействия на адресата, внушение или скрытое воздействия на его поведение. В отличие от любого другого речевого акта афоризм реализует сразу несколько иллокутивных целей: ассертивную, экспрессивную, директивную.

- Ассертивная цель реализуется в афоризме в том, что он сообщает некоторую когнитивную информацию об определенном факте объективной реальности.

- Экспрессивная цель афористичного речевого акта реализуется в том, что помимо рациональной информации в афоризме всегда присутствует информация о кодирующей системе – авторе афоризма – о его ценностном отношении к объекту высказывания, экспрессивная иллокутивная цель реализуется также в том, что афоризм в силу своей образности всегда оказывает определенное эмоциональное воздействие на реципиента.

- Директивная цель реализуется в афоризме в том, что афоризм прямо или имплицитно побуждает к определенной модели поведения.

По сравнению с буквальным высказыванием афоризм оказывается более экономным, ярким и запоминающимся способом репрезентации и трансляции информации. С точки зрения функционирующих в нем иллокутивных целей афоризм оказывается более эффективным речевым актом, нежели буквальное высказывание, поскольку одновременно оказывает три вида речевого воздействия: убеждает, внушает и побуждает. При помощи афоризма в силу его высокой смысловой компрессии субъект может, используя минимальное количество слов, передать и репрезентировать максимально трудное сообщение, нередко носящее онтологический смысл.

Анализ функций афоризма в речевом мышлении показал его многофункциональность. Генеральной функцией афоризма в речевом мышлении человека является его гносеологическая функция. Афоризм возникает как объективация в лаконичной эстетической форме результатов процесса познания. Он абстрагирует и обобщает в себе универсальные законы

нашего бытия и служит пониманию, когда оно затруднено. Афоризм является одним из инструментов познания, отражающих в себе синтез репрезентации мира в абстрактных понятиях и сенсорном опыте. В афоризме уподобляется гетерогенное и отождествляется подобное с целью синтеза нового знания о познаваемом объекте. Гносеологической функции афоризма подчинены все другие его функции. Афоризмы выполняют функцию концентрации человеческого опыта, или аккумулятивную функцию. Афоризм является логоэпистемой, которая репрезентирует определенное знание, вербализуют национальную картину мира, хранит ее и передает от поколения к поколению.

Знание, объективированное в афоризме, выполняет регулирующую функцию в социальной жизни. Посредством образной вербальной формы, аксиологичности и императивности афоризм воздействует на сознание реципиента, предписывая ему следовать заключенной в нем социальной норме.

Афоризмы выступают как нормативно-оценочные категории, обозначая, с одной стороны, должное и нравственно-положительное, а с другой – нравственно-отрицательное в поступках и мотивах людей, выполняя тем самым оценочную функцию.

Гносеологическая функция афоризма тесно связана с его мировоззренческой функцией, которая заключается в том, что афористика составляет базовый пласт любого национального языка, его национально-культурную семантику, и потому отражает особенности мировосприятия, мировоззрения и мышления определенного этноса, его этическую и аксиологические системы.

Афоризмы, являясь результатом художественно-рационального познания объективной реальности, выполняют суггестивную функцию. Афоризм не просто передает некий когнитивный смысл, но также возбуждает в сознании реципиента определенные образы и ассоциации, таким образом, ему удастся воздействовать не только на рациональную сферу реципиента, но также и на

его эмоционально-психологическое состояние и подсознание. Афоризм является средством косвенного вербального внушения.

Суггестивная функция афоризма конкретизируется в его эмотивной и эстетической функциях. Афоризм нацелен на такое художественное воздействие на реципиента, которое вызывает в нем ценностное отношение к миру, определяемое в диапазоне категорий прекрасного или безобразного.

Резюмируя наши рассуждения об афоризме как способе философствования, можно сделать следующие выводы:

- Афоризм является художественной формой языка философии, способом философствования, возникшим в античности и актуальным для многих направлений современного философского дискурса.

- Роль афоризма в теоретическом языке философии заключается в том, что афоризмы являются развернутыми философскими концептами. Афоризм помогает визуализировать и «материализовать» абстрактный предмет философствования, играя роль оператора философской мысли и вводя интерпретатора в область бытийного мышления.

- Философский афоризм является результатом философской рефлексии и сам пробуждает акт мышления, он является не только формулой для передачи идей мыслителя, но также способом философского мышления. Образность формы в философском афоризме неотделима от концептуального содержания, наполненного подлинно философским смыслом. Философский афоризм следует рассматривать в качестве особой формы рациональности.

- Афоризм как форма объективации мысли универсален для любого философского направления, однако, наиболее афористично мыслящими являются мыслители, принадлежащие иррациональному направлению философии, отдающие приоритет в познании мира интуиции, поэтическому мышлению, искусству (речь идет о философском языке Гераклита, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, М. Хайдеггера, представителей философии постмодернизма).

Философия наиболее афористична тогда, когда ее понятийно-категориальный аппарат мало разработан. Афоризм как способ философствования возникает в античной философии. Далее философия прибегает к афоризму как оператору своей мысли в эпоху Возрождения с ее новым идеалом человеческой личности. Неклассический тип философствования в лице Ницше также ищет новые вербальные формы для выражения своего видения мира, и такой формой становится афоризм с его установкой на плюральность, фрагментарность, бессистемность. Наконец, постмодернистская философия с ее нелинейным видением мира и еще не вполне оформившимся категориальным аппаратом также тяготеет к афористичности письма. В целом, современный философский дискурс можно охарактеризовать как литературный, так как философские проблемы решаются в нем через анализ текста, дискурса, языка в его поэтической форме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Центральная проблема афористики сфокусирована вокруг отношения «человек–мир», которое является универсальным философским отношением. Афоризмы в своей совокупности отражают все уровни бытия человека от бытового до экзистенциального. Афоризм представляет собой универсальную форму знания, присутствующую на любом уровне познания объективной реальности от обыденного сознания до философско-

теоретического. Как форма объективации знания афоризм присутствует в культурологическом, общественно-политическом, религиозном, научном и философском дискурсах. Он также является базовым конструктивным элементом философского произведения, оператором философской мысли, позволяющим обозначить то, чему нет названия в предметном языке, выразить максимально лаконично, образно и экспрессивно абстрактную идею. В связи с этим можно констатировать, что афористика обладает философской сущностью.

В качестве методологического нами был выбран семиотический подход, позволивший изучить афоризм как специфическую семиотическую систему. Логика проведенного нами исследования обусловлена тремя ключевыми разделами семиотики как науки о знаках: семантикой, синтактикой и прагматикой. В первой главе нашего исследования «Логико-семантический анализ афоризма» нами был изучен семантический, зафиксированный языковой системой, аспект афоризма. На данном этапе исследования были выявлены общенаучные, гносеологические и философские категории для изучения содержания и структуры афоризма, а именно было установлено, что методологически важными для гносеологического анализа афоризма, его роли и функций в познании объективной реальности являются категории «значения» и «смысла», «рационального» и «художественного», «эмпирического» и «теоретического», «теоретического» и «практического».

На начальном этапе исследования была сформулирована философская дефиниция термина «афоризм». С философской точки зрения афоризм был определен как лаконичная форма мысли, отражающая в метафорической форме объективную реальность, имеющая рациональное, интерсубъективное содержание и имплицитно включающая в себя более объемное содержание, нежели то, что выражено в ней эксплицитно. Преимущество предложенной нами дефиниции по сравнению с филологическими дефинициями, в которых афоризм определяется как малая форма текста (лингвистика) или малый художественный жанр (литературоведение), состоит в том, что она указывает

гносеологической статус афоризма как специфической формы мысли, универсальной формы знания, метафорического отражения бытия. Данная дефиниция указывает на рациональность, intersubjectивность, общезначимость данной семиотической системы. Преимущество нашего подхода по сравнению с филологическим заключается также в том, что мы объединяем под термином «афоризм» народные и авторские формы мудрых мыслей, поскольку в основе их лежат единые гносеологические механизмы.

В результате логико-семантического анализа данного феномена были уточнены и выделены критерии афористичности, отделяющие афоризмы от других форм мудрых мыслей – максим, сентенций, парадоксов, трюизмов, цитат – пересекающихся в языковом континууме. Было установлено, что афористичность лаконичному обобщающему высказыванию придает многоуровневая конструкция смысла, состоящая из эксплицитного, данного изначально, и имплицитного, выявляемого в процессе интерпретации смысловых уровней, и создающая двуплановость содержания означаемого. Данная смысловая конструкция возникает за счет функционирования в афоризме метафоры, поэтому афоризмами являются только метафорические высказывания. Лаконичные мудрые мысли с одним уровнем смысла, типа *познай самого себя*, по нашему мнению, следует классифицировать как цитаты и изречения, но не афоризмы. Было выявлено также, что специфическим свойством афоризма является антропоцентричность: явления объективной действительности постигаются в афоризме сквозь призму человеческого бытия, свойства и атрибуты которого проецируются на неодушевленную реальность, в результате чего мир в афоризмах очеловечивается.

Было обосновано, что афоризм как семиотическая система демонстрирует полиморфность мыслительных процессов. Изначально являясь результатом поэтического мышления, и от него приобретая свойства образности, метафоричности, художественности, эмотивности, суггестивности, афоризм, несмотря на свою художественную вербальную оболочку, всегда содержит рациональное содержание, претендующее на статус истины, ведь афоризмы

потому столь и востребованы в языковом мышлении, что позволяют сказать и выразить истину небанальным, а образным, максимально лаконичным способом. Рациональное содержание афоризма является результатом объективации практического или теоретического мыслительных процессов. Следует отметить, что вопрос об участии интуитивного процесса в образовании афоризмов, по нашему мнению, заслуживает особого внимания и может быть рассмотрен в качестве перспективы исследования.

В результате исследования было установлено, что афоризм представляет собой сложную семиотическую систему, концентрирующую в себе семантические, когнитивные, художественные, эмоционально-оценочные, императивные и интенциональные компоненты.

Логико-семантический анализ данной семиотической единицы показал, что содержание афоризма представляет собой систему инвариантов информации, закодированной в нем и состоящей из семантического, синтаксического, экспрессивного и прагматического компонентов. Семантический компонент афоризма представляет собой предметно-познавательную информацию, закодированную в нем; синтаксический – информацию о свойствах кодирующей системы, то есть языка, экспрессивный – информацию о субъекте коммуникации, передающую его личностно-психологические, мировоззренческие особенности, ценностное отношение к познаваемому объекту. Прагматический компонент афоризма соответствует коммуникативным намерениям говорящего, часто имеет императивную направленность, обязывающую реципиента применять в практической деятельности совет, рекомендацию, данную в афоризме. Экспрессивный аспект афоризма неразрывно связан как с семантикой афоризма, так и с его прагматикой. Помимо собственно смыслового аспекта семантически афоризм содержит также эмоционально-оценочные компоненты, что обусловлено с гносеологической точки зрения синтезом в афоризме рационального и образного. Экспрессивная информация содержится также в прагматике

афоризма, в его употреблении, поскольку афоризм в силу своей образности всегда оказывает эмоциональное воздействие на адресата.

С точки зрения формальной логики было выделено два типа афоризмов: афоризмы-индикативы, выраженные в изъявительном наклонении, и афоризмы-императивы, выраженные в повелительном наклонении. Первые являются результатом теоретического мышления, вторые – практического. Простейшая логическая модель афоризма-индикатива соответствует схеме «тема-дескриптор», то есть состоит из субъекта и предиката. Афоризмы-индикативы могут быть также выражены сложными суждениями, образуемыми соединением простых суждений при помощи логических союзов. Логическая модель побудительного афоризма состоит из одного предикативного элемента, субъект такого суждения извлекается имплицитно и тождественен местоимениям «ты», «вы», «они».

В результате логико-семантического анализа был выявлен когнитивный механизм смыслообразования афоризмов. Последние формируются благодаря воздействию творческого когнитивного процесса на формальные семантические структуры. К субъекту, выраженному в прямом смысле, прилагается система ассоциируемых импликаций предиката, который выражен в переносном смысле, в результате чего возникает семантический сдвиг, обнаруживающий новое когнитивное знание, расширение предиката афористического суждения.

Было обосновано, что афоризмы с гносеологической точки зрения представляют собой синтетические суждения, что обусловлено эмпирическим характером поэтического языка, продуктом которого является данная языковая единица.

В первой главе нашего исследования нами была разработана гносеологическая типология афоризмов, отражающая специфику процесса познания. В ее основу нами было положено пять критериев: формально-логический, с точки зрения субъекта познания, по сферам общественного сознания, прагматика афоризма, истинность/ложность афоризма. С точки

зрения формально-логического критерия все афоризмы разделены нами на афоризмы-индикативы и афоризмы-императивы. С точки зрения субъекта познания афоризмы делятся на авторские и народные. По сферам общественного сознания среди афоризмов можно выделить следующие типы: афоризмы обыденного сознания, религиозные, научные, общественно-поэтические, философские, художественные.

Критерием гносеологической типологии афоризмов, предложенной нами, является также разделение рациональной сферы на теоретическую и практическую: с гносеологической точки зрения можно выделить *афоризмы теоретического мышления* и *афоризмы практического мышления*. Афоризм как результат теоретического мышления имеет цель сообщения какой-либо ценной когнитивной информации об объектах объективной реальности. Подтипами данной разновидности афоризмов являются религиозные, научные, общественно-политические, философские, художественные афоризмы. Афоризм как результат практического мышления является моральной нормой и имеет цель служить руководством в практической деятельности человека, то есть афоризмы-нормы направлены на нормирование поведения человека.

Среди деонтологических афоризмов можно выделить афоризмы-максимы и афоризмы-императивы. Афоризмы-максимы – это авторские афоризмы, объективирующие субъективные правила поведения. Афоризмы-императивы – это народные и авторские афоризмы, объективирующие нормы поведения, имеющие объективный характер.

Свойство истинности/ложности афоризмов определяется отдельно для афоризмов-индикативов и афоризмов-императивов, поскольку последние в большинстве своем являются суждениями этики, а о них с точки зрения формальной логики нельзя сказать, ни что они истинны, ни что они ложны. Проецируя на афоризм теорию истинности-ложности метафоры Н. Гудмена и Д. Дэвидсона, мы выделили среди афоризмов-индикативов два типа высказываний: 1) ложные и абсурдные при буквальном понимании, но истинные по сути, и 2) истинные при буквальном понимании. Вне зависимости

от вербальной оболочки афоризма-индикатива, которая может быть как истинной с точки зрения формальной логики, так и ложной, глубинному значению афоризма всегда приписывается свойство истинности. Условия истинности деонтологических афоризмов, как следует из позиции Р. Хилпинена, зависят от реципиента. Если реципиент следует модели поведения, предложенной в таком афоризме, то он оказывается истинным, если нет – то ложным.

Во второй главе нашего исследования «Онто-прагматический анализ афоризма» нами были изучены синтаксический и прагматический аспект афоризма, то есть употребление афоризма в речевом мышлении, в различных контекстах и коммуникативных актах. Изучение синтактики и прагматики афоризма предполагает изучение употребления данной языковой единицы в различных дискурсах: в обыденном общении, в религии, в идеологии, в искусстве, в литературе, в науке, в языке философии. Афоризм, как было установлено выше, является универсальной семиотической системой, используемой на любом уровне познания объективной реальности. Из всего многообразия контекстов употребления афоризма нами было выделено два ключевых дискурса его употребления: обыденное общение и язык философии. Нами было установлено, что употребление афоризмов в обыденном общении опосредовано практическим мышлением, под которым мы понимаем форму мыслительного процесса, в котором решение проблем реализуется в речевой и во внешней практической деятельности и которое связано с постановкой целей, выработкой планов и проектов. Сущность практического мышления состоит в структурировании и каузации отношений между субъектом и его деятельностью и осуществляется через язык. Афоризм является речевой формой практического мышления. Было выявлено, что употребление афоризмов в обыденном общении подчинено выполнению ими определенных практических или ментальных действий, то есть афоризм стимулирует к самостоятельному философствованию, дает определенный совет,

рекомендацию, как следует поступать в своем практическом бытии человеку, содержит оценку явлений объективной реальности.

Было выявлено, что употребление афоризмов в речевой деятельности обусловлено интенциональностью сознанию субъекта речи, поэтому онто-прагматический анализ афоризма был проведен нами на основе интенционализма как философско-семантической концепции, считающей, что базовым понятием адекватной теории семантики должно быть понятие коммуникативного намерения говорящего. В качестве методологических для онто-прагматического анализа афоризма нами были выделены основные положения теории речевых актов Остина и Серля, а именно понятия «интенции», «речевого акта», «иллокутивной силы», «прямого и косвенного речевого акта». В результате проведенного нами анализа было установлено, что афоризм является особым типом речевого акта, предназначенным для сообщения когнитивной информации, для оказания эмоционального воздействия на адресата, для скрытого воздействия на его поведение. В отличие от любого другого речевого акта афоризм реализует сразу несколько иллокутивных целей: ассертивную, экспрессивную, директивную. Ассертивная цель реализуется в афоризме в том, что он сообщает некоторую информацию об определенном факте объективной реальности. Экспрессивная цель реализуется в том, что помимо рациональной информации в афоризме всегда присутствует информация о кодирующей системе – языке и об авторе афоризма – о его ценностном отношении к объекту высказывания. Экспрессивная иллокутивная цель также реализуется в том, что афоризм в силу своей образности всегда оказывает определенное эмоциональное воздействие на реципиента. Директивная цель реализуется в афоризме в том, что афоризм прямо или имплицитно побуждает к определенной модели поведения. По сравнению с буквальным высказыванием афоризм, следовательно, оказывается более экономным, ярким и запоминающимся способом репрезентации и трансляции информации, так как с точки зрения функционирующих в нем иллокутивных целей афоризм оказывается более эффективным речевым актом,

нежели буквальное высказывание, поскольку одновременно оказывает несколько видов речевого воздействия: сообщает, убеждает, внушает, побуждает, стимулирует к философской рефлексии. Кроме того, при помощи афоризма в силу его высокой смысловой компрессии мы можем, используя минимальное количество слов, передать и репрезентировать максимально трудное сообщение, нередко носящее экзистенциальный смысл. Таким образом, типология афоризмов, предложенная нами в параграфе 1.3, в ходе исследования была дополнена шестым критерием. С точки зрения иллокутивной цели высказывания нами было выделено три типа афоризмов: афоризмы-ассертивы, афоризмы-директивы и афоризмы-экспрессивы.

В параграфе 2.2 нашего исследования нами были выделены и описаны основные функции афоризма в речевом мышлении. Генеральной функцией афоризма в речевом мышлении человека является его гносеологическая функция. Афоризм возникает как объективация в лаконичной эстетической форме результатов процесса познания. Он абстрагирует и обобщает в себе универсальные законы нашего бытия и служит пониманию, когда оно затруднено. Афоризм является одним из инструментов познания, отражающих в себе синтез репрезентации мира в абстрактных понятиях и сенсорном опыте. В афоризме уподобляется гетерогенное и отождествляется подобное с целью синтеза нового знания о познаваемом объекте. Гносеологической функции афоризма подчинены все другие его функции. Афоризмы выполняют функцию концентрации человеческого опыта, или аккумулятивную функцию. Афоризм является логоэпистемой, которая репрезентирует определенное знание, вербализуют национальную картину мира, хранит ее и передает от поколения к поколению. Знание, объективированное в афоризме, выполняет регулирующую функцию в социальной жизни. Посредством образной вербальной формы, аксиологичности и императивности афоризм воздействует на сознание реципиента, предписывая ему следовать заключенной в нем социальной норме. Афоризмы выступают как нормативно-оценочные категории, обозначая, с одной стороны, должное и нравственно-положительное,

а с другой – нравственно-отрицательное в поступках и мотивах людей, выполняя тем самым оценочную функцию. Гносеологическая функция афоризма тесно связана с его мировоззренческой функцией, которая заключается в том, что афористика составляет базовый пласт любого национального языка, его национально-культурную семантику, и потому отражает особенности мировосприятия, мировоззрения и мышления определенного этноса, его этическую и аксиологические системы. Афоризмы, являясь результатом художественно-рационального познания объективной реальности, выполняют суггестивную функцию. Афоризм не просто передает некий когнитивный смысл, но также возбуждает в сознании реципиента определенные образы и ассоциации, таким образом, ему удастся воздействовать не только на рациональную сферу реципиента, но также и на его эмоционально-психологическое состояние и подсознание. Афоризм является средством косвенного вербального внушения. Суггестивная функция афоризма конкретизируется в его эмотивной и эстетической функциях. Афоризм нацелен на такое художественное воздействие на реципиента, которое вызывает в нем ценностное отношение к миру, определяемое в диапазоне категорий прекрасного или безобразного.

Афоризмы выполняют роль операторов не только в мифологическом, художественном и практическом типах мыслительного процесса, но и в мышлении научно-теоретическом, высшей формой которого является философское мышление. Онто-прагматический анализ афоризма показал, что афоризм является художественной формой языка философии, способом философствования, возникшим на заре философии и актуальным для современного философского дискурса. Роль афоризма в теоретическом языке философии заключается в том, что афоризмы способны быть развернутыми философскими концептами, либо средством репрезентации концептов. Афоризм помогает визуализировать и «материализовать» абстрактный предмет философствования, играя роль оператора философской мысли. Абстрактное в афоризме постигается через аналогию с конкретным и вещественным.

Философский афоризм является результатом философской рефлексии и сам пробуждает акт мышления. Он является не только формулой для передачи идей мыслителя, но также способом философствования в его художественно-литературной форме, о чем свидетельствует использование афоризмов в качестве главного инструмента философствования такими мыслителями, как Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер. Несмотря на свою эстетическую форму, философские афоризмы являются результатом теоретизирования, их концептуальное содержание наполнено подлинно философским смыслом, идеями, конструктами, поэтому философский афоризм следует рассматривать в качестве особой формы рациональности. Преимущество афоризма по сравнению с буквальным изложением мыслей состоит в том, что философские афоризмы – это своеобразные философские формулы, позволяющие в максимально лаконичной и выразительной форме представить квинтэссенцию мысли философа, что делает удобным афоризм для процесса коммуникации. Афоризм – это способ выразить истину небанальным образом, один из немногих способов сказать о бытии, проникнуть в сущность явлений. Афоризм как форма объективации мысли универсален для любого философского направления, однако, нами была выявлена тенденция, что наиболее склонны к афористичному выражению своих мыслей философы, принадлежащие иррациональному направлению философии. Это обусловлено тем, что они отдают приоритет в познании мира интуиции и поэтическому мышлению. Вследствие этого результаты их философской рефлексии по преимуществу носят философско-художественный характер, и наиболее лаконичной формой для этого является афоризм.

Философия наиболее афористична, по нашему мнению, тогда, когда ее понятийно-категориальный аппарат мало разработан, когда происходит смена философских парадигм и требуются новые вербальные средства для отражения нового понимания мира. В развитии европейской философской мысли нами было выделено четыре периода, в которые философия наиболее активно прибегает к афоризму как инструменту философствования:

1) античная философия (афористичная манера философствования Гераклита, Сократа, Платона);

2) философия эпохи Возрождения, для которой характерно становление морализаторско-афористичной традиции («Опыты» М. Монтеня, «Мысли» Б. Паскаля, афоризмы Ж. Лабрюйера и Ф. Ларошфуко);

3) неклассический тип философствования с его установкой на плюральность, фрагментарность, ассистемность мировосприятия, наилучшей вербальной объективацией которого становится афоризм (афористика А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, М. Хайдеггера);

4) постмодернистская философия с ее нелинейным видением мира, когда универсум открывается как нечто многовариантное, и еще не оформившимся категориальным аппаратом, с установкой на сакральность философского текста, тяготеющая к афористичной манере письма (тексты Ж. Деррида, Ж. Делеза, Р. Барта, Ф. Гваттари, М. Фуко, М. Бланшо).

В целом современный философский дискурс, по нашему мнению, можно охарактеризовать как литературный, так как философские проблемы решаются в нем через анализ текста, дискурса, языка в его поэтической функции. Логико-грамматический строй языка оценивается неклассической и постмодернистской философией как насилие над творческой свободой мышления, что приводит к конституированию таких неклассических жанров философствования, как афористика, эссеистика, философская поэзия, невербальные формы философствования (философская живопись и философский кинематограф) как наиболее радикальный отказ от классической традиции философствования. Исходя из этого, можно утверждать, что афористичность является неотъемлемой чертой современного мыслительного процесса.

Концепты «текст», «дискурс», «письмо», «знак» являются ключевыми для современной философии. Это связано с тем, что современная философия представляет собой сложный конгломерат идей и направлений мысли, категориально-понятийный аппарат которой еще недостаточно разработан. В этой связи тема нашего исследования является перспективной и может иметь

дальнейшее развитие в связи с остро дискуссионной проблемой языка философии, ищущей ответы на следующие вопросы: есть ли у философии свой язык, каким требованиям он должен отвечать, почему философы не всегда пользуются сухим научным стилем для изложения своих идей, а часто прибегают к образам, метафорам, афоризмам, не противоречат ли художественные инструменты мышления научности и строгости философского знания. Также, учитывая, что современная философия – это философия, «подшитая к поэме» (А. Бадью), философия «литературная» (А. Пятигорский), тема нашего исследования может быть развита в связи с изучением междисциплинарного взаимодействия философии и литературы, философско-антропологического анализа литературы, философии искусства в целом.

В параграфе 1.1. первой главы нашего исследования мы упомянули, что помимо классической семиотики Ф. де Соссюра и Ч. Пирса в последнее время принято выделять так называемую «глубокую» семиотику, которая дополняет семантическое, синтаксическое и прагматическое рассмотрение знаков еще одним измерением – персонологическим, включающим сознание личности как источник, процесс и результат смыслообразования. О «глубокой» семиотике говорят прежде всего в связи с семиотическими взглядами выдающегося отечественного философа Г.Г. Шпета, который разрабатывал семиотику на основе феноменологического метода [139, с. 188]. По нашему мнению, дальнейшие перспективы развития нашей темы могут состоять также в том, чтобы дополнить изучение афоризма как семиотического явления исследованием его феноменолого-персонологического аспекта, а именно того, как именно происходит понимание смысла афоризма различными субъектами, какой смысл в афоризме социален, а какой субъективен. По нашему мнению, изучение афоризма в контексте феноменологии языка и персонологии может быть очень продуктивным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Автономова, Н.С. Открытая структура: Якобсон-Бахтин-Лотман-Гаспаров / Н.С. Автономова. – Москва: РОССПЭН, 2009. – 503 с. – ISBN 978-5-98712-156-6. – Текст: непосредственный.
2. Автономова, Н.С. Философия и филология (о российских дискуссиях 1990-х годов) / Н.С. Автономова // Ускользящий контекст: русская философия в XX веке. – Москва: Ад Маргинем, 2002. – 384 с. – ISBN 5-93321-046-3. – Текст: непосредственный.
3. Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – 148 с. – Текст: непосредственный.
4. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. – Москва: Мысль, 1983 // Сочинения: в 4 т. Т.1. – 304 с. – Текст: непосредственный.
5. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторики. – Москва: Изд-во МГУ. – 358 с. – Текст: непосредственный.
6. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Издательство ЛКИ, 2007. – 384 с. – ISBN 978-5-397-00624-8. – Текст: непосредственный.
7. Арутюнова, Н.Д. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. – Москва: Русский язык, 1983. – 198 с. – Текст: непосредственный.
8. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – ISBN 5-7859-0027-0. – Текст: непосредственный.

9. Бадью А. Манифест философии / А. Бадью – Санкт-Петербург: Machina, 2003. – 184 с. – ISBN 5-90141-029-7. – Текст: непосредственный.
10. Баранов, Г.С. Роль метафоры в теоретическом познании и репрезентации социальной реальности (философский анализ): автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра. филос. наук / Г.С. Баранов. – Новосибирск, 1994. – 32 с. – Текст: непосредственный.
11. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. – Москва: Прогресс, 1989. – 616 с. – Текст: непосредственный.
12. Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм «за» и «против»: сб. статей. – Москва: Прогресс, 1975. – 456 с. – Текст: непосредственный.
13. Барт, Р. Сад, Фурье. Лойола / Р. Барт. – Москва: Праксис, 2007. – 256 с. – ISBN 978-5-901574-63-8. – Текст: непосредственный.
14. Бахтин, М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / М.М. Бахтин. – Москва: Лабиринт, 2000 – 640 с. – ISBN 5-87604 – 016-9. – Текст: непосредственный.
15. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с. – ISBN 5-354-00066-1. – Текст: непосредственный.
16. Биbihин, В.В. Семантические потенции языкового знака: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / В.В. Биbihин. – Москва, 1977. – 20 с. – Текст: непосредственный.
17. Биbihин, В.В. Язык философии / В.В. Биbihин. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 389 с. – ISBN 5-02-026832-1. – Текст: непосредственный.
18. Бланшо, М. От Кафки к Кафке / М. Бланшо. – Москва: Логос, 1998. – 240 с. – ISBN 5-8163-0004-0. – Текст: непосредственный.
19. Блинов, А.Л. Общение. Звуки. Смысл: Об одной проблеме аналитической философии языка / А.Л. Блинов. – Москва: Русское феноменологическое общество, 1996. – 324 с. – ISBN 5733304731. – Текст: непосредственный.

20. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 153–173. – ISBN 5-01-001599-4. – Текст: непосредственный.

21. Борисов, С.В. Наивное философствование как познавательная деятельность / С.В. Борисов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 8(32). – 2008. – С. 4–7. – Текст: непосредственный.

22. Букша, А.В. Семантические особенности парадоксальных высказываний / А.В. Букша // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI. Сборник научных статей VI Международной научной конференции под редакцией Е.Е. Иванова. – Могилёв: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова. – 2020. – С. 191–194. – Текст: непосредственный.

23. Булыгина, Т.В. Особенности структурной организации языка как знаковой системы и методы ее исследования / Т.В. Булыгина // Материалы конференции «Язык как знаковая система особого рода». – Москва, 1965. – С. 58–63. – Текст: непосредственный.

24. Бурмистрова, Л.В. Прагматические характеристики шуточных афоризмов в контексте жизненного пространства / Л.В. Бурмистрова // Гуманитарные исследования. – Астрахань: Астраханский государственный университет. – 2020. – № 4 (76). – С. 18–23. – Текст: непосредственный.

25. Бутенко, И.А. Социальное познание и мир повседневности: Горизонты и тупики феноменологической социологии / И.А. Бутенко. – Москва: Наука, 1987. – 141 с. – Текст: непосредственный.

26. Бэкон, Ф. Новый Органон / Бэкон Ф. // Сочинения: в 2 т. Т.2. – Москва: Мысль, 1978. – С. 5–230. – Текст: непосредственный.

27. Бюлер, К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – Москва: Прогресс, 2000. – 501 с. – ISBN 5-01-004658-X. – Текст: непосредственный.

28. В поисках смысла / сост. А.Е. Мачехин. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 912 с. – ISBN 5-224-04726-9. – Текст: непосредственный.
29. Вайчук, Т.В. Философско-методологические аспекты теории речевых актов: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. / Т.В. Вайчук. – Москва, 2000. – 22 с. – Текст: непосредственный.
30. Валерии, П. Об искусстве. / П. Валерии. – Москва: Искусство, 1976. – 622 с. – Текст: непосредственный.
31. Ветров, А. А. Семиотика и ее основные проблемы / А. А. Ветров. – Москва: Политиздат, 1968. – 262 с. – Текст: непосредственный.
32. Винокур, Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция / Т.Г. Винокур // Язык и личность. – Москва: Наука. – 1989. – С. 11–23. – Текст: непосредственный.
33. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Витгенштейн Л. Избранные работы. – Москва: Территория будущего, 2005. – С. 14–222 – ISBN 5-7333-0151-1. – Текст: непосредственный.
34. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Людвиг Витгенштейн. Философские работы. Часть 2. Книга 1. – Москва: Гнозис, 1994. – С. 75–320. – ISBN 5-7333-0468-5. – Текст: непосредственный.
35. Волошинов, В.Н. (М.М.Бахтин). Марксизм и философия языка. / В.Н. Волошинов (М.М.Бахтин). – Москва: Лабиринт, 1993. – 245 с. – ISBN 5-87604-016-9. – Текст: непосредственный.
36. Выготский, Л.С. Педология подростка / Л.С. Выготский // Собр. соч: в 6 т. Т. 4. Детская психология / под ред Д.Б. Эльконина. – Москва: Педагогика 1984. – 432 с. – С. 146–161. – Текст: непосредственный.
37. Выготский, Л.С. Проблема речи и мышления в учении Ж. Пиаже. Критическое исследование / Л.С. Выготский // Ж. Пиаже. Речь и мышление ребенка. – Москва: Педагогика-Пресс, 1994. – С. 403–463. – ISBN 5-7155-0694-8. – Текст: непосредственный.
38. Глуханько Л.В. Афоризмы как единицы особого уровня языка (обзор лингвострановедческой теории афоризма) / Л.В. Глуханько //

Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО. Сборник научных статей по материалам VI Международного научно-практического онлайн-семинара (вебинара). – Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2020. – С. 113–118. – Текст: непосредственный.

39. Глуханько, Л.В. Фразеологический подход к изучению афоризмов / Л.В. Глуханько // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО. Материалы V Международного научно-практического онлайн-семинара (вебинара). – Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2019. – С. 62–66. – Текст: непосредственный.

40. Гонгало, В.М. Природа и ценностная интенциональность философской афористики: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / В.М. Гонгало. – Омск, 2007. – 27 с. – Текст: непосредственный.

41. Гонголенкова, Е.А. Метафора в науке: философско-методологический анализ автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / Е.А. Гонголенкова. – Москва, 2005. – 30 с. – Текст: непосредственный.

42. Горячева, Е.Д. Афоризм в структуре художественного текста: функционально-прагматический аспект / Е.Д. Горячева // Вестник Пятигорского государственного университета. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2018. – № 4. – С. 140–143. – Текст: непосредственный.

43. Горячева, Е.Д. Афоризм как целостный текст: механизмы структурно-семантической организации / Е.Д. Горячева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2020. – № 3. С. 129–138. – Текст: непосредственный.

44. Горячева, Е.Д. Прагматика афоризма в координатах прецедентности художественного текста / Е.Д. Горячева // Филологические

науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2018. – № 12-3 (90). – С. 509–512. – Текст: непосредственный.

45. Грайс, П. Постулаты речевого общения / П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – Вып. 16. – Москва, 1985. – 243 с. – Текст: непосредственный.

46. Гридина, Т.А. Операциональные механизмы вербальной креативности: игровой «трансфер» когнитивных стереотипов в жанре афоризма / Т.А. Гридина // Когнитивные исследования языка. – Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2020. – № 2 (41). – С. 1014–1017. – Текст: непосредственный.

47. Гудмен, Н. Метафора – работа по совместительству / Н. Гудмен // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 194–201. – Текст: непосредственный.

48. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт – Москва: Прогресс, 2000. – 345 с. – ISBN 5-01-004661-X. – Текст: непосредственный.

49. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – Москва: Харвест, АСТ, 2000. – С. 544–665. – ISBN 985-13-0079-9; 5-17-001766-9. – Текст: непосредственный.

50. Давыдов, Ю.Н. Проблемы социологии искусства и литературы у М.М.Бахтина / Ю.Н. Давыдов // М.М.Бахтин как философ / С.С. Аверинцев, Ю.Н.Давыдов и др. – Москва: Наука, 1992. – С. 20–44. – ISBN 5-02-008110-8. – Текст: непосредственный.

51. Даммит, М. Что такое теория значения / М. Даммит // Философия, логика, язык; общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. – Москва: Прогресс, 1987. – С. 127–213. – Текст: непосредственный.

52. Дандис, А. О структуре пословицы / А. Дандис // Паремнологический сборник. Пословица, загадка (структура, смысл, текст) / ред. Г.Л. Пермякова – Москва: Наука, 1978. – С. 13–35. – Текст: непосредственный.

53. Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 288 с. – ISBN 5-89329-106-9. – Текст: непосредственный.

54. Деррида, Ж. Есть ли у философии свой язык? (Ответы Жака Деррида на вопросы издательства «Autrement») / Ж. Деррида // Деррида Ж. Золы угасшей прах. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. – ISBN 5-7331-0251-9. – Текст: непосредственный.

55. Деррида, Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / В.Е. Лапицкий, Ж. Деррида // Деррида Ж. Письмо и различие. Санкт-Петербург: Академический Проект, 2000. – 234 с. – ISBN 5-7331-0181-4. – Текст: непосредственный.

56. Деррида, Ж. Эссе об имени / Ж. Деррида – Москва: Институт экспериментальной социологии. – Санкт-Петербург: Алетея, 1998. – 192 с. – ISBN 5-89329-105-0. – Текст: непосредственный.

57. Дземидок, Б. О комическом / Б. Дземидок. – Москва: Прогресс, 1974. – 221 с. – Текст: непосредственный.

58. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский / АН ССР, Ин-т философии; общ. ред. А.Ф. Лосева. – Москва: Мысль, 1979. – 620 с. – Текст: непосредственный.

59. Дхаммапада / Перевод с пали и комментариев В.И. Топорова. Памятники литературы народов Востока. – Москва: Изд-во вост. лит-ры, 1960. – 256 с. – Текст: непосредственный.

60. Дэвидсон, Д. Истина и значение / Д. Дэвидсон // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 18. Логический анализ естественного языка. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 99–118. – Текст: непосредственный.

61. Дэвидсон, Д. Общение и конвенциональность / Д. Дэвидсон // Философия, логика, язык; общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. – Москва: Прогресс, 1987. – С. 213–234. – Текст: непосредственный.

62. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутдюнова и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 173–194. – Текст: непосредственный.

63. Землянская, Е.В. Структурно-семантические и функциональные особенности стилевой интертекстуальности в англоязычном афоризме: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Е.В. Землянская. – Санкт-Петербург. 2004. – Текст: непосредственный.

64. Иванов, Е.Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма / Е.Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 381–401. – Текст: непосредственный.

65. Иванов, Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки / Е.Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 659–706. – Текст: непосредственный.

66. История философии: Энциклопедия. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. — 1376 с. — (Мир энциклопедий). — ISBN 985-6656-20-6; — ISBN 985-428-461-1.

67. Каган, М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М.С. Каган, – Москва: Политиздат, 1988. – 204 с. – Текст: непосредственный.

68. Калмыков, А.А. О виртуалистической природе коммуникации / А.А. Калмыков // Философские науки. – 2007. – № 8. – С. 123–126.

69. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант // Сочинения: в 8 т. Т. 4. – Москва: Чоро, 1994. – С. 373–479. – ISBN 5-8497-0004-8. – Текст: непосредственный.

70. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – Москва: Эксмо, 2006. – 736 с. – ISBN 978-5-699-14702-1. – Текст: непосредственный.

71. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры: сборник / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990, С. 33–43. – Текст: непосредственный.

72. Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка / Г. Клаус. – Москва: Прогресс, 1967. – 215 с. – Текст: непосредственный.

73. Кобозева, И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник./ Сост. И.М. Кобозева и В.З. Демьянкова. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 7–22. – Текст: непосредственный.

74. Королькова, А.В. Когнитивный потенциал русской афористики / А.В. Королькова // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2020. – С. 242–247. – Текст: непосредственный.

75. Костина, О.В. Онтология коммуникации: дис. на соиск. учен. степ. докт. филос. наук / О.В. Костина. – Саратов, 2005. – 245 с. – Текст: непосредственный.

76. Кудзоева, А.Ф. Лингвистика афоризмов: образные средства / А.Ф. Кудзоева, Д.В. Боциева// Коста Хетагуров в контексте культуры России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 160-летию со дня рождения Коста Левановича Хетагурова. – Владикавказ:Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 2019. – С. 161–165. – Текст: непосредственный.

77. Лакан, Ж. Функция и поле речи языка в психоанализе / Ж. Лакан. – Москва: Гнозис, 1995. – 256 с. – ISBN 5-7333-0469-3. – Текст: непосредственный.

78. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 387–415. – ISBN 5-01-001599-4. – Текст: непосредственный.

79. Левин, С. Прагматическое отклонение высказывания / С. Левин // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 342–358. – ISBN 5-01-001599-4. – Текст: непосредственный.

80. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – Москва: Смысл, 2005. – 352 с. – ISBN 5-89357-153-3. – Текст: непосредственный.

81. Леонтьев, А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / А.Н. Леонтьев. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 285 с. – ISBN 5-211-02628-4. – Текст: непосредственный.

82. Леонтьев, А.Н. Общее понятие о деятельности. «Основы теории речевой деятельности» / А.Н. Леонтьев. – Москва: Наука 1974. – 234 с. – Текст: непосредственный.

83. Леонтьев, А.Н. Язык и разум человека / А.Н. Леонтьев. – Москва: Изд-во политической литературы, 1965. – 125 с. – Текст: непосредственный.

84. Лосев, А.Ф. Вещь и имя / А.Ф. Лосев // Бытие. Имя. Космос. – Москва: Мысль. – 1993. – 576 с. – ISBN 5-244-00717-3. – Текст: непосредственный.

85. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев // Из ранних произведений. – Москва: Правда, 1990. – 254 с. – Текст: непосредственный.

86. Лотман, Ю.М. К проблеме типологии текстов / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике искусства. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. – С. 17–24. – ISBN 5-7331-0184-9. – Текст: непосредственный.

87. Лотман, Ю.М. К современному понятию текста / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике искусства. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. – С. 79–84. – ISBN 5-7331-0184-9. – Текст: непосредственный.

88. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Лотман Ю.М. // Статьи по семиотике искусства. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. – С.84–93. – ISBN 5-7331-0184-9. – Текст: непосредственный.

89. Лотман, Ю.М. Текст и функция / Лотман Ю.М. // Статьи по семиотике искусства. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. – С 24–38. – ISBN 5-7331-0184-9. – Текст: непосредственный.

90. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1979. – 320 с. – Текст: непосредственный.

91. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 358–387. – ISBN 5-01-001599-4. – Текст: непосредственный.

92. Малявин, В.В. Язык сердца: афоризм и китайская традиция / В.В. Малявин // Афоризмы старого Китая. – Москва: Астрель, 2004. – С. 2–34. – ISBN 5-17-017708-9. – Текст: непосредственный.

93. Мамардашвили, М.К. Лекции по античной философии / М. Мамардашвили. – Москва: Аграф, 2002. – 320 с. – ISBN 5-7784-0021-7. – Текст: непосредственный.

94. Мамардашвили, М.К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 280 с. – ISBN 5-88766-055-4. – Текст: непосредственный.

95. Маринченко, И.А. Приемы реализации языковой игры в афоризмах / И.А. Маринченко, Е.В. Васильева, Е.С. Ипполитова // Филологический аспект. – Нижний Новгород, 2020. – № 4 (60). – С. 78–86. – Текст: непосредственный.

96. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные сочинения: в 9 т. Т. 2. – Москва: Издательство политической литературы, 1984. – 517 с. – Текст: непосредственный.

97. Монтень, М. Опыты: в 3 кн. кн. 1 / М. Монтень. – Калининград: Янтарный сказ, 2001. – 324 с. – ISBN 5-7406-0456-7. – Текст: непосредственный.

98. Моррис, Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика. Москва: Прогресс, 1983. – 304 с. – Текст: непосредственный.

99. Мулуд, Н. Анализ и смысл. Очерк семантических предпосылок логики и эпистемологии / Н. Мулуд. – Москва: Прогресс, 1979. – 267 с. – Текст: непосредственный.

100. Наличникова, И.А. К проблеме определения афоризма / И.А. Наличникова // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: проблемы, пути решения. Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), 2018. – С. 290–293. – Текст: непосредственный.

101. Нарский, И.С. Проблема значения «значения» в теории познания / И.С. Нарский // Проблема знака и значения (Материалы симпозиума по проблеме знака в Моск. гос. ун-те). – Москва: Изд-во МГУ, 1969. – 267 с. – Текст: непосредственный.

102. Нежданов, Д.В. Научная метафора в контексте типологии метафор (на примере метафоры «политический рынок») / Д.В. Нежданов // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2007. – № 48. – С. 5–13. – Текст: непосредственный.

103. Ницше, Ф. Злая мудрость. Афоризмы и изречения / Ф. Ницше // Сочинения: в 2 т. Т. 1. – Москва: Мысль, 1990. – С. 720–768. – ISBN 5-244-00138-8. – Текст: непосредственный.

104. Ницше, Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм / Ф. Ницше // Сочинения: в 2 т. Т. 1. – Москва: Мысль, 1990. – С. 47–157. – ISBN 5-244-00138-8. – Текст: непосредственный.

105. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше // Сочинения: в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. – Москва: Мысль, 1990. – С. 231–491. – ISBN 5-244-00138-8. – Текст: непосредственный.

106. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 153–173. – ISBN 5-01-001599-4. – Текст: непосредственный.

107. Ортони, Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 153–173. – ISBN 5-01-001599-4. – Текст: непосредственный.

108. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 22–131. – Текст: непосредственный.

109. Очирова, Д.Э. К вопросу определения термина «афоризм» в современной лингвистике / Д.Э. Очирова, Ж.Н. Сарангаева // Научные механизмы решения проблем инновационного развития. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 4 ч. – Уфа: Аэтерна, 2017. – С. 167–171. – Текст: непосредственный.

110. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – Москва: Мысль, 1983. – 324 с. – Текст: непосредственный.

111. Павиленис, Р.И. Понимание речи и философия языка / Р.И. Павиленис // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. – Москва: Прогресс, 1986. – С.380-388. – Текст: непосредственный.

112. Панфилов, В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В.З. Панфилов. – Москва: Наука, 1982. – 289 с. – Текст: непосредственный.

113. Панфилов, В.З. Онтология языка как общественного явления. / В.З. Панфилов, Б. В. Якушин и др. – Москва: Наука 1983. – 311 с. – Текст: непосредственный.

114. Панфилов, В.З. Философские проблемы языкознания / В.З. Панфилов – Москва: Наука, 1977. – 278 с. – Текст: непосредственный.
115. Паскаль, Б. Мысли / Б. Паскаль // Ф. Ларошфуко. Максимы. Б. Паскаль. Мысли. Ж. Лабрюйер. Характеры. – Москва: Издательство художественной литературы, 1974. – С. 109–186. – Текст: непосредственный.
116. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии. Исследования по фольклору и мифологии Востока / Г.Л. Пермяков. – Москва: Наука, 1988. – 237 с. – Текст: непосредственный.
117. Пермяков, Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока: Систематизированное собрание изречений двухсот народов / Г.Л. Пермяков. – Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – 671 с. – Текст: непосредственный.
118. Песина, С.А. Когнитивная семантика ментальное и языковое пространства / С.А. Песина. – Магнитогорск: МГТУ, 2007. – 147 с. – ISBN 5895148557: 9785895148556. – Текст: непосредственный.
119. Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 207 с. – Текст: непосредственный.
120. Петров, В.В. На пути к когнитивной модели языка / В.В. Петров, В.И. Герасимов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – Москва: Прогресс, 1988. – С. 5–12. – Текст: непосредственный.
121. Петров, В.В. От философии языка к философии сознания / В.В. Петров // Философия, логика, язык. – Москва: Прогресс, 1987. – С. 3–18. – Текст: непосредственный.
122. Петров, В.В. Язык и логическая теория / В.В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 5–24. – Текст: непосредственный.
123. Печерская, Н.В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания / Н.В. Печерская // Полис. – 2004. – № 2. – С. 98–108. – Текст: непосредственный.

124. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология / Ж. Пиаже. – Москва: Просвещение, 1969. – 367 с. – Текст: непосредственный.

125. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. – Москва: Педагогика-Пресс, 1994. – 526 с. – ISBN 9785715506948: 5715506948. – Текст: непосредственный.

126. Подорога, В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Серен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка / В.А. Подорога. – Москва: Ad Marginem, 1995. – 427 с. – ISBN 9785880590070: 5880590070. – Текст: непосредственный.

127. Подосинникова, Р.В. Явление субстантивации в афоризмах / Р.В. Подосинникова, А.А. Мяснянкина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1 (28). – С. 93–101. – Текст: непосредственный.

128. Полозова, И.В. Роль метафоры в философском познании: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / И.В. Полозова. – Москва, 1993. – 21 с. – Текст: непосредственный.

129. Поляков, И.В. Интерпретация: область определения и формы функционирования / И.В. Поляков, В.В. Пазельский // Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 3–33. – Текст: непосредственный.

130. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – Москва: Правда, 1989. – 566 с. – Текст: непосредственный.

131. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. – Москва: Академия, 2003. – 456 с. – ISBN 5-8465-0132-X: 5-7695-1458-2. – Текст: непосредственный.

132. Пятигорский, А. Краткие заметки о философском и его отношении к филологическому / А. Пятигорский // Philologica. – 1995. – № 3–4, – С. 127–130. – Текст: непосредственный.

133. Радченко, О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О.А. Радченко. – Москва: КомКнига, 2006. – 312 с. – ISBN 5-484-00475-6. – Текст: непосредственный.

134. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Том 2. Средневековье / Дж. Реале, Д. Антисери. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1994. – 368 с. – ISBN 88-350-7271-9; ISBN 5-86708-104-4. – Текст: непосредственный.

135. Рикер, П. Живая метафора // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 435–455. – ISBN 5-01-001599-4. – Текст: непосредственный.

136. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – Москва: Академический Проект, 2008. – 695 с. – ISBN 978-5-8291-1025-3. – Текст: непосредственный.

137. Рикер, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 416–435. – ISBN 5-01-001599-4. – Текст: непосредственный.

138. Ричардс, А. Философия риторики // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 44–68. – ISBN 5-01-001599-4. – Текст: непосредственный.

139. Рорти, Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка / Р. Рорти // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – Москва: Наука, 1991. – 289 с. – ISBN 9785020081055: 5020081051. – Текст: непосредственный.

140. Рузиева, Л.Т. Прецедентные высказывания: определение понятия и аспекты рассмотрения / Л.Т. Рузиева // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2019. – № 3. С. 180–184. – Текст: непосредственный.

141. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина. – Москва: Издательство художественной литературы, 1988. – 431 с. – Текст: непосредственный.

142. Сазбандян, Т.В. Функции афоризмов в структуре и динамике познавательной деятельности человека: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. – Москва, 2008. – 28 с. – Текст: непосредственный.

143. Самсонов, В.Ф. Предмет, структура и функции философии. Лекция / В.Ф. Самсонов // О философии: Современные дискуссионные проблемы. – Челябинск: Околица, 2002. – 208 с., С. 17–42. – Текст: непосредственный.

144. Самсонов, В.Ф. Проблема единства языка и мышления в современной философии. Лекция / В.Ф. Самсонов // О философии: Современные дискуссионные проблемы. – Челябинск: Околица, 2002. – 208 с., С. 84–101. – Текст: непосредственный.

145. Свирский, Я.И. Самоорганизация смысла (опыт синергетической онтологии) / Я.И. Свирский. – Москва: Институт философии РАН, 2001. – 139 с. – ISBN 5-201-02051-8. – Текст: непосредственный.

146. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – Москва: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 317 с. – ISBN 5-01-002079-3. – Текст: непосредственный.

147. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова – Москва: Наука, – 1988. – 256 с. – Текст: непосредственный.

148. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление / Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1988. – 256 с. – ISBN 5-02-010878-2. – Текст: непосредственный.

149. Серль, Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 195–223. – Текст: непосредственный.

150. Серль, Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 242–263. – Текст: непосредственный.

151. Серль, Дж. Природа Интенциональных состояний / Дж. Серль // Философия, логика, язык. – Москва: Прогресс, 1987. – С. 96–127. – Текст: непосредственный.

152. Серль, Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 151–170. – Текст: непосредственный.

153. Сибиряков, И.В. Метафора: гносеологический статус, механизмы реализации и роль в познании: монография / И.В. Сибиряков – Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2006. – 128 с. – ISBN 5-94839-071-3. – Текст: непосредственный.

154. Сибиряков, И.В. Проблема метафоры: художественный троп или принцип мышления / И.В. Сибиряков // Творческое мышление: парадоксы и парадигмы развития. (Тезисы выступлений). – Целиноград, 1991. – С. 243–245. – Текст: непосредственный.

155. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с. – ISBN 978-5-397-00072-7. – Текст: непосредственный.

156. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр – Екатеринбург: Издательство Уральского университета 1999. – 425 с. – ISBN 5-7525-0689-1. – Текст: непосредственный.

157. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 252 с. – Текст: непосредственный.

158. Тамразова, И.Г. Эристическая интерпретация как механизм образования делокутивных речевых форм / И.Г. Тамразова// Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – Тверь: Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2020. – № 60. – С. 102–114. – Текст: непосредственный.

159. Таранов, П.С. Формулы смысла: неожиданные ракурсы афористики / П.С. Таранов. – Донецк: Сталкер, 1997. – 493 с. – ISBN 966-7104-76-1. – Текст: непосредственный.

160. Тульчинский, Г.Л. Густав Шпет и новые перспективы гуманитарной парадигмы (Текст как интонированное бытие, или Инорациональность семиотики) / Г.Л. Тульчинский // Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма: коллективная монография. – Москва: РОСПЭН, 2010. – С. 181–191. – ISBN 978-5-8243-1367-3. – Текст: непосредственный.

161. Тхакушинова, Ж.Б. Лингвистическая специфика афоризмов / Ж.Б. Тхакушинова, С.А. Кушу // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – Сочи: Сочинский государственный университет, 2017. – № 22-3. – С. 32–35. – Текст: непосредственный.

162. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. – Москва: Прогресс, 1960. – С. 58–92. – Текст: непосредственный.

163. Федоренко, Н.Т. Афористика / Н.Т. Федоренко. – Москва: Наука, 1990. – 189 с. – ISBN 5-02-011425-1. – Текст: непосредственный.

164. Философия филологии (круглый стол) // НЛО. – 1996. – №17. – С. 45–93. – Текст: непосредственный.

165. Фреге, Г. Мысль: логическое исследование / Г. Фреге // Философия, логика, язык. – Москва: Прогресс, 1987. – С. 18–48. – Текст: непосредственный.

166. Фуко, М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Санкт-Петербург: А-сad, 1994. – 406 с. – ISBN 5-85962-021-7. – Текст: непосредственный.

167. Хайдеггер, М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – Москва: Республика, 1993. – С. 273–301. – ISBN 5-250-01496-8. – Текст: непосредственный.

168. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – Москва: Республика, 1993. – С. 192–221. – ISBN 5-250-01496-8. – Текст: непосредственный.

169. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – Москва: Республика, 1993. – С. 192–220. – ISBN 5-250-01496-8. – Текст: непосредственный.
170. Хайдеггер, М. Путь к языку / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – Москва: Республика, 1993. – С. 259–273. – ISBN 5-250-01496-8. – Текст: непосредственный.
171. Хайдеггер, М. Слово / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – Москва: Республика, 1993. – С. 302–311. – ISBN 5-250-01496-8. – Текст: непосредственный.
172. Хайдеггер, М. Что значит мыслить? / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге: сборник. – Москва: Высшая школа, 1991. – 192 с. – С. 134–145. – ISBN 5-06-002425-3. – Текст: непосредственный.
173. Хилпинен, Р. Семантика императивов и деонтическая логика / Р. Хилпинен // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 300–316. – Текст: непосредственный.
174. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – Москва: Изд. Моск. ун-та, 1972. – 122 с. – Текст: непосредственный.
175. Цветкова, И.В. Герменевтика философского текста / И.В. Цветкова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 204 с. – Текст: непосредственный.
176. Черкасский, М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (Пословицы и афоризмы) / М.А. Черкасский // Паремнологический сборник. Пословица, загадка (структура, смысл, текст). – Москва: Наука, 1978. – С. 35–53. – Текст: непосредственный.
177. Шевелев, Илья. Афоризмы, мысли, эмоции. Книга жизни / Илья Шевелев. – Москва: Владос, 1997. – 384 с. – Текст: непосредственный.
178. Шелестюк, Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования / Е.В. Шелестюк. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. – 232 с. – Текст: непосредственный.

179. Шелестюк, Е.В. Речевое воздействие: ракурсы адресата и адресанта / Е.В. Шелестюк. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. – 152 с. – Текст: непосредственный.

180. Шилков, Ю.М. Гносеологические основы мыслительной деятельности / Ю.М. Шилков. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. – 207 с. – ISBN 9785288005091: 5288005095. – Текст: непосредственный.

181. Шлегель, Ф. История европейской литературы / Ф. Шлегель // Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. Т. 2. – Москва: Искусство, 1983. – С. 80–98. – Текст: непосредственный.

182. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр // Свобода воли и нравственность. – Москва: Республика, – 1992. – С. 260–420. – ISBN 5-250-01826-7. – Текст: непосредственный.

183. Щербина, С.Ю. К вопросу о лексикографической фиксации афоризмов / С.Ю. Щербина // Филологический аспект. – Нижний Новгород, 2018. – № 1 (33). – С. 135–143. – Текст: непосредственный.

184. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2004. – 544 с. – ISBN 5-89091-252-6. – Текст: непосредственный.

185. Эко, У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко. – Санкт-Петербург: ALEXANDRIA, 2007. – 478 с. – ISBN 978-5-903445-05-9: 978-5-903445-03-5: 978-5-903445-14-1. – Текст: непосредственный.

186. Юм, Д. Трактат о человеческой природе. / Д. Юм // Сочинения: в 2 т. Т. 1. – Москва: Мысль, 1965. – 847 с. – Текст: непосредственный.

187. Языковой афоризм как средство наглядного обучения в курсе марксистско-ленинской философии. Методические указания / сост. Т.Э. Тийттанен. – Свердловск, 1985. – 34 с. – Текст: непосредственный.

188. Allen J. F. A plan-based approach to speech act recognition / J. F. Allen – Toronto: Department of Computer Science, University of Toronto, 1979. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/J80-3003.pdf> (дата обращения: 19.04.2021) – Текст: электронный.

189. Austin J. L. How to do things with words / J. L. Austin New York: Oxford University Press, 1962. URL:

https://pure.mpg.de/rest/items/item_2271128/component/file_2271430/content(дата обращения: 19.04.2021) – Текст: электронный.

190. Chomsky N. Reflections on language / N. Chomsky. New York: Pantheon, 1975. – 269 p. ISBN 000634299X: 978-0006342991. – Текст: непосредственный.

191. Harrison B. An Introduction to the Philosophy of Language / B. Harrison - London a.o.: The MacMillan Press Ltd., 1979. ISBN 978-0-333-12044-6 – 303 p. Текст: непосредственный.

192. Searle J.R. A taxonomy of illocutionary acts / J.R. Searle // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. University of Minneapolis, 1975. URL:<https://conservancy.umn.edu/handle/11299/185220> (дата обращения: 19.04.2021). Текст: электронный.

193. Searle J. R. Austin on locutionary and illocutionary acts / J. R. Searle // Philosophical Review, 1968, 77, 405—424. URL: <https://sites.ualberta.ca/~francisp/NewPhil448/SearleOnAustinonLocutionaryIllocutionActs.pdf> (дата обращения: 19.04.2021). – Текст: электронный.

194. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J.R. Searle Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 226 p. ISBN 978-0521096263: 052109626X. Текст: непосредственный.

Научное издание

Дядык Наталья Геннадьевна
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ АФОРИЗМА КАК СЕМИОТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ
Монография

ISBN 978-5-907409-42-2

Работа рекомендована РИС ЮУрГГПУ
Протокол № 23 от 2021 г.

Издательство ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69
Редактор Е.М. Сапегина
Технический редактор Н.А. Усова
Дизайн обложки

Подписано в печать 07.06.21 Формат 60×84 / 16
Объем 10,4 уч-изд.л. (14,5 ус. п.л.) Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69